

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СТРАНАХ АЗИИ – XVI

*Материалы ежегодной международной молодежной
научно-практической конференции*

Улан-Удэ, 18 апреля 2025 г.

Спонсор научного мероприятия

Dorzhi Banzarov Buryat State University
The Supreme Court of the Republic of Buryatia
The Association of Lawyers of Russian Federation of the Republic of Buryatia
Regional Public Organization «The Union of Criminalists and Criminologists»
Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences
Comparative Law Association of the China Law Society
Institute of Comparative Law at the Political and Law University of China
The Association of Lawyers of Mongolia
Mongolian State University
University of Home Affairs of Mongolia

COMPARATIVE LAW IN THE COUNTRIES OF ASIA - XVI

Proceedings of the annual international youth
scientific and practical conference
(mixed format)

(Ulan-Ude, April 18, 2025)

Ulan-Ude
Dorzhi Banzarov Buryat State University Publishing Department
2025

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Верховный суд Республики Бурятия
Региональное отделение Ассоциации юристов России в Республике Бурятия
Союз криминалистов и криминологов
Институт Китая и современной Азии Российской академии наук
Ассоциация сравнительного правоведения при Обществе юристов Китая
Институт сравнительного правоведения
при Политико-юридическом университете Китая
Ассоциация юристов Монголии
Монгольский государственный университет
Университет внутренних дел Монголии

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СТРАНАХ АЗИИ — XVI

Материалы ежегодной международной молодежной
научно-практической конференции
(смешанный формат)

(Улан-Удэ, 18 апреля 2025 г.)

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета имени Доржи Банзарова
2025

УДК 340.5
ББК 67.0
С 75

Утверждено редакционно-издательским советом
Бурятского государственного университета
Протокол № 5 от 16 сентября 2025 г.

Сборник размещен в системе РИНЦ на платформе
научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Ответственный редактор

Ю. П. Гармаев, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия,
почетный работник сферы образования Российской Федерации

Редакционная коллегия

К. А. Будаев, проф., канд. юр. наук, доц.; **Е. В. Гулина**, канд. юр. наук;
С. В. Доржиева, канд. юр. наук, доц.; **С. Ж. Дугарова**, д-р ист. наук, доц.;
Э. Л. Раднаева, канд. юр. наук, доц.; **Б. Б. Самданова**, канд. юр. наук;
Ю. Г. Хамнуев, канд. юр. наук, доц.; **О. В. Хышиктуев**, канд. юр. наук, доц.;
А. М. Бянкина (отв. секр.)

Рецензенты

П. В. Трощинский, канд. юр. наук, вед. науч. сотр. Института Китая и современной Азии,
исследователь традиционного и современного права Китая,
Российская академия наук (ИКСА РАН), г. Москва
А. П. Алексеенко, канд. юр. наук, доц. кафедры коммерческого права,
науч. руководитель образовательной программы «Юриспруденция с углубленным изучением
китайского языка и права КНР», Санкт-Петербургский госуниверситет, г. Санкт-Петербург

С 75 **Сравнительное правоведение в странах Азии — XVI:** материалы ежегодной междуна-
родной молодежной научно-практической конференции (г. Улан-Удэ, 18 апреля 2025 г.) / от-
ветственный редактор Ю. П. Гармаев. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета
им. Д. Банзарова, 2025. — 160 с.
ISBN 978-5-9793-1045-9

В настоящий сборник традиционно вошли лучшие статьи молодых ученых, аспирантов, магистрантов
и студентов вузов России, Китая, Монголии, посвященные актуальным теоретическим и практическим
проблемам сравнительного правоведения стран Азии.

Сборник предназначен для студентов, магистрантов и аспирантов, преподавателей вузов, практику-
ющих юристов, а также широкого круга читателей, интересующихся сравнительным правоведением и ак-
туальными проблемами права стран Азии, а также международным сотрудничеством в «азиатском»
направлении.

Comparative Law in Asian Countries — XVI: Proceedings of the Annual International Youth
Scientific and Practical Conference (Ulan-Ude, April 18, 2025) / ed. Yu. P. Garmaev. — Ulan-Ude:
Dorzhi Banzarov Buryat State University Publishing Department, 2025. — 160 p.
ISBN 978-5-9793-1045-9

Traditionally, this collection includes the best articles of young scientists, graduate students, undergraduates
and students of universities in Russia, China, Mongolia, devoted to topical theoretical and practical problems of
comparative law in the countries of the Asia.

The collection is intended for students, undergraduates and graduate students, university professors,
practicing lawyers, as well as a wide range of readers interested in comparative law and relevant issues of the
law of the Asia-Pacific countries, as well as international cooperation in the «asian» direction.

УДК 340.5
ББК 67.0

ISBN 978-5-9793-1045-9

© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ / PREFACE

18 апреля 2025 года состоялась международная научно-практическая конференция «Сравнительное правоведение в странах Азии — XVI», организатором которой в очередной раз выступил Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова. Мероприятие было проведено в смешанном формате (онлайн и офлайн), благодаря чему участие в нем смогли принять более 140 человек (подробнее о мероприятии по ссылке <https://www.bsu.ru/news/31901/>).

Соорганизаторами молодежного научного форума выступили: Верховный суд Республики Бурятия, региональное отделение Ассоциации юристов России в Республике Бурятия, Союз криминалистов и криминологов, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Ассоциация сравнительного правоведения при Обществе юристов Китая, Институт сравнительного правоведения при Политико-юридическом университете Китая, Ассоциация юристов Монголии, Монгольский государственный университет, Университет внутренних дел Монголии.

Молодежный форум является не только площадкой, которая ежегодно открывает новые молодые имена в сфере науки, но и представляет собой startup для профессионального развития, позволяет углубить теоретические знания и практические навыки в понимании правовых систем Азии, открыть возможности для нетворкинга, обмена опытом с коллегами.

Международная молодежная научно-практическая конференция — это отличная возможность для молодых людей встретиться и пообщаться друг с другом, а также с ведущими учеными, практикующими юристами и иными специалистами в области права/компаративистики.

Конференция традиционно начала свою работу с пленарного заседания, и в дальнейшем продолжила ее в пяти секциях. С приветственными словами для участников выступили: ректор БГУ Алдар Валерьевич Дамдинов, председатель Научно-исследовательского института сравнительного правоведения Политико-юридического университета Китая Ван ЧжиХуа, экс-председатель Верховного Суда Республики Бурятия Альбина Александровна Кириллова, Врио председателя Верховного Суда Республики Бурятия Ирина Юрьевна Богданова, руководитель Следственного Управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Бурятия Евгений Вячеславович Лагацкий, директор Института права и экономики БГУ Эльвира Львовна Раднаева, директор Института экономики и права юридического факультета Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления Ирина Архиповна Шаралдаева.

Ведущим пленарного заседания традиционно выступил руководитель организационного комитета конференции, заведующий лабораторией сравнительного правоведения Юрий Петрович Гармаев.

На пленарном заседании с докладами выступили участники конференции из России, Монголии и Китая, после чего конференция продолжила свою работу в пяти секциях:

- **секция 1:** «Сравнительное правоведение: национально-правовые системы стран Азии»;
- **секция 2:** «Конституционное и международно-правовое регулирование в Азиатском регионе»;
- **секция 3:** «Гражданско-правовые проблемы сравнительного правоведения в странах Азии»;
- **секция 4:** «Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы сравнительного правоведения в Азии»;
- **секция 5:** «Трансформация моделей социально-экономического, экологического и инновационного развития азиатских стран в современных условиях».

На заключительном пленарном заседании конференции были подведены общие итоги научного форума. Авторы лучших докладов по ряду номинаций были отмечены дипломами и благодарственными письмами.

Дипломантами конференции были признаны:

Лучшие доклады в пленарном заседании:

Диплом 1-й степени — **Лун Цзюнь**, доцент и главный научный руководитель юридического факультета Фуцзяньского педагогического университета, Фучжоу, Китай.

Диплом 2-й степени — **Лу Чжаоюй**, аспирант 2-го года обучения, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва.

Лучшие доклады в научной секции 1:

Диплом 1-й степени — **Бальчинов Виктор Степанович**, магистрант 1-го года обучения Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ.

Диплом 2-й степени — **Копылова Екатерина Владимировна**, студент 2-го курса, Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск.

Диплом 3-й степени — Бауэр Екатерина Александровна, студент 2-го курса, Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск.

Лучшие доклады в научной секции 2:

Диплом 1-й степени — Котельников Алексей Дмитриевич, аспирант 2-го года обучения, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Иркутск.

Диплом 2-й степени — Агапов Александр Романович, студент 2-го курса, юридический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург.

Диплом 3-й степени — MengGaozheng, PhD students, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation.

Лучшие доклады в научной секции 3:

Диплом 1-й степени — Тарасенко Данил Андреевич, студент 3-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ.

Диплом 2-й степени — Янжинов Батор Буянович, магистрант 1-го года обучения Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ.

Диплом 3-й степени — Михалёшкина Софья Александровна, студент 3-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ.

Лучшие доклады в научной секции 4:

Диплом 1-й степени — Вашагин Вадим Алексеевич, студент 4-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ.

Диплом 2-й степени — Бабич Екатерина Николаевна, студент 4-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ.

Диплом 3-й степени — Попова Ирина Евгеньевна, студентка 2-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ.

Лучшие доклады в научной секции 5:

Диплом 1-й степени — Дашиева Аюна Борисовна, студент 4-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ.

Диплом 2-й степени — Бухаев Денис Васильевич, студент 5-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ.

Диплом 3-й степени — Зубкова Галина Константиновна, студент 5-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ.

Благодарственными письмами Верховного суда Республики Бурятия награждены: **Трощинский Павел Владимирович**, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН), кандидат юридических наук, исследователь традиционного и современного права Китая, г. Москва; **Дамдинжапова Адиса Баировна**, магистрант 1-го года обучения Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ; **Борошноев Артем Борисович**, студент 1-го курса колледжа Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ; **Петрова Марина Евгеньевна**, студент 2-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ.

Благодарственные письма Адвокатской палаты Республики Бурятия получили: **Башарова Анастасия Сергеевна**, студентка 1-го курса, Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ; **Антипьева Алёна Александровна**, студентка 1-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ; **Титов Кирилл Сергеевич**, студент 4 курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ; **Островская София Евгеньевна**, студент 2-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ.

Благодарственными письмами Следственного управления Следственного комитета России по Республике Бурятия награждены **Ковалев Александр Федорович**, старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министрства внутренних дел Российской Федерации», Россия, г. Н. Новгород; **Бондарь Виктория Александровна**, магистрант 1-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ.

Благодарственными письмами Министерства внутренних дел по Республике Бурятия награждены: **Шинкевич Дмитрий Валерьевич**, профессор кафедры криминалистики, кандидат юридических наук, доцент, Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск; **Базаров Максим Баясхаланович**, оперуполномоченный ОП 1 УМВД России по г. Улан-Удэ, старший лейтенант полиции.

Благодарственные письма Генерального консульства Монголии в г. Улан-Удэ получили: **Шигин Павел Борисович**, студент 3-го курса Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ; **Плясунов Семён Александрович**, студент 2-го курса, Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск; **Данилова Ольга Викторовна**, студент 4-го курса Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ; **Дёмина Анастасия Дмитриевна**, студент 2-го курса, Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск.

Благодарственным письмом Управления федеральной службы исполнения наказаний России по Республике Бурятия награжден **Наджафов Тахмасиб Мусабигоглы**, студент 4-го курса Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ.

Благодарственные письма комитета Народного Хурала Республики Бурятия по государственному устройству, местному самоуправлению, законности и вопросам государственной службы получили: **Антипова Светлана Валерьевна**, студент 3-го курса колледжа Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ; **Дермичев Даниил Дмитриевич**, студент 2-го курса, Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск.

Благодарственным письмом Нотариальной палаты Республики Бурятия награждена **Моксонова Дария Баировна**, магистрант 2-го года обучения Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ.

Благодарственными письмами Прокуратуры Республики Бурятия награждены: **Чжан Лу**, аспирант 2-го года обучения Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, г. Харбин, КНР; **Сафина Анжелика Васильевна**, магистрант 2-го года обучения Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ.

Благодарственное письмо Управления по вопросам миграции МВД по Республике Бурятия получила **Анчилова Эржена Николаевна**, магистрант 1-го года обучения, юридический институт, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

Для всех участников конференции была предоставлена возможность получения электронных сертификатов об участии.

Материалы, вошедшие в сборник по итогам работы ежегодной международной молодежной научно-практической конференции «Сравнительное правоведение в странах Азии — XVI» могут быть полезны преподавателям, аспирантам и магистрантам, студентам, и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами стран Азии.

Организаторы конференции выражают особую признательность деловым партнерам Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова в организации и проведении международного форума: Верховному суду Республики Бурятия, Региональному отделению общероссийской организации «Ассоциация юристов России» в Республике Бурятия, Союзу криминалистов и криминологов, Институту Китая и современной Азии Российской академии наук, Ассоциации сравнительного правоведения при Обществе юристов Китая, Институту сравнительного правоведения при Политико-юридическом университете Китая, Ассоциации юристов Монголии, Монгольскому государственному университету, Университету внутренних дел Монголии.

Главным спонсором научного мероприятия, как и в прошлом году, выступила группа компаний «Титан» <https://megatitan.org/company/index.php>, за что организаторы выражают искреннюю благодарность руководству и коллективу компаний!

Очередной выпуск научного издания по итогам работы конференции сможет порадовать всех любителей компаративистики. Оргкомитет выражает признательность всем, кто принимал участие в подготовке, организации и проведении очередного международного молодежного форума!

В ближайшем будущем начнем подготовку к конференции 2026 г. Ждем друзей и единомышленников в гостеприимной и солнечной Бурятии на нашей научной площадке. Всегда открыты к сотрудничеству по развитию компаративистики. До новых встреч!

Заведующий лабораторией сравнительного правоведения
Центра правового обеспечения взаимодействия РФ со странами АТР
Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова,
доктор юридических наук, профессор
Ю. П. Гармаев

**I СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ:
НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СТРАН АЗИИ**

**I COMPARATIVE LAW: NATIONAL LEGAL SYSTEMS
OF ASIAN COUNTRIES**

УДК 341.1/8

**Сравнительный анализ ветеринарно-санитарных норм в Российской Федерации
и Китайской Народной Республике¹**

© **Е. А. Бауэр**

студентка 2-го курса,
Красноярский государственный
аграрный университет
Россия, Красноярск
k4terinabauer@yandex.ru

© **И. Б. Трофимова**

старший преподаватель кафедры
ТиИГиП,
Красноярский государственный
аграрный университет
Россия, Красноярск
iness.kostilia@mail.ru

В статье проводится сравнительный анализ систем ветеринарно-санитарного регулирования в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Рассматриваются ключевые нормативные акты, определяющие принципы обеспечения здоровья животных, безопасности пищевой продукции животного происхождения и предотвращения распространения зоонозов в обеих странах. Анализируются юридические казусы, имевшие место в обеих странах.

Ключевые слова: ветеринарно-санитарные нормы, сравнительный анализ, ветеринарный надзор, безопасность пищевых продуктов, здоровье животных, законодательство, Россельхознадзор, Министерство сельского хозяйства и сельских дел Китайской Народной Республики.

Е. А. Bauer

2nd year student,
Krasnoyarsk State Agrarian University
Russia, Krasnoyarsk
k4terinabauer@yandex.ru

I. B. Trofimova

Senior Lecturer Department of TiIGiP,
Krasnoyarsk State Agrarian University
Russia, Krasnoyarsk
iness.kostilia@mail.ru

The article provides a comparative analysis of veterinary and sanitary regulation systems in the Russian Federation and the People's Republic of China. The key regulatory acts defining the principles of animal health, food safety of animal origin and prevention of the spread of zoonoses in both countries are considered. The legal incidents that took place in both countries are analyzed.

Keywords: veterinary and sanitary standards, comparative analysis, veterinary supervision, food safety, animal health, legislation, Rosselkhoznadzor, Ministry of Agriculture and Rural Affairs of the People's Republic of China.

¹ Доклад отмечен дипломом 3-й степени, 18 апреля 2025г.

Соблюдение ветеринарно-санитарных норм играет огромную роль для сохранения здоровья граждан, развития экономики страны и международной торговли. Российская Федерация и Китайская Народная Республика располагают сопоставимыми территориями, а также большим поголовьем скота. Разработка, а также контроль за соблюдением ветеринарно-санитарных норм являются приоритетными задачами в политике безопасности этих стран.

Ветеринарно-санитарное регулирование в Российской Федерации осуществляется посредством:

Федерального закона №4979-1 от 14 мая 1993 г. «О ветеринарии». В нормах данного акта представлены главные принципы ветеринарной деятельности. Также Закон определяет обязанности и права участников, регламентирует требования и условия реализации животноводческой продукции, устанавливает порядок проведения ветеринарных мероприятий [1].

Важную роль играют технические регламенты Таможенного союза (ЕАЭС) по безопасности пищевой продукции. Данные регламенты определяют для всех стран-участниц ЕАЭС общие требования в отношении безопасности пищевой продукции [6].

Постановления Правительства Российской Федерации, а также правила, утвержденные Министерством сельского хозяйства. Они формируют основные требования, которые установлены федеральными законами и подзаконными актами, а также регулируют порядок проведения ветеринарно-санитарных осмотров, определяют правила перевозки и убоя скота, требования к его содержанию.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) устанавливает административную ответственность за нарушение соблюдения норм в области ветеринарии.

Глава 10 «Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» содержит необходимые предписания, которые связаны с предотвращением различного рода заболеваний животных. В ней представлены все этапы от транспортировки животных, до, непосредственно, продажи готовой продукции.

Регулирование и применение ветеринарно-санитарных норм играет огромную роль в борьбе с предотвращением, а также распространением заболеваний животных, обеспечивают безопасность потребляемой продукции, способствуя защите здоровья нашего населения [2].

Таким образом все участники сельскохозяйственного рынка обязаны руководствоваться в своей деятельности ст. 10.6 - 10.8 КоАП и ФЗ №4979-1 от 14 мая 1993 г. «О ветеринарии»

Обращаясь к юридической практике, следует отметить, что нарушения в области ветеринарии частое явление как в крупных фермерских хозяйствах, так и личных подсобных хозяйствах:

Например, Управление Россельхознадзора подало иск к Поповой Г. В. в Курский районный суд из-за нарушений ветеринарно-санитарного законодательства, связанных с содержанием незарегистрированного поголовья свиней в её хозяйстве. В ходе проверки было установлено, что свиньи покидают огороженную территорию, а навоз складывается неправильно. Поповой было выдано предостережение и требование провести мероприятия для предотвращения распространения болезней животных. Однако нарушения продолжались. Суд удовлетворил иск и обязал Попову устранить выявленные нарушения, включая улучшение условий содержания свиней и дезинфекцию.

Из приведенного юридического казуса можно сделать вывод о нарушении закона Поповой Г. В. по ст. 10.6 и 10.8 п. 3 КоАП РФ.

Ветеринарно-санитарное регулирование в КНР представлено в виде сложной системы, в основе которой лежит сочетание законодательных актов, технических стандартов и административных правил. Данная система направлена на обеспечение сохранности здоровья животных и предотвращение распространения болезней среди скота.

Основа ветеринарно-санитарного регулирования в КНР:

Закон КНР о ветеринарии (中华人民共和国动物防疫法) — основной закон, который определяющий общие принципы ветеринарной деятельности, обязанности и права ветеринарных специалистов, владельцев скота, устанавливает требования к борьбе с болезнями животных, а также к контролю за качеством производимых и вводимых ветеринарных препаратов, оборудования [4].

Закон КНР о безопасности пищевых продуктов (中华人民共和国食品安全法) — определяет требования к безопасности пищевых продуктов, включая продукцию животного происхождения.

Нормативные акты и подзаконные акты — стандарты, которые разрабатывают Министерство сельского хозяйства и сельских дел (MARA) и Главное таможенное управление КНР (GACC). Разработанные акты и стандарты охватывают различные вопросы, такие как карантин, вакцинация, санитарная обработка, импорт и экспорт животных и животноводческой продукции, а также контроль качества продукции [3].

Можно сделать вывод, что законодательная база в области ветеринарии не так существенно отличается от российской. Все дело в том, что Китай стремится гармонизировать свои ветеринарно-

санитарные стандарты с международными стандартами, такими как стандарты Всемирной организации по охране здоровья животных (МЭБ/OIE) и Codex Alimentarius, участником которых также является Российская Федерация.

Но серьезная нормативная база так или иначе не спасает от нарушений, так 27.08.2019 г. на смешанном пункте пропуска через государственную границу РФ «Амурзет» (пассажирское направление), при досмотре ручной клади у шести граждан КНР, которые въезжали на территорию Российской Федерации, было задержано 3,75 кг колбасных изделий и 28 яиц, в связи с нарушениями Единых ветеринарно-санитарных требований Евразийского экономического союза. Задержанная продукция была изъята в полном объеме и возвращена в КНР.

Стоит отметить, что в период с 2020 – 2023 Россельхознадзор сообщал о регулярных задержаниях крупных партий нелегального мяса, рыбы и других продуктов животного происхождения, поступающих из Китая, особенно в приграничных с Китаем регионах (Забайкальский край, Амурская область, Приморский край).

Несмотря на общую, главную цель ветеринарно-санитарного регулирования в России и Китае — обеспечение здоровья животных и безопасности пищевой продукции, имеется ряд отличий в организации и подходах. Законодательный фундамент в России составляют Федеральный закон «О ветеринарии», технические регламенты Таможенного союза (ЕАЭС) и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, тогда как в Китае эту функцию выполняет Закон КНР «О ветеринарии» и Закон КНР «О безопасности пищевых продуктов». Главными органами в России являются Россельхознадзор и Министерство сельского хозяйства России, а в Китае — Министерство сельского хозяйства и сельских дел (MARA) и Главное таможенное управление КНР (GACC). Состав нормативных актов также отличается: в России применяются СанПиНы, ветеринарные правила, ГОСТы и технические регламенты, а в Китае — национальные стандарты (GB), отраслевые стандарты и местные правила. В сфере контроля за болезнями животных оба государства используют строгие меры, но в Китае упор делается на массовую вакцинацию и строгие карантинные меры, а в России созданы планы по борьбе с обособленными заболеваниями и установлена обязательная вакцинация. И Китай, и Россия выдвигают жесткие требования к забою и переработке животных, охватывая ветеринарный осмотр мяса. Проверка кормов в России включает регистрацию и контроль за их качеством и безопасностью, в то время как в Китае особое внимание уделяется производству и импорту кормов, а еще предусмотрен запрет на использование ГМО. Санкционные меры в России — административные штрафы, приостановка деятельности и конфискация, а в Китае — высокие штрафы и уголовная ответственность за серьезные нарушения.

Пандемия COVID-19 существенно ужесточила ветеринарные стандарты. В главе четвертой Закона Китайской Народной Республики «О карантине при ввозе и вывозе животных и растений». Больше внимания стало уделяться не только перевезенным/имым животным, но и их кормам и подстилкам. Их проверяют на предмет переноса инфекции, в случае несоответствия ветеринарным стандартам «очаг» подлежит дезинфекции или дезинсекции, отказу в транзите или уничтожению. Также делается акцент на пути перемещения транзитных животных: должны перевозиться не по главным дорогам Китая и в присутствии грузоотправителя или сопровождающего груз для предъявления соответствующей документации службе по карантину животных. Россельхознадзор также сформировал ряд рекомендаций и требований по профилактике COVID-19 для ввозимой продукции животного происхождения и живых животных, они включают следующие основные положения:

Необходимость дезинфицирования контейнеров для перевозки;

Живые животные подлежат обязательному карантину в течение 30 дней в изолированном хозяйстве;

Личные вещи работников перевозки должны находиться отдельно от перевозимого груза;

От работников перевозки требуется медицинское заключение об исключении наличия антител в организме и соблюдение стандартных санитарных норм [5].

В последние годы тенденция нелегального ввоза продукции животного происхождения и животных снизилась, за счет усиления санитарно-ветеринарных стандартов обеих стран.

Ветеринарно-санитарное регулирование в России и Китае направлено на общие цели, однако различается по своей структуре, детализации и методам его реализации. Законодательство в обеих странах приведено в соответствие с нормами ЕАЭС. Для эффективного сотрудничества между странами важно учитывать эти различия и обмениваться опытом в области ветеринарного контроля и надзора.

Литература

1. О ветеринарии: закон Российской Федерации от 14.05.1993 № 4979-1 (с посл. изм. и доп.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 24. Ст. 857.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. О безопасности пищевой продукции: Технический регламент Таможенного союза ТР ТС 021/2011 (утв. решением комиссии Таможенного союза от 09.12.2011 № 880) (с посл. изм. и доп.). URL: <http://www.eurasiancommission.org/>; <https://fczerna.ru/upload/iblock/428/428cb1c49c1339f07e723da293ebec0f.pdf> (дата обращения: 10.04.2025)
4. О ветеринарии: закон Китайской Народной Республики (中华人民共和国动物防疫法). URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-01/23/content_5582023.htm (дата обращения: 10.04.2025).
5. Информация по данным официального сайта Федеральной службы по ветеринарному и фито-санитарному надзору (Россельхознадзор). URL: <https://fsvps.gov.ru/> (дата обращения: 10.04.2025).
6. Арктическая продовольственная безопасность: проблемы правового регулирования / [А. А. Кондрашев, С. А. Трофимова, И. Б. Трофимова; под общей редакцией С. А. Трофимовой]; Министерство сельского хозяйства Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет». Красноярск: Изд-во Красноярского гос. аграрного ун-та, 2018. 177 с. : табл. : 21 см.

**Теоретико-правовой и сравнительно-правовой взгляды
на исполнительное производство в странах Азии**

© М. Е. Орлова

студентка 4-го курса,
Дальневосточный филиал,
Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития РФ
galiev87@inbox.ru

© М. С. Галиев

доцент кафедры юриспруденции,
Дальневосточный филиал,
Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития РФ,
доцент кафедры права
Камчатский филиал,
Российский университет кооперации,
кандидат юридических наук
galiev87@inbox.ru

В научной статье дается определение принудительного исполнения, рассматриваются разные подходы к определению исполнительного производства в правовой системе стран Азии. Также определяется нормативно-правовое регулирование и механизмы осуществления принудительного исполнения в Китайской Народной Республике, Республике Казахстан и Республике Вьетнам.

Ключевые слова: исполнительное производство, отрасль права, стадия судебного процесса, орган принудительного исполнения.

M. E. Orlova

4th year student,
Far Eastern Branch of the
All-Russian Academy of Foreign Trade
of the Ministry of Economic Development
of the Russian Federation
galiev87@inbox.ru

M. S. Galiev

Associate Professor of the Department of Jurisprudence,
All-Russian Academy of Foreign Trade
of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation,
Associate Professor of the Department of Law
Kamchatka Branch of the
ANO VO CS RF of the Russian University of Cooperation,
Candidate of Law
galiev87@inbox.ru

This scientific article provides a definition of compulsory execution, examines different approaches to the definition of enforcement proceedings in the legal system of Asian countries. It also defines the legal regulation and enforcement mechanisms in the People's Republic of China, the Republic of Kazakhstan and the Republic of Vietnam.

Keywords: enforcement proceedings, branch of law, stage of judicial process, enforcement agency.

В условиях стремительного развития общества и экономики, исполнительное производство становится важным механизмом, обеспечивающим правопорядок и защиту интересов граждан и организаций во всем мире.

Процесс интеграции цифровых технологий во все сферы жизни вносит значительные изменения в функционирование государственных институтов, в том числе органов принудительного исполнения.

Российская Федерация активно внедряет систему правосудия и принудительного исполнения в цифровое пространство, путем применения развитых информационных систем, введения электронного документооборота и автоматизированных процессов.

Зарубежный опыт цифровизации принудительного исполнения играет важную роль в проведении анализа между российским и иностранным законодательством, в сфере принудительного исполнения, что позволит выявить полезную практику для нашего государства.

Подробный анализ существующей системы принудительного исполнения, а также сравнение существующей системы с зарубежными, позволит выявить возможные пути развития исполнительного производства в Российской Федерации.

Теоретико-правовое раскрытие исполнительного производства представляет собой процесс, в рамках которого обеспечивается принудительное исполнение судебных актов, включая защиту прав и законных интересов всех участников данного процесса.

Такие теоретики, как М. К. Юков, Д. Х. Валеев, В. В. Ярков, считают, что в Российской Федерации исполнительное производство представляет собой отдельную отрасль права, так как оно имеет целостную юридическую структуру, а именно свой обособленный предмет, метод правового регулирования и свои принципы осуществления исполнительного производства [7, 11].

Однако некоторые другие теоретики — М. К. Треушников, А. Г. Коваленко, И. Б. Морозова, определяют исполнительное производство в Российской Федерации как последнюю и завершающую стадию процесса, так как цели осуществления исполнительного производства и судебного процесса совпадают — защита нарушенного права [9, 10].

Актуальным в настоящее время является международный опыт в подходе к определению места исполнительного производства в разных правовых системах государств.

В современном мире, изучение моделей и практик иностранных государств в разных сферах жизни представляет возможность для анализа, в том числе законодательства иностранных государств, что является важным для развивающегося государства, так как с помощью международного опыта, государство идет в шаг со временем, лучше понимает глобальные тенденции и вызовы.

Россия играет ключевую и значимую роль в объединении государств — БРИКС (BRICS)[13], которое является важной платформой для сотрудничества между крупными развивающимися странами в различных областях. Целью данного объединения является укрепление многополярного мира, в рамках БРИКС формируются новые подходы к решению проблем, с которыми сталкиваются развивающиеся страны, создаются условия для взаимовыгодного сотрудничества.

В странах Азии существуют различные подходы к исполнительному производству.

В Китайской Народной Республике (далее КНР) исполнительное производство является стадией судебного процесса, так как оно не имеет отдельного законодательного закрепления. Нормативно-правовое регулирование исполнительного производства закрепляется в Конституции КНР[2], и в Гражданском процессуальном кодексе КНР [3]. Помимо этого, как такового отдельного постоянного органа, осуществляющего принудительное исполнение судебных актов, нет. Исполнительное производство в КНР осуществляется 人民法院 (Народным судом) первой инстанции, который создает временно действующий орган принудительного исполнения на момент осуществления исполнительного производства [8].

В Республике Казахстан исполнительное производство представляет собой отдельную отрасль права. Что характеризуется, во-первых тем, что принудительное исполнение регулируется «Атқарушылық іс жүргізу және сот орындаушыларының мәртебесі туралы» Қазақстан Республикасының Заңымен [5] — Законом Республики Казахстан «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» и Гражданским процессуальным кодексом Республики Казахстан [4], которые определяют права и обязанности сторон принудительного исполнения, а также устанавливают процедуры, которые должны соблюдаться на каждом этапе исполнительного производства.

Во-вторых, тем, что осуществляют принудительное исполнение в Казахстане — сот орындаушылары (судебные исполнители), которые начинают свою деятельность после того, как взыскатель подаст мәжбүрлеп орындау туралы өтініш (заявление о принудительном исполнении) в суд, в котором он указывает размер долга, а также ссылки на судебный акт, который подлежит исполнению.

В Республике Вьетнам исполнительное производство регулируется Luật Tố Tụng Dân Sự [6] — Законом о гражданском исполнительном производстве, в котором раскрывается весь процесс осуществления принудительного исполнения судебных актов. Орган, осуществляющий принудительное исполнение, называется «Sở thi hành Các quyết Định Của Tòa Án» — Управление принудительного исполнения судебных решений, который, как и в Российской Федерации, где Федеральная служба судебных приставов России подотчетна Министерству юстиции, подчиняется Министерству юстиции

Вьетнама. Таким образом, в Республике Вьетнам исполнительное производство считается отдельной отраслью права, так как имеет объект и предмет регулирования, свои принципы и цели, а также механизмы реализации принудительного исполнения, определенные отдельным нормативно-правовым актом.

Рассмотрев три азиатских страны и их подходы к определению исполнительного производства, можно сделать предположение о том, что принудительное исполнение в Российской Федерации является отдельной отраслью права, так как данный процесс имеет определенный механизм осуществления исполнения судебных актов, закрепленный отдельным нормативным правовым актом — Федеральным законом «Об исполнительном производстве» [1], а также осуществляется определенным постоянно действующим органом — Федеральной службой судебных приставов России [12].

Литература

Об исполнительном производстве: федер. закон [от 02.10.2007 № 229-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

中华人民共和国宪法 (Конституция Китайской Народной Республики): закон от 04.12.1982 (ред. 11.03.2018). URL: <http://ru.china-embassy.gov.cn> (дата обращения: 12.04.2025).

中华人民共和国民事诉讼法 (Гражданский процессуальный кодекс Китайской Народной Республики): закон от 09.09.1991 (ред. 31.08.2012). URL: <http://ru.china-embassy.gov.cn> (дата обращения: 12.04.2025).

Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 31.10.2015 № 377-V (ред. от 20.08.2024). URL: <https://online.zakon.kz/Document> (дата обращения: 12.04.2025).

Атқарушылық іс жүргізу және сот орындаушыларының мәртебесі туралы Қазақстан Республикасының Заңымен: закон Республики Казахстан от 02.04.2010 № 261-IV. URL: <https://online.zakon.kz/Document> (дата обращения: 12.04.2025).

Luật Tố Tụng Dân Sự (Законом о гражданском исполнительном производстве Республики Вьетнам): закон от 27.08.2012. URL: <https://vitvet.com> (дата обращения: 12.04.2025).

Валеев Д. Х. Комментарий к Федеральному закону «Об исполнительном производстве» (с постановленными материалами). Москва, 2011. С. 23. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.04.2025).

Галиев М. С., Орлова М. Е. Правосознание китайского общества через призму исполнительного производства (теоретико-правовой аспект) // Китайский путь: экономика, право, политика: монография / под общей редакцией научного совета ГНИИ «Нацразвитие». Санкт-Петербург, 2024. С. 69–82.

Исполнительное производство: учебно-практическое пособие / И. Б. Морозова, А. М. Треушников. Москва: Городец, Формула права, 1999. 328 с.

Коваленко А. Ю. Комплексная отрасль права как категория юридической науки // Законодательство и экономика. 2014. № 3. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.04.2025).

Научно-практический комментарий к Федеральному закону Российской Федерации «Об исполнительном производстве» / под редакцией В. М. Шерстюка, М. К. Юков. Москва: ИД Городец, 2004. 400 с.

Федеральная служба судебных приставов России. URL: <https://fssp.gov> (дата обращения: 12.04.2025).

БРИКС. URL: <https://infobrics.org> (дата обращения: 22.11.2024).

Сравнительно-правовой анализ недропользования в России и Китае

© Д. М. Побежимов

старший преподаватель кафедры государства и права,
Забайкальский государственный университет,
Россия, г. Чита
pobejimovd@mail.ru

В статье рассматриваются особенности правового регулирования отношений, связанные с правом на недра в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Проанализированы основные источники, регулирующие отношения по использованию недр на территориях стран. Выявлены отличия и сходства норм законодательства России и Китая по пользованию недрами и минеральными ресурсами.

Ключевые слова: законодательство о недрах, лицензия, недропользование, минеральные ресурсы, рациональное недропользование.

D. M. Pobejimov

Senior Lecturer, Department of State and Law,
Transbaikal State University,
Russia, Chita
pobejimovd@mail.ru

The article examines the specifics of the legal regulation of relations related to the right to mineral resources in the Russian Federation and the People's Republic of China. The main sources regulating relations on the use of mineral resources in the territories of the countries are analyzed. The differences and similarities between the norms of the legislation of Russia and China on the use of subsurface and mineral resources are revealed.

Keywords: legislation on subsurface resources, license, subsurface use, mineral resources, rational subsurface use.

Согласно Конституций обеих стран недра и минеральные ресурсы являются государственной собственностью, независимо от права собственности на землю [1]. Непосредственное регулирование отношений по пользованию недрами и минеральными ресурсами на территории России осуществляется нормами Закона РФ «О недрах», а на территории Китая нормами Закона КНР «О минеральных ресурсах» [2]. В России пользователями недр могут быть только отечественные юридические лица и индивидуальные предприниматели. Иностранные организации или граждане, изъявившие желание быть пользователями недр на территории России, должны создать юридическое лицо в соответствии с российским законодательством [3].

В Китае (КНР) пользователями недр помимо местных предпринимателей могут быть иностранные граждане и организации, но они должны пройти регистрацию в качестве участников коммерческой деятельности. Иностранные инвесторы, не прошедшие регистрацию в КНР, не могут обращаться со своими заявками в соответствующие органы, которые выдают разрешения на право пользования недрами. Здесь стоит отметить, что правительства рассматриваемых стран привлекают иностранных инвесторов, в целях улучшения экономической и социальной безопасности, для совместной деятельности по недропользованию на основании договора о разделе продукции. В России данный договор регулируется нормами Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции». Решение о подписании соглашения со стороны государства принимается Правительством Российской Федерации [5]. В Китае, как правило, иностранные организации привлекаются к добыче углеводородов и от лица государства выступает Китайская национальная морская нефтяная корпорация, которая и заключает соглашение [9].

Для осуществления права на недропользование обязательно требуется лицензирование, которое обеспечивается Правительством Российской Федерации, Министерством природных ресурсов и экологии, Федеральным агентством по недропользованию и его подконтрольными органами, а также органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Не требуется лицензия на использование общераспространённых полезных ископаемых и подземных вод для собственных нужд собственниками земельных участков. Эта исключительная норма не распространяется на юридические лица, в том числе садовые и огородные некоммерческие товарищества, которые используют скважины в коммерческих целях, т.е. предоставляют воду для своих участников, которые образуют

коллектив этих товариществ [4]. В КНР обеспечением лицензирования занимаются Министерство земельных и природных ресурсов при Госсовете, его территориальные органы в провинциях и других населенных пунктах. При этом частным лицам разрешается без лицензии разрабатывать распространенные ископаемые, которые могут быть использованы только как обычные строительные материалы — песок, камень, глина, а вот бурение скважин для получения воды обязательно лицензируется [10].

В современной России важнейшим принципом лицензирования является принцип состязательности, который реализуется путем проведения конкурсов и аукционов на право пользования участками недр. В Китайской Народной Республике, как правило, недра предоставляются без проведения конкурса, при этом право на изучение, разведку и добычу минеральных ресурсов предоставляется только государственным предприятиям, что прямо закреплено в ст. 4 Закона о минеральных ресурсах КНР[2].

Недропользование в государствах возмездное, т.е. платное. В России взимается разовый и регулярные платежи, а также налоги. Взимание платежей и налогов установлены разделом 5 Закона РФ «О недрах» и налоговым законодательством. В Китае за пользование ресурсами уплачиваются ресурсный налог и земельный налог. Размеры налогов и объекты налогообложения отличаются в зависимости от местности. Для дотационных районов ставка налога может быть уменьшена. Взимание налога регулируется Временными нормами и правилами КНР «О налоге на использование минеральных ресурсов» от 30 сентября 2011 (начали действовать с 1 ноября 2011 г.) [8]. Сумма налога, подлежащая уплате в бюджет, определяется количеством добытого полезного ископаемого и фиксированной налоговой ставкой. Поэтому размер налога зависит от объема, веса и вида полезных ископаемых, а также учитываются способы разработки и добычи, это же правило действует и в России.

Существенные отличия усматриваются по видам выдаваемых лицензий. Ст. 6 Закона РФ «О недрах» устанавливает шесть видов пользования недрами, например геологическое изучение недр, разведка и добыча полезных ископаемых, строительство и эксплуатация подземных сооружений, а также создание особо охраняемых геологических объектов и другие. В Китае разрешения выдаются только на два вида пользования недрами, это выполнение геологоразведочных работ и добыча полезных ископаемых. Право на проведение этих работ, как и в России предоставляется на основании заявок недропользователей, которые рассматриваются вышеперечисленными органами, они же и выдают лицензии[4].

По срокам недропользования в странах есть небольшие отличия. В России участки недр предоставляются в пользование на определенный срок либо без ограничения срока. Например, для геологического изучения недр на срок от трех лет до десяти лет зависит от территорий [7]; для добычи полезных ископаемых на срок отработки месторождения; для добычи подземных вод на срок до 25 лет; для геологического изучения и добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых от 7 до 15 лет. Без ограничения срока предоставляется для строительства и эксплуатации подземных сооружений, для строительства и эксплуатации хранилищ углеводородного сырья, а также для образования особо охраняемых геологических объектов.

В Китае срок действия лицензий зависит от объема месторождения, высокочатратных технологий для разработки трудноизвлекаемых полезных ископаемых и самое главное от сложности горно-геологических условий. Например, при добыче радиоактивного сырья и металлов лицензия выдается на 3 года; добыча нефти, природного газа и угля разрешение выдается до 7 лет, а в отношении небольших месторождений до 10 лет. Что касается остальных месторождений, то лицензия может быть выдана до 30 лет [2].

Далее стоит отметить, что нормы законодательства по рациональному использованию и охране недр почти идентичные в рассматриваемых странах. В Российской Федерации не допускается самовольное использование недр, геологическая информация об объектах месторождений обязательно проходит государственную экспертизу. Также обеспечивается контроль за качественным извлечением полезных ископаемых из недр и ведется более детальный их учет, обеспечивается охрана участков недр от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Запрещается строительство объектов капитального строительства в границах земельных участков, необходимых для разведки и добычи полезных ископаемых. В Китайской Народной Республике на двенадцатой сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 14-го созыва 2024 г. были включены изменения и дополнения в Закон о минеральных ресурсах, касающиеся увеличения запасов стратегических видов полезных ископаемых и повышения производственных мощностей. Также эти дополнительные нормы требуют от Правительства принятия мер для рационального развития и использования полезных ископаемых, усиления защиты минеральных ресурсов и экологической среды. Данные изменения вступают в силу 1 июля 2025 г. [6]. Подводя итог, сравнительно-правовой анализ

показал, что рассматриваемые государства в первую очередь заинтересованы в экономической и экологической безопасности населения, а также в сохранении идентичности, традиций этнических групп, проживающих на территориях, где ведется недропользование. Правительства стран заинтересованы в привлечении иностранных инвестиций в горнодобывающие отрасли, поэтому в законах о недрах более детально урегулированы соглашения о разделе продукции и постоянно корректируются. Небольшие отличия в том, что в Китае доминирует публичная направленность правового регулирования недропользования, а в России превалирует гражданско-правовая направленность, т.е. владельцам лицензий предоставляется больше самостоятельных прав, например в планировании горных работ и еще это направление отражается в равных возможностях всех организаций и граждан в недропользовании путем проведения конкурсов и аукционов.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: основной закон [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с пос. изм. и доп.)]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
2. О минеральных ресурсах: закон КНР. URL: <http://rs-tran.ru/index.php?id=135/> (дата обращения: 23.03.2025).
3. О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О недрах»: федер. закон [от 28.06.2022 № 218-ФЗ]. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420354/ (дата обращения: 23.03.2025).
4. О недрах: закон РФ [от 21.02.1992 № 2395-1]. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343/ (дата обращения: 23.03.2025).
5. О соглашениях о разделе продукции: федер. закон [от 30.12.1995 № 225-ФЗ]. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8816/ (дата обращения: 24.03.2025).
6. Увеличения запасов стратегических видов полезных ископаемых: закон КНР. URL: <http://russian.news.cn/20241109/.../c.html/> (дата обращения: 24.03.2025).
7. О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации: федер. закон [от 13.07.2020 № 193-ФЗ]. URL: http://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078/ (дата обращения: 24.03.2025).
8. Временные нормы и правила КНР «О налоге на использование природных ресурсов» от 30.09.2011. URL: <http://chinawindow.ru/china/legal-information-china/...> (дата обращения: 24.03.2025).
9. Китайская национальная нефтяная корпорация. URL: http://ru.ruwiki.ru/wiki/China_National_Offshore_Oil_.../ (дата обращения: 24.03.2025).
10. Хузина А. Ф. Правовое регулирование использования недр и содержание прав на недра в Китайской Народной Республике // Экологическое право. 2018. № 3. С. 27–28.

**Законодательный режим Китая для методов идентификации контента,
созданного с помощью генеративного искусственного интеллекта**

© Сунь Юйпэн

аспирант Института философии и права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
Россия, г. Новосибирск
16601236420@163.com

Контент, созданный генеративным искусственным интеллектом, может нести юридические риски, связанные с нарушением прав других лиц. Для разумного распределения ответственности Китай разработал методы идентификации продуктов генеративного искусственного интеллекта, создав систему регулирования, сочетающую законодательные нормы и обязательные национальные стандарты, которая определяет юридические обязанности и ответственность соответствующих субъектов.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), методы идентификации, скрытая идентификация, явная идентификация, генеративный искусственный интеллект (ГИИ).

Sun Yupeng

Postgraduate student, Institute of Philosophy and Law,
Novosibirsk National Research
State University
Russia, Novosibirsk
16601236420@163.com

Content generated by generative artificial intelligence may pose legal risks of infringing upon the rights of others. To ensure reasonable accountability, China has developed methods for identifying generative artificial intelligence outputs, establishing a regulatory system that combines legal regulations with mandatory national standards, which clarifies the legal obligations and responsibilities of relevant entities.

Keywords: artificial intelligence (AI), identification methods, hidden identification, visible identification, generative artificial intelligence (GAI).

В связи с быстрым развитием технологий искусственного интеллекта (ИИ), проблемы, связанные с дипфейками, дезинформацией, нежелательной информацией, плагиатом и нарушениями авторских прав, вызванные технологиями ИИ, возникают в большом количестве, что создает вызовы для порядка в киберпространстве, включая управление контентом, а также предъявляет новые и более высокие требования к инструментам, методам и средствам управления. В ответ на вызовы, связанные с технологиями дипфейков, такими как замена лиц, синтез речи, подделка сцен и т.д., Китай последовательно принял такие положения, как «Положения об управлении услугами глубокой синтезированной информации в сфере интернет-информационных услуг»¹ и «Временные меры по управлению службами генеративного искусственного интеллекта»², чтобы отреагировать на это. В положениях определены соответствующие обязательства поставщиков услуг и поставщиков технической поддержки, включая предотвращение путаницы или неправильного понимания со стороны пользователей, предотвращение распространения незаконной и ложной информации, принятие технических мер для добавления идентификаторов, не влияющих на использование пользователями, к информационному контенту, сгенерированному или отредактированному с использованием их услуг, и сохранение информации журнала в соответствии с соответствующими положениями и т.д. Чжан Линхань предложил следующее: «Следует разработать спектральную систему маркировки качества контента, созданного искусственным интеллектом, требующую обязательной маркировки источника генерации, ответственного субъекта и качества контента» [1, с. 113]. Еще один ученый предложил: «На этапе гене-

¹Положения об управлении услугами глубокой синтезированной информации в сфере интернет-информационных услуг (от 10.01.2023) (《互联网信息服务深度合成管理规定》). URL : https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2022-12/12/content_5731431.htm (дата обращения: 19.03.2025).

²Временные меры по управлению службами генеративного искусственного интеллекта (от 13.07.2023) (《生成式人工智能服务管理暂行办法》). URL : <https://flk.npc.gov.cn/> (дата обращения: 19.03.2025).

рации следует применять модель маркировки для продуктов генеративного визуального искусства, обеспечивая при разработке алгоритма возможность обнаружения сгенерированного контента» [2, с. 188].

К 2025 г. правовые и нормативные меры Китая в отношении инструментов идентификации контента, созданного искусственным интеллектом (ИИ), характеризуются двумя особенностями: во-первых, обязательства по управлению контентом больше не ограничиваются производителями и распространителями контента, а распространяются на субъектов, оказывающих техническую поддержку производителям и распространителям. Это требует от соответствующих субъектов, реально контролирующих технологии, эффективно брать на себя обязательства по управлению и принимать меры от источника; во-вторых, на основе существующих средств управления контентом четко предписывается добавление технических «идентификаторов» для помощи пользователям в эффективном распознавании контента, созданного ИИ, и их реализация в управлении контентом на основе классификации по степени риска.

В январе 2025 г. Китай представил генеративную большую языковую модель искусственного интеллекта — DeepSeek, что способствовало формированию в Китае производственного цикла «отечественная модель + отечественные вычислительные мощности + отечественные облачные сервисы». На момент запуска эта большая языковая модель значительно превосходила по производительности ChatGPT 4.0. В то же время, применение генеративного синтетического контента (AIGC) демонстрирует взрывной рост, но также порождает ряд проблем, таких как распространение ложной информации, вызывающей общественное мнение, использование дипфейков для совершения мошенничества, нарушение прав интеллектуальной собственности, что серьезно подрывает доверие общественности к сетевой информации. В данном контексте, Государственное управление по делам киберпространства Китая, Министерство промышленности и информатизации, Министерство общественной безопасности и Государственное управление радио и телевидения 7 марта 2025 г. совместно опубликовали «Методы идентификации контента, созданного и синтезированного искусственным интеллектом» (далее — «Методы идентификации»)¹ и сопутствующий обязательный национальный стандарт «Технологии кибербезопасности. Методы идентификации контента, созданного и синтезированного искусственным интеллектом» (GB45438-2025) (далее — «Национальный стандарт (GB 45438-2025)»)², которые вступят в силу 1 сентября 2025 г. Одновременно с этим, для руководства поставщиками услуг по созданию синтетического контента с использованием искусственного интеллекта и поставщиками услуг по распространению сетевого информационного контента в работе по неявному обозначению метаданных файлов синтетического контента, созданного с использованием искусственного интеллекта, был также выпущен «Практический справочник по стандартам кибербезопасности — Правила кодирования для поставщиков услуг по идентификации синтетического контента, созданного с использованием искусственного интеллекта» (TC260-PG-20252A)³, формирующий комплексную систему управления «правила + стандарты», позволяющую внедрить систему управления идентификацией искусственного интеллекта.

В частности, «Методы идентификации» станут правовой системой, которую предприятия, занимающиеся искусственным интеллектом, должны соблюдать для законной и соответствующей нормам деятельности. «Методы идентификации» фокусируются на ключевых аспектах «идентификации контента, сгенерированного и синтезированного искусственным интеллектом», посредством идентификации напоминая пользователям о необходимости распознавать ложную информацию, четко определяя обязанности по идентификации соответствующих субъектов, предоставляющих услуги, стандартизируя действия по идентификации на всех этапах создания и распространения контента, повышая безопасность с разумными затратами, содействуя ускоренному внедрению искусственного интеллекта в различных сценариях применения, таких как текстовые диалоги, создание контента, вспомога-

¹Методы идентификации контента, созданного и синтезированного искусственным интеллектом (от 07.03.2025) (《人工智能生成合成内容标识办法》). URL : https://www.cac.gov.cn/2025-03/14/c_1743654684782215.htm (дата обращения: 24.03.2025).

²Технологии кибербезопасности. Методы идентификации контента, созданного и синтезированного искусственным интеллектом (GB45438-2025) (от 08.02.2025) 《网络安全技术 人工智能生成合成内容标识方法》(GB 45438-2025) . URL : <https://openstd.samr.gov.cn/bzgk/std/newGbInfo?hcno=F32EA2A561F1886CD8D606513512D547> (дата обращения: 24.03.2025).

³Практический справочник по стандартам кибербезопасности – Правила кодирования для поставщиков услуг по идентификации синтетического контента, созданного с использованием искусственного интеллекта (TC260-PG-20252A) (от 14.03.2025) (《网络安全标准实践指南——人工智能生成合成内容标识 服务提供商编码规则》(TC260-PG-20252A)) . URL : <https://www.tc260.org.cn/front/postDetail.html?id=20250303215504> (дата обращения: 24.03.2025).

тельное проектирование и т.д., одновременно снижая вред от злоупотребления технологиями генерации и синтеза искусственного интеллекта, предотвращая рискованное поведение, такое как создание и распространение ложной информации с использованием технологий искусственного интеллекта, и способствуя здоровому и упорядоченному развитию искусственного интеллекта.

«Методы идентификации» отличаются от предыдущих правовых норм Китая, регулирующих искусственный интеллект, в отношении положений об «идентификации контента» следующим образом:

Во-первых, «Методы идентификации» детализируют существующие положения. В «Положении об управлении алгоритмическими рекомендациями в информационных Интернет-сервисах»¹, «Положения об управлении услугами глубокой синтезированной информации в сфере интернет-информационных услуг» и «Временные меры по управлению службами генеративного искусственного интеллекта» были выдвинуты соответствующие требования к маркировке. «Методы идентификации», как нормативный документ, дополнительно детализируют конкретные нормы реализации маркировки.

В отношении сферы применения, китайские «Методы идентификации» применяются к поставщикам сетевых информационных услуг, предоставляющим услуги по созданию текста, изображений, аудио, видео и другого контента с использованием генеративного искусственного интеллекта для общественности на территории Китая. Они имеют широкую сферу охвата и направлены на всестороннее регулирование использования и распространения технологий генеративного ИИ. Что касается требований к идентификации, то явная и неявная идентификация, предусмотренная «Методами идентификации», является юридическим обязательством поставщиков, но в то же время сохраняет определенную гибкость, позволяя поставщикам услуг предоставлять контент без явной идентификации после четкого определения обязательств пользователя по идентификации и ответственности за использование в пользовательском соглашении, а также в соответствии с законом сохранять соответствующие журналы. Такая гибкость предоставляет корпоративным пользователям пространство для маневра в конкретных сценариях. В вопросах, касающихся ключевых аспектов регулирования, китайские «Правила маркировки» расширяют цепочку регулирования управления маркировкой, включая в сферу регулирования также и платформы распространения. Кроме того, в отношении технических средств и требований к инструментам, китайские «Методы идентификации» не содержат конкретных требований к использованию и доступности инструментов тестирования. В отношении механизмов ответственности, «Методы идентификации» используют директивные положения, то есть обработка осуществляется компетентными органами, такими как Управление по делам киберпространства, телекоммуникационные органы, органы общественной безопасности и органы радиовещания и телевидения, в соответствии с «соответствующими законами, административными правилами и положениями ведомственных нормативных актов». В сочетании с положениями «Правил управления алгоритмическими рекомендациями в сфере интернет-информационных услуг», «Правил управления глубоким синтезом в сфере интернет-информационных услуг» и «Временных мер по управлению генеративными сервисами искусственного интеллекта» были сформулированы требования к маркировке информации, сгенерированной алгоритмами и синтезированной, а также четко определена юридическая ответственность.

Во-вторых, «Методы идентификации» решают ключевые проблемы. «Методы идентификации» в первую очередь решают такие вопросы, как «что сгенерировано», «кто сгенерировал» и «откуда сгенерировано», продвигая сквозное управление безопасностью на всех этапах, от генерации до распространения, и стремясь создать надежную технологию искусственного интеллекта.

Например, в «Мерах по идентификации» четко указано, что поставщики услуг должны добавлять явные идентификаторы к сгенерированному и синтезированному контенту, такому как текст, аудио, изображения, видео и виртуальные сцены. При предоставлении функций загрузки, копирования, экспорта и т. д. сгенерированного и синтезированного контента они должны обеспечивать наличие в файле явных идентификаторов, отвечающих требованиям. Они должны добавлять неявные идентификаторы в метаданные файлов сгенерированного и синтезированного контента. Неявные идентификаторы должны содержать информацию об атрибутах сгенерированного и синтезированного контента, название или код поставщика услуг, номер контента и другую информацию об элементах производства. Они должны четко указывать методы, стили и другие стандартные элементы идентификации сгенерированного и синтезированного контента в соглашениях об обслуживании пользователей и

¹Положение об управлении алгоритмическими рекомендациями в информационных интернет-сервисах (от 04.01.2022) (《互联网信息服务算法推荐管理规定》). URL : <https://flk.npc.gov.cn/>. (дата обращения: 19.03.2025).

напоминать пользователям внимательно читать и понимать соответствующие требования к управлению идентификацией.

В-третьих, комплексное рассмотрение управленческих требований и технических стандартов. Для содействия реализации «Положения об идентификации» одновременно был опубликован обязательный государственный стандарт (GB 45438-2025), который лучше направляет соответствующие субъекты в стандартизированном осуществлении деятельности по идентификации. Предлагаются конкретные требования к методам идентификации контента для поставщиков услуг по созданию синтетического контента с использованием искусственного интеллекта и поставщиков услуг по распространению сетевой информации. В частности, определены методы добавления явных идентификаторов, таких как текст, угловые метки, голос, ритм и т. д., к контенту, генерируемому и синтезируемому поставщиками услуг в области искусственного интеллекта, включая текст, изображения, аудио, видео, виртуальные сцены и т. д. На этапе создания и синтеза контента предложены решения для значительного уведомления общественности и предотвращения путаницы и неправильного понимания. Во-вторых, необходимо четко определить методы добавления метаданных в файлы поставщиками услуг, чтобы неявно идентифицировать сгенерированный синтетический контент, предоставить удобные решения для поставщиков услуг по распространению контента для эффективной идентификации сгенерированного синтетического контента, а также предоставить основу для поставщиков услуг по распространению контента для выполнения основных обязанностей по напоминанию и предупреждению общественности. В-третьих, в метаданных неявно идентифицированной настройки зарезервированы поля, которые можно использовать для записи информации о защите безопасности, такой как целостность идентификации и согласованность контента, что оставляет пространство для содействия инновационному развитию технологии идентификации и защиты безопасности идентификации.

В качестве обязательного национального стандарта, национальный стандарт (GB 45438-2025) предоставляет оперативное руководство с технической точки зрения, предъявляет дифференцированные требования к явной маркировке различных типов контента, таких как текст, изображения, аудио, видео, виртуальные сцены и т. д., не только побуждая предприятия повышать точность и эффективность маркировки, но и эффективно гарантируя право пользователей на информацию. Например, текст должен быть представлен в виде литер или индексов; идентификаторы изображений должны располагаться на стороне или в углу изображения, высота текста должна составлять не менее 5% от длины самой короткой стороны кадра; идентификаторы аудио должны использовать речевые или аудио-ритмические идентификаторы, используя нормальную скорость речи; при нормальной скорости воспроизведения продолжительность видео-идентификаторов должна составлять не менее 2 секунд. Кроме того, учитывая бремя расходов для малых и средних предприятий, «Методы идентификации» допускают недорогие решения, предлагая лишь «поощрять поставщиков услуг добавлять неявные идентификаторы в форме цифровых водяных знаков и т.п.», создавая тем самым справедливую конкурентную среду для индустрии искусственного интеллекта. Кроме того, установлен 6-месячный переходный период, чтобы предоставить предприятиям время для технической адаптации.

Четвертое, координация развития и безопасности. Учитывая потребности развития технологий искусственного интеллекта, в отношении добавления скрытых идентификаторов в текстовый контент и добавления цифровых водяных знаков в мультимедийные файлы, которые все еще являются технически сложными или могут увеличить затраты предприятий, не предъявляются обязательные требования. Чтобы снизить затраты предприятий платформы на идентификацию и повысить практичность и исполнимость внедрения, инновационно предложены такие доступные методы реализации, как идентификация текстовыми символами, идентификация ритмом аудио и идентификация метаданными файлов.

«Методы идентификации» используют двухуровневую систему идентификации, творчески создавая двойную систему «явной + неявной» идентификации. Явная идентификация относится к идентификаторам, добавляемым в сгенерированный синтетический контент или интерфейсы интерактивных сцен, которые представлены в виде текста, звука, графики и т. д. и могут быть явно восприняты пользователями. Например, текстовая разметка начала/конца Сгенерировано ИИ, вставка аудиоподсказок с определенным ритмом, добавление значков в начальный кадр видео или по периметру воспроизведения. Неявная идентификация относится к принятию технических мер для добавления меток в файлы данных сгенерированного синтетического контента, которые нелегко воспринимаются пользователями. Технология неявной идентификации использует методы внедрения метаданных в файлы, записывая информацию о факторах производства, таких как атрибуты сгенерированного синтетического контента, название поставщика услуг или кодировка, номер контента, что облегчает отслеживание происхождения и проверку, а также предоставляет доказательную базу для регулирующих органов.

Идентификация двойной системы проектирования учитывает двойные потребности в информировании общественности и технической отслеживаемости. Явная идентификация снижает риск ошибочного распознавания пользователями, в то время как неявная идентификация может усилить сквозной контроль всей цепочки.

«Методы идентификации» четко определяет обязанности четырех типов субъектов: поставщиков услуг, платформ распространения, платформ распространения интернет-приложений и пользователей. Поставщики услуг должны выполнять явные и неявные обязательства по идентификации, объяснять и напоминать пользователям о необходимости внимательного прочтения и понимания соответствующих требований к управлению идентификацией. Поставщики услуг по распространению сетевого информационного контента должны проверять неявные идентификаторы в метаданных файлов и делать вторичные аннотации на основе результатов проверки. Платформы распространения интернет-приложений должны проверять соответствующие материалы, касающиеся идентификаторов синтетического контента, созданных поставщиками услуг интернет-приложений. Пользователи обязаны выполнять обязательство уведомления, активно заявлять и использовать функцию идентификации, предоставляемую поставщиком услуг, для идентификации.

Кроме того, «Методы идентификации» содержат три запретительных положения, а именно: никакая организация или физическое лицо не должно злонамеренно удалять, изменять, подделывать или скрывать идентификаторы сгенерированного синтетического контента, не должно предоставлять инструменты или услуги для других лиц, совершающих вышеуказанные действия, и не должно наносить ущерб законным правам и интересам других лиц с помощью неправомерных средств идентификации. Посредством четкого определения обязанностей и норм поведения для каждой стороны, создана комплексная система ответственности за управление идентификаторами, охватывающая весь жизненный цикл, от создания и распространения контента до его дистрибуции. Таким образом, формируется замкнутое управление, обеспечивающее целостность и отслеживаемость информации об идентификаторах.

Несмотря на то, что Китай четко сформулировал требования к добавлению идентификаторов для синтетического контента, сгенерированного искусственным интеллектом, в связи с рассредоточенностью соответствующих субъектов, участвующих в цепочке создания и синтеза контента, и ее относительной сложностью, включая разработчиков инструментов для создания и синтеза контента с помощью искусственного интеллекта, тех, кто развертывает инструменты, пользователей инструментов, обработчиков контента, распространителей контента, платформы распространения контента и широкую аудиторию пользователей, все они вовлечены в использование идентификаторов и действия по идентификации, распространению контента и т.д. Необходимо дальнейшее уточнение разделения труда и уровней ответственности различных субъектов за внедрение маркировки, требуется дальнейшее повышение степени стандартизации и взаимного признания маркировок, процесс внедрения маркировки контента нуждается в более детальной, всесторонней и систематической регламентации. Чжи Чжэньфэн считает, что способность логического вывода больших моделей генеративного искусственного интеллекта значительно меняет экосистему информационного контента в сети, приводя к распространению низкокачественной информации, загрязнению первоисточников информации и угрожая социальной этике и другим рискам информационного контента [3, с. 46]. Необходимо найти баланс между развитием и безопасностью, полностью реализовать регулирующий эффект системы маркировки продуктов искусственного интеллекта. Необходимы совместные усилия всех субъектов отрасли для формирования синергии, а также всестороннее продвижение разработки и применения соответствующих стандартизированных технологий и инструментов.

Литература

1. Чжан Линхань, Цзя Сяо. Логическое обновление и системная оптимизация механизма идентификации контента, созданного генеративным искусственным интеллектом // Вестник исследований истины. 2024. Т. 51, № 1. С. 112–122 (张凌寒, 贾斯瑶.人工智能生成内容标识制度的逻辑更新与制度优化[J].求是学刊, 2024, 51(01): 112–122) .
2. Чжан Цзихун. Исследование обязанностей по идентификации контента, созданного генеративным искусственным интеллектом // Исследования в области права и бизнеса. 2024. Т. 41, № 4. С. 187–200 (张继红.生成式人工智能生成内容标识义务研究[J].法商研究, 2024, 41(04): 187–200) .
3. Чжан Чжэньфэн. Управление информационным содержанием крупных моделей генеративного искусственного интеллекта // Форум политики и права. 2023. Т. 41, № 4. С. 34–48 (支振锋.生成式人工智能大模型的信息内容治理[J].政法论坛, 2023, 41(04): 34–48.)

Эволюция китайской адвокатуры*

© П. В. Трошинский

кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник,

Институт востоковедения Российской академии наук,

Россия, Москва

ORCID: 0000-0002-8837-10

troshc@mail.ru

В статье анализируется развитие китайской адвокатуры и положение адвоката в китайском обществе с древности по настоящее время. Негативное отношение к судебному процессу сформировало в обществе неприятие деятельности адвоката. Профессия адвоката в древнем Китае не пользовалась уважением. Адвоката воспринимали как сторону, покрывающую преступника, позволяющую ему избежать справедливого наказания. В современном Китае адвокатуры все ещё не придается важной роли, хотя необходимость в её существовании уже не отрицается. Без участия адвоката сейчас не обходится ни один уголовный процесс; в гражданском процессе его роль все более повышается. Однако все же статус адвоката не настолько высок, как в западных юрисдикциях. Над ним по-прежнему довлеет традиционное неприятие его деятельности со стороны власти и простого народа.

Ключевые слова: Китай, право Китая, адвокатура, традиционное право, современное право, уголовный процесс, гражданский процесс.

P. V. Troshchinskiy

candidate of legal sciences, leading research fellow,

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science,

Russian Federation, Moscow,

ORCID: 0000-0002-8837-1097

troshc@mail.ru

The article examines the historical development of advocacy in China and the role of lawyers in Chinese society, spanning from ancient times to the present day. Negative perception of legal processes led to resistance against the activities of lawyers, with the profession being viewed disrespectfully by officials. The advocate was widely seen as being biased, protecting criminals, and enabling them to avoid just punishment. Despite long-standing skepticism towards advocates, the legal profession in modern China is gradually gaining popularity, although progress is slow and the overall number of advocates in China remains relatively small. They still hold a formal role in criminal proceedings, while the majority of cases seeking legal assistance from advocates are primarily related to civil proceedings. Even though the need for the existence of the advocacy is no longer denied, its significant role in modern China is still not fully recognized.

Keywords: China, Chinese law, advocacy, traditional law, modern law, criminal procedure, civil procedure.

Китайская адвокатура в своем развитии прошла несколько крупных этапов. Её зарождение началось еще в древнем (старом) Китае. В то время адвокаты носили название «сунши» (讼师) («мастер иска») и отношение к ним в обществе было крайне негативным. Считалось, что «сунши» стоит на защите виновного лица, покрывает преступника, мешает чиновнику вести справедливый суд. Зачастую адвокат подвергался сходному с осужденным наказанию, если не смог доказать в суде невиновность своего клиента. Как правило «сунши» становились те, кто не смог успешно сдать экзамен на должность чиновника либо утратил её по причине коррупции или совершения иных противоправных деяний. Таким образом «сунши» относились к образованному классу, хотя и преследуемому со стороны официальных властей. Они не были приучены к физическому труду, поэтому не могли работать на земле. Полученное ими образование позволяло хорошо знать действующее законодательство и конфуцианские нормы, однако по причине провала на экзамене либо увольнения со службы этим людям не оставалось иного выбора, как только уходить в даосские монастыри либо работать в адвокатуре.

Китайских «сунши» можно сравнить с приказными и выгнанными со службы царскими чиновниками, занимавшимися писанием разных прошений для неграмотного люда. В России они носили

* Доклад отмечен благодарственным письмом Верховного суда Республики Бурятия, 18 апреля 2025 г.

название «аблакатов¹ от Иверской» (то есть близлежащей часовни Иверской Богоматери на Красной площади). «Аблакат» помогал клиенту составлять витиеватые прошения в адрес административного аппарата, правда не всегда за эту работу бралось много: иногда работа делалась за «косушку водки»².

Китайские чиновники, которые в то время выполняли судебные функции, относились к «сунши» не просто как к конкурентам: они полагали, что адвокаты мешают вынесению справедливого приговора, препятствуют установлению истины, подделывают факты и доказательства, используют несовершенство законов во вред правосудию. Все вышеперечисленное подкреплялось множеством историй про «злых» адвокатов, которые распространялись среди простого населения. От этого, как уже было сказано выше, адвокатов не любили и физически уничтожали.

Наиболее известной работой в Китае, описывающей деятельность «сунши», стал сборник рассказов о «четырех крупных порочных адвокатах (四大恶讼师[2]). Книга посвящена истории четырех юристов-обманщиков (谢方樽、诸福宝、杨瑟严、冯执中) (Се Фанцзунь, Чжу Фубао, Ян Сэянь и Фэн Чжичжун) эпохи династии Цин (1644–1912), которые стали символом манипуляций с правовой нормой в старом Китае. В работе приводятся различные истории, связанные с подделкой документов и созданием ложных свидетельств, манипуляцией нравственными и правовыми нормами, подкупом чиновников и т.п. Итогом противоправной деятельности «сунши» стала их гибель либо потеря рассудка как расплата за совершенный обман. Вот некоторые истории, посвященные недобросовестным «сунши»:

«Об оправдании воровства» (盜亦有道案):

Один помещик обвинил человека в краже дорогого нефрита. «Сунши» встал на защиту обвиняемого, заявив, что нефрит не мог быть украден, так как его настоящий хозяин — Небо, а помещик лишь временно хранил у себя небесную драгоценность. При этом была приведена цитата из даосских источников: «разве вор может украсть то, что принадлежит всем»? Судья, запутавшись в логике аргументов «сунши», освободил вора, который, впоследствии, сбежал с похищенным камнем;

«О несуществующем долге» (虚构债务案):

Один чиновник требовал с крестьянской семьи вернуть долг. Нанятый на ее защиту «сунши» подделал расписку о якобы возвращенном долге, использовав старую бумагу и поддельную подпись чиновника. Затем подкупив судебного писца, чтобы тот «ненароком» пролил чернила на «оригинал» поддельной расписки, после чего предъявил документ судье. Последний, по причине не достаточных доказательств о невозврате долга, закрыл дело, оправдав должников.

«Кейсов» с участием «сунши» в Китае много, к популярным о них книгам также отнесем известный сборник «Поучительные истории» (醒世恒言) автора Фэн Мэнлуна (冯梦龙) (16 в.), в котором, кроме прочего, описаны хитрости «сунши», манипулирующих законом и «Ли». Книга содержит в общей сложности сорок небольших рассказов, насыщенных темами, большинство из которых взяты из народных легенд, исторических записей и романов эпох Тан и Сун.

Многие древние китайские истории посвящены темам брака и любви, однако в некоторых из них участвуют «сунши», хотя не напрямую, а напоминающие их персонажи. Например, в рассказах «Нефритовая Гуаньинь», «Чжуань Сю-цзы выходит из затруднения», «Вечный сон десяти тысяч» и др. Приведенные рассказы касаются тем справедливости, обмана и судебных процессов, где свою роль играют личности, похожие на «сунши». Описывается юридическая смекалка, которая служит интригам и обвинениям, редко — для защиты невинных. В целом показана манипуляция фактами для достижения выгоды, коррумпированность чиновников и сложная борьба за справедливость.

Китайская Республика

Некоторые изменения адвокатура стала претерпевать в период существования Китайской Республики (1912–1949), пришедшей на смену цинской империи. Однако даже при новой (гоминьдановской) власти, кардинально отношение к адвокатуры не поменялось. Население по-прежнему считало адвокатов нечистыми на руку, а их деятельность в целом не получала поддержки у чиновников. Од-

¹ «Аблакат» (иноск. презрит.) — плохой, мелкий адвокат.

² «У Воскресенских ворот, — пишет он, — около здания Губернского правления, с незапамятных времен находилась сутяжная биржа стряпчих, приказных и выгнанных со службы чиновников, занимавшихся писанием разных доносов, ябед и прошений для неграмотного, темного люда. В простонародье такие лица известны под названием «аблакатов от Иверской». Все они поголовно алкоголики, с опухшими лицами и красно-сизыми носами. «Аблакат», найдя на улице клиента, приглашал его следовать за ним в трактир «Низок». Там за косушку водки, выслушав клиента, он писал ему такое витиеватое прошение, что понять написанное нельзя было не только постороннему человеку, но оно часто было непонятно и самому автору...». Московская старина. Воспоминание москвичей XIX столетия [1].

нако понимание необходимости в существовании института адвокатуры все же присутствовала, главной причиной этого стало ознакомление с практикой судопроизводства на Западе, которая обязывала привлекать к участию в процессе адвоката.

Ко времени падения Китайской Республики (1949 г.) в стране насчитывалось уже около 10 тыс. лицензированных адвокатов, большинство из которых практиковалось в крупных городах. Адвокатская деятельность за недолгий период существования республиканского Китая превратилась в профессию, которая, в отличие от Китая старого, не преследовалась со стороны властей. Для получения статуса адвоката требовалось высшее юридическое образование (юристов по западному образцу готовили в Пекине, Шанхае, Сучжоу и др.) и сдача квалификационных экзаменов. В республике появились первые адвокатские профессиональные объединения (ассоциации), на адвокатский рынок Китая выходили иностранные юристы и адвокатские компании. В профессию стали допускать женщин.

Китайская Народная Республика

После победы Коммунистической партии Китая в гражданской войне и образования в октябре 1949 г. новой китайской государственности, практически сразу в КНР стала создаваться адвокатура по советскому образцу. К 1957 г. в КНР насчитывалось около 3 тыс. адвокатов. Однако по причине начала политических кампаний, апогеем которых стала «культурная революция» (1966–1976), процесс становления социалистической адвокатуры был прекращен. Лишь после смерти Мао Цзэдуна (1976) и начала правосстановительного процесса китайская адвокатура получила свое новое развитие.

26 августа 1980 г. китайский законодатель принимает «Временное положение Китайской Народной Республики об адвокатах». Этот день сейчас отмечается в республике как «день китайской адвокатуры». Адвокаты признавались «юридическими работниками государства» и наделялись правовым статусом. 15 мая 1996 г. на смену временному положению пришел Закон КНР об адвокатуре, который действует в настоящее время в редакции от сентября 2017 г.

Адвокатура в современном Китае

В настоящее время все действующие адвокаты в КНР разделены на несколько основных групп, каждая из которых обладает своей особой спецификой и работает в строго очерченных законодательством рамках (Таблица 1).

Таблица 1

Вид адвоката	Профессиональные (частные) адвокаты	Адвокаты на государственной службе (госадвокаты)	Адвокаты при компаниях (корпоративные юристы)	Военные адвокаты
Работодатель	юридические фирмы, частная практика	государственные органы, учреждения, общественные организации правительства	коммерческие организации	Вооруженные силы (НОАК) (подчинение внутри армии, а не Минюсту)
Клиенты	любые (включая иностранные компании и физлица, а также апатриды)	работодатель	работодатель	военные подразделения, военнослужащие и часть гражданского персонала
Специализация	нет ограничений	преимущественно административное право и административный процесс	корпоративное право, комплаенс	военное право
Доход	гонорары	заработная плата	заработная плата	заработная плата
Примечание	высокая свобода деятельности	свобода деятельности ограничена	свобода деятельности ограничена	свобода деятельности ограничена

Составлено автором

Профессиональным (частным) адвокатам выдается «Лицензия на право ведения адвокатской деятельности» («адвокатская лицензия») (律师执业证) (дословно с кит.: «сертификат на право ведения адвокатской деятельности»), а всем остальным — «Рабочая лицензия адвоката» («Рабочий сертификат адвоката») (律师工作证). При этом, до получения лицензии, профессиональный (частный) адвокат обязан проработать на практике в адвокатском бюро полный год и пройти затем собеседование в ас-

социации адвокатов. Остальные не обязаны проходить адвокатскую практику для получения лицензии.

Согласно официальной статистике (Статистический ежегодник Китая от ноября 2024 г.) (中国统计年鉴2024) по состоянию на конец 2023 г. в КНР насчитывалось 731637 адвокатов. По сравнению с 2022 г. рост составил 12,51% или стало больше на 80 тыс. (Таблица 2).

Таблица 2

Год	Количество адвокатов	Примечание
2021	574042	рост 9,86% (больше на 51532 адвоката)
2022	650312	рост 13,29% (больше на 76270 адвоката)
2023	731637	рост 12,51% (больше на 81325 адвоката)
2024	810000	прогноз (статистика появится в конце 2025 г., однако некоторые источники приводят цифру в 770 тыс. адвокатов по состоянию на ноябрь 2024 г.)
2025	900000	прогноз (статистика появится в конце 2026 г.)

Составлено автором на основе Статистического ежегодника Китая от ноября 2024 г. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2024/indexch.htm>(дата обращения: 26.06.2025) и других источников

По предварительной, неофициальной статистике, количество адвокатов в 2024 г. достигло 750 тыс. Приведенная цифра вполне реальна, ведь рост числа адвокатов в последние годы составляет в среднем 100 тыс. за 2–3 года. В некоторых источниках приводятся следующие цифры (2022 г. — 650 тыс; 2023 г. — 731 тыс.; 2024 г. — 750 тыс.; то есть прирост 10 тыс. за период с 2022 по 2024 г.). Таким образом, количество адвокатов в 1 млн. может быть достигнуто в ближайшие годы.

В настоящее время, при населении КНР примерно в 1,45 млрд человек один адвокат приходится в среднем на 2000 граждан¹. При этом необходимо учитывать количество адвокатов в зависимости от их вида, что позволяет по факту констатировать большее число китайских граждан на одного адвоката. Вместе с ростом количества адвокатов в КНР происходит увеличение числа адвокатских контор (Таблица 4):

Таблица 4

Год	Количество
2018	30647
2019	32621
2020	34441
2021	36504
2022	38547
2023	41132

Составлено автором на основе Статистического ежегодника Китая от ноября 2024 г. URL: <https://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2024/indexch.htm>(дата обращения: 26.06.2025)

Заключение

В современном Китае адвокатура набирает популярность. Хотя положение адвоката в уголовном процессе по-прежнему не высокое, однако работать в гражданском и арбитражном процессах становится все престижнее. Практикующие китайские адвокаты хорошо зарабатывают, а отношение к ним в обществе постепенно меняется в положительную сторону. Хотя, конечно, их роль и значение в процессе все еще не такое, как в западных юрисдикциях. Государство также развивает адвокатские услуги на принципах *pro bono* (от лат. *pro bono publico* — «ради общественного блага»): правительство КНР вкладывается своими ресурсами в социальную адвокатуру путем выделения точечного финансирования на содержание соответствующих юридических центров, помещений под них, квалифицированных сотрудников, работающих в сфере LegalCharity. В стране действует широкая государственная поддержка малообеспеченных категорий граждан по всем областям законодательства, при этом при-

¹ В 2025 г. в РФ количество действующих адвокатов составило 75813, что также, как и в Китае, примерно 1 адвокат на 2000 граждан. URL: <https://pravo.ru/news/258331/> (дата обращения: 26.06.2025).

влекаются как частнопрактикующие, так и государственные юристы (адвокаты). Бремя оплаты их труда несет центральное или местное правительство согласно установленным нормативам.

Рост числа адвокатов и адвокатских образований приводит к чрезвычайно острой конкуренции на рынке адвокатских услуг. Появляются различные рейтинги адвокатских контор, которые, по существу, примерно одинаково признают лидеров рынка (Таблица 5): при любом рейтинге в первых строчках находится YingkeLawFirm, которая с 2022 г. вошла в рейтинг The Global 200 глобальных юридических фирм по количеству работающих адвокатов. У компании свыше 120 филиалов в Китае и по всему миру.

Таблица 5

Наименование	Адрес в Интернете	Год образования	Количество адвокатов
盈科律师事务所 Yingke Law Firm	https://www.yingkelawyer.com/index.html	2001	16903
大成律师事务所 Dacheng Law Offices / Dentons	https://www.dacheng.com/index.html	1992	7905
京师律师事务所 Jingsh Law Firm	https://www.jingsh.com/	1994	6415
德恒律师事务所 DeHeng Law Offices	https://www.dehenglaw.com/CN/index/0001.aspx	1993	4775
锦天城律师事务所 AllBright Law Offices	https://www.allbrightlaw.com/	1999	4140
炜衡律师事务所 W&H Law Firm	https://www.weihenglaw.com/	1995	4042
国浩律师事务所 Grandall Law Firm	https://www.grandall.com.cn/	1998	3850
泰和泰律师事务所 Tahota Law Firm	https://www.tahota.com/	2000	3798
北京德和衡律师事务所 Beijing DHH Law Firm	https://www.deheng.com/	2010	3347
华商律师事务所 China Commercial Law Firm	https://www.huashanglawyer.com/	1993	2724

Источник: <https://china.legalbusinessonline.com/ranking> (дата обращения: 26.06.2025).

Литература

1. Московская старина. Воспоминание москвичей XIX столетия. Москва: Правда, 1989. 544 с.
2. 中国四大恶讼师传奇 // 中国华侨出版社. 北京. 2003 [Истории о четырёх известных порочных адвокатов Китая. Пекин: Китайские хуацяо, 2003]. 326 с.

II КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

II CONSTITUTIONAL AND INTERNATIONAL LEGAL REGULATION IN THE ASIAN REGION

УДК 342.92

КоАП РФ: статья 8.13 — нарушение правил охраны водных объектов*

© Д. Д. Дермичев

студент 2-го курса,
Красноярский государственный аграрный университет
Россия, г. Красноярск
Myrka121003@yandex.ru

© И. Б. Трофимова

старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права,
Красноярский государственный аграрный университет
Россия, г. Красноярск
iness.kostilia@mail.ru

Данная статья представляет собой аналитический обзор применения ст. 8.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, касающейся правил охраны водных ресурсов. В статье изучаются ключевые аспекты данной нормы, различные типы нарушений, а также предусмотренные санкции. Производится оценка деятельности уполномоченных органов по контролю за соблюдением санитарных и эпидемиологических нормативов в РФ и КНР, а также осуществляется сопоставительный анализ качества питьевой воды в данных странах. В статье подробно описываются механизмы документирования нарушений, в том числе активное участие населения в этих процессах. В итоге выявляются как отличия, так и схожие черты в стратегиях России и Китая, направленных на охрану водных ресурсов и контроль за их качеством.

Ключевые слова: нарушение правил охраны водных объектов, санитарно-эпидемиологические нормы, качество питьевой воды, Китай, Российская Федерация, фиксация правонарушений гражданами.

D. D. Dermichev

2nd year student,
Krasnoyarsk State Agrarian University
Russia, Krasnoyarsk
Myrka121003@yandex.ru

I. B. Trofimova

Senior Lecturer, Department of
Theory and History of State and Law,
Krasnoyarsk State Agrarian University
Russia, Krasnoyarsk
iness.kostilia@mail.ru

This article is an analytical review of the application of article 8.13 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses concerning the rules of water resources protection. The article studies the key aspects of this norm, different types of violations, as well as the sanctions provided for. The activities of authorized bodies to monitor compliance with sanitary and epidemiological standards in the Russian Federation and the PRC are assessed, and a

* Доклад отмечен Благодарственным письмом комитета Народного Хурала Республики Бурятия по государственному устройству, местному самоуправлению, законности и вопросам государственной службы, 18 апреля 2025 г.

comparative analysis of drinking water quality in these countries is made. The article describes in detail the mechanisms of documenting violations, including the active participation of the population in these processes. As a result, both differences and similarities in the strategies of Russia and China aimed at protecting water resources and controlling their quality are revealed.

Keywords: violation of water protection rules, sanitary and epidemiological norms, drinking water quality, China, Russian Federation, fixation of offenses by citizens.

В рамках административного законодательства Российской Федерации, конкретно ст. 8.13 КоАП РФ, предусматривается юридическая ответственность за нарушения, затрагивающие охрану водного пространства.

Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор) выполняет роль ключевого регулятора в сфере санитарного и эпидемиологического надзора на территории Российской Федерации. Ее задачи включают контроль за состоянием качества питьевой воды, осуществление экспертиз с санитарно-эпидемиологическим уклоном и отслеживание состояния акваторий [2].

Национальная комиссия здравоохранения Китая (НХС) и Министерство экологии и окружающей среды Китая (МЕС) представляют собой органы, занимающиеся схожими функциями на территории Китая. Они отвечают за качественный контроль водных ресурсов, установление санитарных нормативов и мониторинг водных ресурсов.

Качество питьевой воды считается критерием санитарно-эпидемиологического состояния государства. В России регулирование качества питьевой воды производится в соответствии с национальными стандартами, регулярно проводится проверка ее качества. Тем не менее, встречаются регионы, где качество водоснабжения страдает из-за устаревшей инфраструктуры и загрязнения источников воды.

Урбанизационный процесс в России и Китае ведет к значительным изменениям в социально-экономических структурах. Власти обеих стран активно реформируют различные отрасли, чтобы поддерживать устойчивость развивающихся городских агломераций и укреплять основы правового государства. Ключевую роль в данной динамике играет обеспечение жизненных потребностей населения, которое включает не только материальные и духовные аспекты, но также физиологические, среди которых доступность качественной питьевой воды занимает первостепенное место.

Вода используется питьевая, что является центральным фактором для здоровья граждан. Потенциальные риски, влияющие на ее качество, требуют повышенного внимания и детального анализа. Исследование О.М. Розенталя, озаглавленное как «Риск-ориентированный контроль качества воды», вносит значительный вклад в изучение методов оценки качества воды через призму риск-аналитики для здоровья человека. В исследовании делается акцент на ценности статистического подхода, в том числе использование байесовского анализа, который синтезирует исходные данные с актуальными замерами. Это, в свою очередь, улучшает точность прогнозирования угроз, позволяя принимать закономерные и подкрепленные эмпирическими данными решения, направленные на гарантирование качества систем водоснабжения [3].

Россия также сталкивается с проблематикой обеспечения качественной питьевой воды, особенно в прибрежных областях, таких как бассейны Волги и Дона, где наблюдается определенный уровень химического загрязнения. Некоторые российские системы централизованного водоснабжения нуждаются в усовершенствовании процессов очистки и дезинфекции воды. Более того, экологические риски, возникающие на границе между Россией и Китаем, также представляют угрозу сотрудничеству между государствами, что демонстрирует инцидент с загрязнением реки Сунгари в 2005 г. [6]

В ответ на эти вызовы оба правительства пытаются улучшить качество питьевой воды и тем самым повысить стандарты жизни граждан. Российское регулирование, в частности, отражено в Правилах осуществления производственного контроля качества и безопасности питьевой воды, утвержденных в январе 2025 г. Китай, в свою очередь, в апреле того же года представил 'План по предотвращению загрязнения воды' и десять программ действий для защиты водных ресурсов на национальном уровне.

Исследуя управленческий опыт в сфере городской инфраструктуры России, который значительно дольше истории Китая в этом вопросе, можно обнаружить ценные уроки и практики. Китай же, благодаря своему стремительному развитию, также может предложить нововведения. В данном случае предполагается провести анализ российских и китайских законодательных и нормативных актов, касающихся защиты качества питьевой воды, и на основе сравнительного анализа двух систем выявить возможные направления для обмена опытом и улучшения стратегий обеспечения водной безопасности в обеих странах.

Китай также уделяет значительное внимание качеству питьевой воды, что находит отражение в инвестициях в систему водоснабжения. Однако даже с учетом текущих усилий по модернизации, временами встречаются случаи, когда загрязнение источников и неполное очищение воды вызывают опасения в отдельных провинциях страны.

В соответствии с законодательством Российской Федерации, надзор за соответствием действий с нормативами по охране водных ресурсов возложен на органы государственной власти, в числе которых выделяются структуры внутренних дел и органы федерального водного регулирования. Кроме того, законодательно усилено право граждан на участие в охране вод. Любой житель страны может зафиксировать на фото или видео факты нарушений и передать информацию в уполномоченные органы, что обеспечивает дополнительный контроль со стороны общественности и способствует оперативности реагирования на проблемы. Эта система мониторинга и ответственности позволяет укреплять охрану водных ресурсов России и повышает общую эффективность процессов контроля [4].

В Китайской Народной Республике задачи по обнаружению и последующей обработке инцидентов в области сохранности водных ресурсов поручены специализированным государственным органам. Жители страны также имеют возможность обращения в соответствующие учреждения с сообщениями о нарушениях, но масштаб их участия в процессе выявления и расследования может отличаться, в зависимости от специфики региона и обстоятельств случая.

Основополагающее значение для здоровья общества имеет качество питьевой воды, которое в Российской Федерации поддерживается согласно законодательным и нормативным актам, регламентирующим его стандарты.

Законодательная основа регулирования представлена следующими нормативными актами:

– Федеральный закон № 52-ФЗ от 30.03.1999 г. «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» устанавливает границы безопасности для питьевой воды, охватывающие эпидемиологические, радиационные стандарты, химическую безопасность и органолептические характеристики.

Санитарно-эпидемиологические нормы:

– СанПиН 2.1.4.1074-01 «Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды централизованных систем питьевого водоснабжения. Контроль качества» определяет нормативы для гигиенических показателей воды, предоставляемой через централизованные системы водоснабжения.

– Постановление Правительства РФ № 10 от 06.01.2015 г. «О порядке осуществления производственного контроля качества и безопасности питьевой воды» закрепляет этапы производственного контроля, включая пробоотбор, испытания в лаборатории и анализ соответствия нормам.

Процедуры контроля:

Качество питьевой воды контролируется на основе утвержденной организацией водоснабжения программы производственного контроля, координируемой с территориальным Роспотребнадзором, включая список измеряемых показателей, точки и график взятия образцов.

Гигиенические стандарты:

Нормы предписывают, что питьевая вода должна соответствовать стандартам эпидемиологической и радиационной безопасности, быть химически безвредной и обладать приемлемыми органолептическими свойствами.

Регламенты для организаций:

Установленные режимы обеспечения качественной питьевой воды предписывают предприятиям гарантировать доступ сотрудникам к воде, удовлетворяющей санитарным стандартам.

Таким образом, ст. 8.13 КоАП РФ занимает центральную позицию в регламентации охраны водных объектов и предусмотренной ответственности за ее нарушение. Сопоставительный анализ методов, применяемых в Российской Федерации и Китайской Народной Республике, в области контроля санитарно-эпидемиологического состояния и управления качеством питьевой воды раскрывает как взаимные особенности, так и специфические подходы этих государств [5].

Литература

1. Административные правонарушения в сфере охраны окружающей среды и природопользования (постатейный) / А. Ф. Ноздрачев, М. И. Васильева, Е. А. Галиновская и др.; ответственный редактор А. Ф. Ноздрачев. Москва: ИНФРА-М, 2020. 472 с.

2. Колдышева Р. Я., Голицын М. С. Современные требования и рекомендации к оценке качества питьевых и подземных вод России и зарубежных стран // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2011. № 1. С. 9–15.

3. Розенталь О. М. Риск-ориентированный контроль качества воды. Москва: Научный мир, 2017. 266 с.

4. Онищенко Г. Г., Верецагин А. И. О санитарно-эпидемиологической обстановке в Российской Федерации в 2011 г.: Государственный доклад. Москва: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора, 2012. С. 360.

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023) (утверждён Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. N 10. октябрь.

6. Загрязненные воды реки Сунгари достигли Харбина. URL: <https://rg.ru/2005/11/24/kitay-anons.html> (дата обращения: 02.03.2025).

Сравнительный анализ административного регулирования мелиоративных систем с зарубежным опытом (Китай)

© **Е. В. Копылова**

студентка 2-го курса,
Красноярский государственный аграрный университет
Россия, г. Красноярск,
kopylovae216@mail.ru

© **И. Б. Трофимова**

старший преподаватель кафедры ТиИГиП,
Красноярский государственный аграрный университет
Россия, г. Красноярск
iness.kostilia@mail.ru

В статье рассматривается нормативно-правовое регулирование эксплуатации мелиоративных систем и гидротехнических сооружений в России и Китае. Основное внимание уделяется ст. 10.10 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за нарушение правил эксплуатации данных объектов. Проводится сравнительное исследование с китайским законодательством, которое характеризуется более жестким подходом и широким спектром мер воздействия, включая отзыв лицензий и уголовную ответственность.

Ключевые слова: мелиоративные системы, гидротехнические сооружения, нормативно-правовое регулирование, административная ответственность, сравнительный анализ, цифровизация контроля.

E. V. Kopylova

2nd year student,
Krasnoyarsk State Agrarian University
Russia, Krasnoyarsk,
kopylovae216@mail.ru

I. B. Trofimova

senior lecturer of the Department of TiIGiP,
Krasnoyarsk State Agrarian University
Russia, Krasnoyarsk
iness.kostilia@mail.ru

The article discusses the legal regulation of the operation of reclamation systems and hydraulic structures in Russia and China. The main focus is on Article 10.10 of the Administrative Code of the Russian Federation, which establishes liability for violations of the rules of operation of these facilities. A comparative study is being conducted with Chinese legislation, which is characterized by a more stringent approach and a wide range of measures of influence, including revocation of licenses and criminal liability.

Keywords: land reclamation systems, hydraulic structures, regulatory and legal regulation, administrative responsibility, comparative analysis, digitalization of control.

В Российской Федерации эксплуатация мелиоративных систем и гидротехнических сооружений регулируется ст. 10.10 Кодекса об административных правонарушениях (КоАП РФ), которая устанавливает ответственность за [1]:

1. Нарушение правил эксплуатации мелиоративных систем или отдельно расположенных гидротехнических сооружений.
2. Повреждение мелиоративных систем, что может привести к ухудшению их функциональности или возникновению аварийных ситуаций.

Цель статьи — предотвратить негативные последствия неправильной эксплуатации мелиоративных объектов, такие как ухудшение водного баланса, деградация сельскохозяйственных земель или угроза затопления прилегающих территорий [4]. Нарушители могут быть привлечены к ответственности в виде административных штрафов:

- для должностных лиц — от 4 000 до 5 000 рублей;
- для юридических лиц — от 40 000 до 50 000 рублей.

Несмотря на наличие ст. 10.10 КоАП РФ, реализация норм сталкивается с рядом проблем:

- недостаточный контроль за состоянием мелиоративных систем;
- низкая частота проверок, особенно в сельских районах;
- невысокая сумма штрафов, которые не всегда стимулируют соблюдение правил эксплуатации;
- нехватка квалифицированных кадров, ответственных за эксплуатацию объектов.

В Китае вопросы регулирования эксплуатации мелиоративных систем и гидротехнических сооружений регулируются более широкой и жесткой нормативно-правовой базой. Особенности природного ландшафта Китая создают сложную картину, требующую активного внедрения мелиоративных мероприятий:

Водохозяйственные характеристики территории:

- Периодические затопления обширных участков, преимущественно в поймах Янцзы и Хуанхэ.
- Существенная диспропорция в распределении водных запасов.
- Сезонный характер стока ряда водных артерий.
- Критическое обмеление и заиливание озёрных систем.
- Состояние почвенного покрова.
- Постоянное отложение наносов в речных руслах.
- Разрушительное смывание плодородного слоя.

Острая потребность в регулярном обслуживании защитных гидротехнических сооружений.

Такая природная специфика формирует необходимость масштабного мелиоративного обустройства территории для обеспечения устойчивого землепользования.

Основные законы, регулирующие данную сферу, включают:

1. Закон о водных ресурсах (Water Law), принятый в 1988 г. и обновленный в 2002 г. [2]. Этот закон устанавливает нормы эксплуатации водных объектов и мелиоративных систем, а также регулирует вопросы предотвращения аварий и защиты водных ресурсов.

2. Закон о предотвращении и контроле наводнений (Flood Control Law), принятый в 1997 г. и обновленный в 2016 г. [3] Закон направлен на предотвращение аварийных ситуаций и защиту гидротехнических сооружений.

3. Закон о защите водных объектов от загрязнения (Water Pollution Prevention and Control Law).

Китайское законодательство отличается более жестким подходом к нарушителям. В дополнение к административным штрафам предусмотрены такие меры, как:

- отзыв лицензии на эксплуатацию мелиоративных систем при серьезных нарушениях;
- крупные штрафы, значительно превышающие суммы, установленные в российском законодательстве;
- уголовная ответственность за грубые нарушения, которые привели к авариям или экологическим катастрофам.

Основные аспекты китайского законодательства:

1. Система контроля. В Китае действует более строгая система мониторинга состояния мелиоративных систем. Государственные органы проводят регулярные проверки с использованием цифровых технологий [7]. В некоторых регионах используются автоматизированные системы мониторинга, которые отслеживают состояние гидротехнических объектов в режиме реального времени.

2. Профилактика нарушений. В стране большое внимание уделяется профилактическим мерам: созданию образовательных программ для операторов мелиоративных систем и внедрению экологического воспитания.

3. Принципы ответственности. Китайское законодательство закрепляет принцип «платит нарушитель», что означает, что все расходы на восстановление поврежденных мелиоративных систем возлагаются на виновную сторону.

Проведенный сравнительный анализ (Россия и Китай) позволяет выделить ключевые сходства и различия в нормативно-правовом регулировании эксплуатации мелиоративных систем.

Параметры сравнения нормативно-правовой базы Китая и России

Параметр	Россия	Китай
Основной закон	Ст. 10.10 КоАП РФ устанавливает ответственность за различные нарушения при производстве, хранении, транспортировке, применении и реализации пестицидов и агрохимикатов, которые могут причинить вред окружающей среде, здоровью людей или сельскохозяйственным культурам	Закон о водных ресурсах (Water Law), Закон о наводнениях регулирует отношения, возникающие в связи с владением, использованием и распоряжением водными объектами, определяет права и обязанности участников водных отношений, устанавливает механизмы охраны водных объектов от загрязнения и истощения, а также меры по обеспечению рационального использования водных ресурсов.
Система санкций	Штрафы для должностных и юридических лиц	Штрафы, отзыв лицензий, уголовная ответственность
Размер штрафов	Низкие (до 50 000 рублей)	Высокие (до нескольких миллионов юаней в серьезных случаях)
Частота проверок	Низкая	Высокая, с использованием автоматизированных систем
Цифровизация контроля	Практически отсутствует	Внедрение автоматизированных систем мониторинга
Профилактика нарушений	Недостаточная	Активная, включая обучение персонала

На основе проведенного анализа китайского опыта можно предложить следующие меры по повышению эффективности ст. 10.10 КоАП РФ:

1. Ужесточение административных санкций. Введение более высоких штрафов для должностных и юридических лиц с целью повышения их ответственности за соблюдение правил эксплуатации мелиоративных систем.

2. Автоматизация контроля. Внедрение цифровых технологий и автоматизированных систем мониторинга состояния гидротехнических сооружений позволит своевременно выявлять потенциальные угрозы.

3. Профилактика правонарушений. Разработка образовательных программ для лиц, ответственных за эксплуатацию мелиоративных систем, может снизить риск нарушений. В Китае этот подход доказал свою эффективность.

4. Увеличение частоты проверок. Усиление государственного контроля путем увеличения числа внеплановых проверок, особенно в сельских регионах.

Таким образом, китайский опыт показывает, что комплексный подход к регулированию эксплуатации мелиоративных систем, основанный на строгом контроле, цифровизации и профилактике, может значительно повысить эффективность законодательства и снизить количество нарушений. Внедрение подобных мер в России способствовало бы укреплению правопорядка в данной сфере и предотвращению аварийных ситуаций.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон [от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Water Law of the People's Republic of China (adopted at the 24th meeting of the Standing Committee of the Seventh National People's Congress on January 21, 1988, and amended on August 29, 2002).
3. Flood Control Law of the People's Republic of China (adopted in 1997, amended in 2016).
4. Zhang, W., Li, H. Legal Regulations and Monitoring of Water Resources in China: Challenges and Solutions // Journal of Environmental Policy. 2023. Vol. 18, No. 2. P. 147–162.
5. Об утверждении Правил эксплуатации мелиоративных систем и отдельно расположенных гидротехнических сооружений: приказ Минсельхоза России [от 31.07.2020 N 438] (Зарегистрировано в Минюсте России 30.09.2020 N 60169). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
6. Иванова М. П. Административная ответственность за нарушение правил эксплуатации гидротехнических сооружений // Вопросы права. 2023. № 5. С. 25–33.
7. Liu C. Water Governance in China: Policy Reforms and Future Challenges // Asian Environmental Law Review. 2022. Vol. 15, No. 1. P. 89–110.

**Независимость избирательных комиссий в России и государствах Центральной Азии:
вопросы конституционно-правового регулирования***

© А. Д. Котельников
аспирант 2-го года обучения,
Байкальский государственный университет
Россия, г. Иркутск
ADK8897@yandex.ru

В работе рассмотрены основные способы правового закрепления принципа независимости избирательных комиссий в конституциях и иных нормативных правовых актах Российской Федерации и ряда государств Центральной Азии. С использованием дедуктивного, сравнительно-правового и формально-юридического методов выявлены сходства и различия в подходах законодателей к выбору указанных способов, а также их достоинства и недостатки. Предлагаются отдельные пути совершенствования российского избирательного законодательства с учетом положительного опыта зарубежных государств.

Ключевые слова: избирательная система, избирательные комиссии, независимость избирательных комиссий, принципы избирательного права.

D. Kotelnikov
2nd year graduate student,
Baikal State University
Russia, Irkutsk
ADK8897@yandex.ru

The paper examines the main methods of legally enshrining the principle of independence of election commissions in the constitutions and other regulatory legal acts of the Russian Federation and a number of Central Asian states. Using deductive, comparative legal and formal legal methods, the similarities and differences in the approaches of legislators to the choice of these methods, as well as their advantages and disadvantages, are revealed. Individual ways of improving Russian electoral legislation are proposed, taking into account the positive experience of foreign countries.

Keywords: electoral system, election commissions, independence of election commissions, principles of electoral law.

Современное демократическое правовое государство немислимо без проведения свободных и честных выборов, на которых выявляется подлинная воля народа в вопросах формирования публичной власти. В свою очередь подлинность такой воли возможно обеспечить только при условии организации и проведения выборов независимыми органами, которыми в России и всех государствах Центральной Азии являются избирательные комиссии. Таким образом, независимость избирательных комиссий представляется одним из ключевых принципов в системе правового регулирования механизмов непосредственной демократии данных стран. Вместе с тем их законодателями разными способами решены вопросы конституционно-правового регулирования данного принципа. В данном исследовании предлагается рассмотреть их применительно к России, Казахстану, Кыргызстану, Таджикистану, Туркменистану и Узбекистану. И в первую очередь следует обратить внимание на уровень нормативного закрепления независимости избирательных комиссий.

В настоящее время конституции России и большинства государств Центральной Азии не только не закрепляют рассматриваемый принцип, но зачастую вовсе не упоминают в своих положениях избирательные комиссии. Основной закон только одного государства из рассматриваемых содержит прямое указание на наличие независимого органа, отвечающего за подготовку и проведение выборов — это Конституция Республики Узбекистан, а именно ее ст. 129 [6]. Однако указанная норма относится только к Центральной избирательной комиссии Республики Узбекистан, возглавляющей систему органов, состоящую также из территориальных, районных и городских, окружных, а также участковых комиссий, принципы деятельности которых не охвачены нормами конституции. Применительно ко всем видам и уровням комиссий принцип независимости закреплен ст. 11 Избирательного кодекса

* Доклад отмечен дипломом 1-й степени, 18 апреля 2025 г.

Узбекистана [10]. При этом в обоих нормативных актах рассматриваемый принцип указан первым, чем, надо полагать, законодатель республики подчеркивает его особую важность.

Примечательно наличие в Конституции Узбекистана самой главы XXII об избирательной системе, появление которой можно рассматривать как результат последовательного конституционного развития на протяжении последних лет [12, с. 40]. Этим она, наряду с Конституцией Туркменистана [7], выгодно отличается от основных законов как иных государств Центральной Азии, так и России. В юридической науке давно ведутся дискуссии относительно целесообразности закрепления основ избирательной системы Российской Федерации, в первую очередь ее основных принципов, в Конституции, причем отмечается, что аргументы против такой меры носят скорее не юридический, а сугубо политический характер [14, с. 53]. Тем не менее, и Конституция Узбекистана не лишена недостатков — так, закрепление принципов деятельности только в отношении высшего избирательного органа роднит ее с российским Основным законом, в котором принципы избирательного права закреплены только в отношении выборов Президента в ч. 1 ст. 81 [1].

В Конституции Кыргызской Республики отсутствуют принципы деятельности избирательных органов. Тем не менее, ч. 6 ст. 2, посвященной политическим правам граждан, запрещает какое-либо влияние на свободу выбора избирателей путем противозаконного применения административных, финансовых и иных ресурсов, что может рассматриваться также как запрет на вмешательство в работу избирательных комиссий [3]. Основные законы Казахстана и Таджикистана закрепляют принципы избрания отдельных органов государственной власти (в частности, президента, парламента), упоминая избирательные комиссии только в контексте полномочий по их формированию, принадлежащих иным органам [4, 5]. Тем не менее, данный опыт конституционного регулирования также следует рассматривать как положительный, поскольку российская Конституция, как уже отмечалось, аналогичных положений в соответствующем объеме не содержит.

Переходя к рассмотрению вопроса о регулировании независимости избирательных комиссий на уровне текущего законодательства, в качестве преимущества можно отметить наличие у ряда центрально-азиатских государств кодифицированных нормативных правовых актов, регулирующих сферу подготовки и проведения выборов и референдумов. Наряду с упоминавшимся ранее Избирательным кодексом Республики Узбекистан, содержащем как общие положения об организации и проведении выборов, так и особенности избрания отдельных органов власти, аналогичный акт принят в Туркменистане [11]. Казахстан также фактически имеет консолидированный законодательный акт, полностью регулирующий вопросы организации и проведения выборов, разделенный на общую и особенную части, формально не называемый кодексом, но имеющий статус конституционного закона республики [8]. В названном законе принцип независимости избирательных комиссий прямо не сформулирован, но в ст. 10, посвященной системе избирательных органов, содержится запрет на вмешательство в их деятельность. Представляется, что такая формулировка нормы отражает лишь один из признаков независимости, в силу чего не может отождествляться с ней.

В России разработка и принятие избирательного кодекса на федеральном уровне на протяжении десятилетий является предметом непрекращающихся научных дискуссий, исход которых по состоянию на первую половину 2025 г. представляется неясным. Тем не менее, в современной юридической литературе отмечается отсутствие препятствий для кодификации избирательного законодательства, а сама данная мера характеризуется как прогрессивная и способствующая как повышению гарантий избирательных прав граждан, так и облегчению правоприменения [13, с. 192].

Остальные государства закрепляют принципы деятельности избирательных комиссий в различных законодательных актах. К примеру, в Кыргызстане правовое регулирование организации и проведения выборов Президента, депутатов парламента (Жогорку Кенеша), а также статуса центрального избирательного органа осуществляется конституционными законами, в то время как в отношении местных органов власти и избирательных комиссий иных уровней оно осуществляется законами республики. Представляет интерес то обстоятельство, что большинство указанных актов, принятых до 2011 г. включительно, содержат перечни принципов деятельности избиркомов, в которых независимость занимает далеко не первое место. При этом Конституционный Закон Кыргызстана 2021 г., посвященный Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов, вообще не содержит перечня принципов ее деятельности, но независимость обозначена в нем как неотъемлемая составляющая статуса данного органа, что, как видится, значительно подчеркивает роль комиссии в системе публичной власти [9]. Однако данное расхождение в действующем законодательстве порождает вопросы относительно подлинной иерархии закрепленных принципов деятельности комиссий.

Схожим образом регулируются данные отношения и в Таджикистане. Единственное отличие от практики Кыргызстана состоит в том, что независимость в системе принципов деятельности комис-

сий законодателем поставлена на первое место. При этом не все государства устанавливают абсолютную независимость избирательных органов. Например, Избирательным кодексом Туркменистана предусмотрено, что избирательные комиссии независимы лишь при подготовке и проведении выборов и референдумов, что не встречается в других рассматриваемых примерах [11]. Наконец, в Российской Федерации принцип независимости избирательных комиссий закреплён в п. 12 ст. 20 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» применительно ко всем их видам и уровням [2]. Данный принцип ограничивается пределами компетенции избирательных комиссий, как в большинстве рассмотренных выше законов, но, в отличие от Туркменистана, распространяется и за рамки избирательных кампаний.

Настоящая работа, хотя и представляет собой краткий обзор регулирования конкретной сферы избирательных правоотношений в отдельных странах эмпирического характера, может послужить основой для дальнейших теоретических исследований. Но уже на основе рассмотренных примеров можно сделать ряд предложений по совершенствованию правового регулирования отношений в сфере выборов в России. В частности, практика установления системы принципов избирательного права, к которым можно относить и отдельные принципы деятельности избирательных комиссий, такие, как их независимость, может быть воспринята и реализована в Конституции Российской Федерации. Наряду с этим кодификация либо консолидация избирательного законодательства обеспечивает выстраивание единой и непротиворечивой системы принципов, что в случае с принципом независимости особенно важно, так как он зачастую формулируется различными способами в каждом отдельном акте. В связи с этим остается актуальным вопрос кодификации российского избирательного законодательства. При этом представляется, что в перечне принципов избирательного права, закрепляемых таким кодексом или консолидированным законом, независимость избирательных комиссий заслуживает первоочередного упоминания.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: основной закон [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с пос. изм. и доп.)]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
2. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон [от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.
3. Конституция Кыргызской Республики: в редакции Закона Кыргызской Республики от 5 мая 2021 г. № 59 // Газета «Эркин-Тоо». 2021. 5 мая.
4. Конституция Республики Казахстан. URL: <https://www.akorda.kz/ru/officialdocuments/constitution> (дата обращения: 16.04.2025).
5. Конституция Республики Таджикистан: официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Таджикистан. URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya> (дата обращения: 16.04.2025).
6. Конституция Республики Узбекистан. URL: <https://davlat.uz/ru/mfa/sections/view/14475> (дата обращения: 16.04.2025).
7. Конституция Туркменистана: в редакции Конституционного закона Туркменистана от 14 сентября 2016 г. № 448-V // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 2016. № 3. Ст. 131.
8. О выборах в Республике Казахстан: Конституционный закон Республики Казахстан от 28 сентября 1995 г. № 2464 // Ведомости Верховного Совета Республики Казахстан. 1995. № 17–18. Ст. 114.
9. О Центральной комиссии по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики: Конституционный Закон Кыргызской Республики от 26 июня 2021 г. № 79 // Газета «Эркин-Тоо». 2021. 29 июня.
10. Избирательный кодекс Республики Узбекистан: утвержден Законом Республики Узбекистан от 25 июня 2019 г. № ЗРУ-544 // Ведомости палат Олий Мажлиса Республики Узбекистан. 2019. № 6. Ст. 327.
11. Избирательный кодекс Туркменистана: утвержден Законом Туркменистана от 4 мая 2013 г. № 395-IV // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 2013. № 2. Ст. 25.
12. Артемова О. Е. Конституционно-правовой статус центрального избирательного органа Республики Узбекистан // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5, № 2(18). С. 39–46.
13. Емельянец Д. С., Качесова Т. С., Иванова Е. Л. Кодификация избирательного законодательства: история, опыт и перспектива // Гражданин. Выборы. Власть. 2025. № 1(35). С. 188–202.
14. Эбзеев Б. С. Избирательная система и Конституция Российской Федерации // Гражданин. Выборы. Власть. 2016. № 4. С. 53–56.

The international legal obligation of China regarding the right to health*

© **Meng Gaozheng**

Ph.D. in Law student,
Peoples' Friendship University of Russia,
Law institute,
Russia, Moscow / China, Beijing
gaozheng.meng@mail.ru

According to Article 12 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, China has made unremitting efforts to reduce stillbirth and infant mortality, improve environmental sanitation, prevent, treat and control infectious diseases, and provide barrier-free medical care. However, there is still room for improvement in terms of regional differences and group gaps, attention to the health needs of special groups, provision of health care services, and promotion of the right to health through environmental protection. So it is necessary to promote the full realization of the right to health by eliminating regional differences and group gaps in the protection of the right to health, meeting the health needs of special groups in society, improving the national system for protecting the right to health, and clarifying the relationship between the right to health and sustainable development.

Keywords: right to health; international legal obligation of China; international human rights law

Мэн Гаочжэн

аспирант юридического факультета,
Российский университет дружбы народов,
Юридический институт,
Россия, Москва / Китай, Пекин
gaozheng.meng@mail.ru

Согласно ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Китай прилагает значительные усилия для сокращения мертворождаемости и детской смертности, улучшения санитарии окружающей среды, профилактики, лечения и контроля инфекционных заболеваний и предоставления безбарьерной медицинской помощи. Однако все еще есть возможности для улучшения с точки зрения региональных различий и групповых пробелов, внимания к потребностям в области здравоохранения особых групп, предоставления услуг здравоохранения и продвижения права на здоровье посредством защиты окружающей среды. Поэтому необходимо содействовать полной реализации права на здоровье путем устранения региональных различий и групповых пробелов в защите права на здоровье, удовлетворения потребностей в области здравоохранения особых групп в обществе, улучшения национальной системы защиты права на здоровье и разъяснения взаимосвязи между правом на здоровье и устойчивым развитием.

Ключевые слова: право на здоровье, международное юридическое обязательство Китая, международное право в области прав человека.

The introduction justifies the choice and relevance of the topic of the paper, determines the degree of its scientific development, identifies the object and subject of the research, its goals, objectives, indicates the research methods used by the author, the novelty of the work, theoretical and practical significance of research.

Chapter I under the headline “Requirements of International Human Rights Conventions on States Parties to Protect the Right to Health”. This chapter presents that health is an indispensable premise and foundation for realizing other human rights. Everyone should have the right to the highest attainable standard of health conducive to a decent life. The requirements of international human rights law for the state to protect the right to health are mainly based on international human rights conventions, with human rights declarations and general comments of treaty bodies as auxiliary materials. International human rights documents that stipulate the protection of the right to health mainly include three categories: the first category is international human rights conventions that stipulate the obligations of States Parties to protect the right to health. As the main source of international human rights law, the content of the right to health is reflected in international human rights conventions such as the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, the Convention on the Rights of the Child, the Convention on the Rights of Persons with

*Доклад отмечен дипломом 3-й степени, 18 апреля 2025 года.

Disabilities, and the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. The second category is international human rights declarations that declare the importance of protecting the right to health. As an important auxiliary material of international human rights law, the content of the right to health is reflected in United Nations human rights declarations such as the Universal Declaration of Human Rights, the Declaration on the Rights of Mentally Retarded Persons, the Declaration on the Rights of Persons with Disabilities, and the Declaration of Commitment on HIV/AIDS. The third category is general comments made by United Nations human rights treaty bodies that elaborate on the content of the right to health and the obligations of States Parties stipulated in the conventions. As another important auxiliary material of international human rights law, the content of the right to health is reflected in the opinions and recommendations of United Nations treaty bodies such as General Comments No. 14 and No. 22 of the United Nations Committee on Economic, Social and Cultural Rights, General Comments No. 3, No. 4, and No. 15 of the Committee on the Rights of the Child, and General Comments No. 15, and No. 24 of the Committee on the Elimination of Discrimination against Women.

Chapter II under the headline “China's Practice in Protecting the Right to Health” consists of 3 sections. Section 1 under the headline “Effectively reduce stillbirth rate and infant mortality rate”. This section presents that in terms of legislation at the national level, China passed the «Law of the People's Republic of China on Maternal and Infant Health Care» in 1994, which clearly stipulated the relevant work of fetal and newborn health care. Subsequently, the «Population and Family Planning Law of the People's Republic of China» was passed in 2001, emphasizing the strengthening of maternal and infant health care (Article 11), prohibiting discrimination, abuse, and abandonment of female infants (Article 22), and the state taking measures to improve the birth health level of infants (Article 30). Secondly, based on the above laws, various national departments have issued relevant normative legal documents aimed at reducing the stillbirth rate and infant mortality rate. Among them, the former Ministry of Health issued the «Maternal and Infant Health Care Special Technical Service Permit and Personnel Qualification Management Measures» in 1995, which stipulated the qualifications of personnel implementing medical measures involving fetal and infant health diagnosis; and issued the «Prenatal Diagnosis Technology Management Measures» in 2002, which made requirements for diagnostic technologies related to infant and fetal health. In addition, in 2002, the former National Family Planning Commission, the former Ministry of Health and the State Drug Administration jointly issued the «Regulations on Prohibition of Fetal Sex Identification and Sex-Selective Artificial Termination of Pregnancy for Non-Medical Needs», which clearly prohibited sex-selective artificial pregnancy. In 2001, the State Council promulgated the «Implementation Measures of the Law of the People's Republic of China on Maternal and Infant Health Care», and in its fourth chapter, a special chapter was set on infant health care. In 2018, in order to prevent and reduce maternal and infant deaths and improve the capacity of children's medical and health care services, the National Health Commission also issued the «Maternal and Infant Safety Action Plan (2018–2020)» and the «Healthy Children Action (2018–2020)». In terms of reducing infant mortality, it is mainly through the early health management of pregnant women, and the opening of green emergency channels for delivery and infants in major hospitals, the expansion of maternal and child health care projects, and the guarantee of serious illness transfer channels to save the lives of infants and young children in a timely and effective manner. At the same time, there are also measures such as strengthening supervision and management of hospitals and strict medical and nursing responsibilities. According to the State Party Report submitted by China to the United Nations Committee on the Rights of the Child, China has made significant progress in promoting breastfeeding to improve the physical health of infants, implementing the relevant goals of the United Nations Millennium Development Goals on reducing child mortality, carrying out projects to reduce maternal mortality, eliminating neonatal tetanus, and maternal and child health care projects. Secondly, in the practice of judicial relief, as early as 1993, the Supreme People's Court and the Supreme People's Procuratorate jointly issued the «Notice on Severely Punishing Criminal Activities that Undermine Family Planning in Accordance with the Law», stipulating the legal liability for arbitrarily conducting fetal sex identification for others for non-medical needs, resulting in fetal induced labor. This played an effective role in the social background of vigorously promoting «family planning» at that time, and to a large extent curbed the behavior of sex-selective induced labor, effectively reducing the stillbirth rate and infant mortality rate. In recent years, on the one hand, strict access management has been implemented for maternal and child health technical service institutions, practitioners and service technologies, and a responsibility accountability system has been established. Health administrative departments, medical and health institutions at all levels and their obstetrics and gynecology staff must be found responsible and severely dealt with if they fail to perform their statutory duties and cause threats to maternal and child health or death. On the other hand, in order to improve the relief channels for medical disputes, China has made clearer distinctions between medical accidents and

responsibilities in legislation, so as to protect the legitimate rights and interests of pregnant women and infants.

Section 2 under the headline “Actively improve environmental sanitation”. This section presents that from the legislative level, in order to prevent and control water pollution, China passed the «Water Pollution Prevention and Control Law of the People's Republic of China» as early as 1984. In order to prevent and control air pollution and other environmental hazards, the «Air Pollution Prevention and Control Law of the People's Republic of China» and the «Environmental Protection Law of the People's Republic of China» were passed in 1987 and 1989 respectively, and have undergone several revisions and improvements. After that, China passed the «Environmental Impact Assessment Law of the People's Republic of China» in 2002 and amended it for the second time in 2018 to strengthen the implementation of the sustainable development strategy and prevent adverse effects on the environment. In terms of the construction of the legal system, we actively fulfill the national obligations of improving environmental sanitation and protecting citizens' right to health. Secondly, based on the above legal norms, the State Council and various departments have issued a series of normative legal documents aimed at improving environmental sanitation. Among them, in order to create good public health conditions and prevent diseases, the State Council promulgated the «Regulations on Public Places Hygiene Management» in 1987 and revised it twice in 2016 and 2019 ; in 2010, the «Regulations on the Management of Ozone Depleting Substances» was passed, stipulating the relevant content of protecting the ozone layer and ecological environment and protecting human health; in 2002, the «Regulations on the Safety Management of Hazardous Chemicals» was passed and revised in 2011 and 2013, aiming to strengthen the safety management of all aspects of hazardous chemicals. At the same time, China established the National Climate Change and Energy Conservation and Emission Reduction Working Group in June 2007, aiming to improve the way of energy consumption, propose emission reduction management systems, and supervise emission reduction results. In addition, in order to comprehensively improve the urban atmospheric environment, China has promulgated and implemented nearly 100 motor vehicle environmental protection standards. For example, according to the «Notice of the General Office of the State Council on the Time Limit for Stopping the Production, Sale and Use of Leaded Gasoline for Vehicles», from January 1, 2000, all gasoline production enterprises in the country will stop producing leaded gasoline and switch to unleaded gasoline to completely ban leaded gasoline. In the past five years, China has promulgated and implemented regulations on prohibiting the burning of garbage, prohibiting the burning of straw in rural areas, and changing the urban and rural power generation model (garbage incineration power generation). In terms of rural environmental protection, China has invested a lot of special funds to support comprehensive environmental improvement and ecological civilization construction. In December 2018, 18 departments including the Central Rural Work Leading Group and the Ministry of Agriculture and Rural Affairs issued and implemented the «Rural Human Settlement Environment Improvement and Village Cleanliness Action Plan», which organized and carried out rural human settlement environment improvement and village cleanliness actions across the country to drive and promote the improvement of village appearance. Furthermore, in terms of the practice of national judicial organs, the Supreme People's Court and the Supreme People's Procuratorate jointly issued the «Interpretation on Several Issues Concerning the Application of Law in Handling Criminal Cases of Environmental Pollution» (hereinafter referred to as the «Interpretation») in 2016, which defined the circumstances of «serious pollution of the environment» and «particularly serious consequences» in environmental pollution cases. The «Interpretation» provides clear guidance for relevant judicial activities, which is conducive to judicial organs to provide more effective relief for citizens' right to health. In addition, the Supreme People's Court announced four typical cases of environmental pollution crimes in 2013 and ten typical cases of environmental public interest litigation in 2017. This not only reflects the high attention paid by the national judicial organs to environmental pollution cases, but also promotes the handling of similar environmental pollution cases in a more professional direction to a large extent.

Section 3 under the headline “Focus on the prevention, treatment and control of infectious diseases”. This section presents that China passed the Law of the People's Republic of China on the Prevention and Control of Infectious Diseases in 1989, revised it in 2004, and amended it in 2013, which clarified the relevant contents such as the prevention of infectious diseases, reporting, notification and publication of epidemics, epidemic control, medical treatment, supervision and management, safeguard measures and legal responsibilities. Secondly, the State Council and various departments have successively issued relevant normative legal documents aimed at preventing, treating and controlling infectious diseases. For example, the State Council passed the Regulations on Medical Waste Management in 2003 and revised it in 2011, which regulates the management of medical waste. In 2006, the Ministry of Health issued the «Regulations on the Prevention and Control of AIDS» and revised it in 2019 to prevent and control the occurrence and

spread of AIDS. In addition, the former Ministry of Health issued the «Disinfection Management Measures» in 2002 and revised it in 2017, which required strengthening disinfection management, prevention and control of the spread of infectious diseases. At the same time, the «Medical Waste Management Measures for Medical and Health Institutions» was passed in 2003, the «Management Measures for Pre-examination and Triage of Infectious Diseases in Medical Institutions» was promulgated in 2005, and the «Hospital Infection Management Measures» was passed in 2006. On the other hand, various state departments have taken specific measures and carried out special activities to prevent, treat and control infectious diseases. According to the State Party Report submitted by China to the United Nations Committee on Economic, Social and Cultural Rights, China attaches great importance to vaccination, incorporates a variety of vaccines into the national immunization plan, attaches importance to the treatment of children affected by AIDS, and formulated the «Four Frees and One Care» policy for the prevention and control of AIDS in 2004. In addition, China launched the infectious disease network direct reporting system based on infectious disease case reports and the public health emergency information reporting management system based on event reports on January 1, 2004, which improved and perfected the relevant mechanisms for the prevention and treatment of infectious diseases and public health emergencies. In addition, various regions and departments in China have successively formulated regional and departmental infectious disease prevention and control emergency plans in accordance with the «Law of the People's Republic of China on the Prevention and Control of Infectious Diseases», aiming to promptly investigate and deal with sudden health safety incidents, find out the causes of the incidents, and reduce the damage to human health, so as to comprehensively prevent, treat and control infectious diseases and protect the health rights and interests of the people.

Chapter III under the headline “China's international legal obligations under the international human rights law regarding the protection of the right to health” consists of 3 sections. Section 1 under the headline “Follow the principle of equal protection and eliminate regional and group differences in the protection of the right to health”. This section presents that as a large developing country with a large population, China has regional and group differences in the provision of medical services. On the one hand, in terms of regional differences, the medical services and emergency response capabilities in rural and remote areas are generally weak. For example, in the prevention and treatment of hepatitis B, the accessibility of preventive health care is limited, and it is difficult to increase the hepatitis B vaccination rate of newborns in western regions, remote rural areas and places where migrant populations live. On the other hand, in terms of group differences, there are large differences in the conditions in which different subjects obtain medical insurance services and enjoy national policy benefits. For example, according to the China Statistical Yearbook, as of 2019, China's rural population accounted for nearly 40% of the total population. However, in terms of medical and health resources, the average number of beds per thousand people in cities is 8.78, while the number of beds per thousand people in rural areas is only 4.81. ③ This reflects the medical insurance gap between rural and urban populations. According to the medical insurance concept of «major diseases are coordinated, and minor diseases are paid by oneself», people with minor diseases often cannot enjoy the benefits brought by the national medical insurance policy. Therefore, in terms of obtaining medical insurance services, there is a gap between «major diseases» and «minor diseases» patients in practice. At the same time, there are also disparities in the access to medical services for different age groups. For example, China currently lacks reproductive health education for different age groups, which to a certain extent leads to the lack of health education for some age groups.

Section 2 under the headline “Take full account of universality and particularity and meet the health needs of special groups in society”. This section presents that in the existing practice of protecting citizens' right to health, China has not paid enough attention to the differentiated needs of special groups for medical insurance. Special medical subjects in society include women, children, the elderly, the mentally ill and the disabled, and these people have special needs for medical care due to their own special characteristics. For example, the United Nations Special Rapporteur on the right of everyone to the enjoyment of the highest attainable standard of physical and mental health believes that the state should ensure that the elderly receive appropriate support when making relevant decisions related to health care. Although China has continuously improved the level of medical services overall, the coordination of the health needs of special groups in society still needs to be further strengthened. In addition, when it comes to the treatment and assistance of people affected by AIDS, there are still problems such as low participation. So the state should give more full consideration to the differences in the actual enjoyment of rights by different groups in legislation and life due to gender, economic status, cultural level and other reasons. In order to ensure the full realization of citizens' right to health, the health needs of special groups in society such as women, children, the elderly, the mentally ill and the disabled should be further considered and coordinated. The concept and awareness of providing special protection measures for vulnerable groups should be clarified at the legislative policy level,

and implemented in specific administrative law enforcement and other practices. In addition, we should create a social atmosphere of caring for special groups at the whole society level through strengthening publicity and education, carrying out caring activities, etc., to provide the premise and foundation for respecting, protecting and gradually realizing the health needs of special groups in society.

Section 3 under the headline “Based on international conventions, enrich and improve the path for the state to protect the right to health”. This section presents that in the current practice of protecting the right to health, there is a problem of emphasizing disease treatment, but not paying enough attention to the right to health care. In fact, protecting citizens' right to health includes multiple aspects such as disease prevention and health care. Anand Grover, the United Nations Special Rapporteur on Health, pointed out that ensuring that all health services are available, accessible, acceptable and of good quality is an important part of protecting the right to health. China has a large population base, but the existing medical resources are relatively insufficient and the medical capacity is relatively limited. In this context, China's practice of protecting the right to health needs to pay more attention to the relevant content of health care, rather than just emphasizing the treatment of diseases. According to the general comment of the United Nations Committee on Economic, Social and Cultural Rights on the right to health in Article 12 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights, in the specific practice of protecting the right to health, the priority obligations that the state should confirm include ensuring health care for childbirth, maternal (prenatal and postpartum) and children, providing education and information on major health issues to relevant communities, and providing training for health workers. To this end, China should take the Convention as a guide to further enrich and improve the methods and paths to protect the right to health. On the basis of treating diseases, it should expand the content and scope of protecting the right to health by providing maternal and child health services, carrying out publicity and education, and health knowledge training.

The conclusion of the thesis research contains the main conclusions arising from the research undertaken.

Literature

1. Meng Gaozheng. The evolution of international space law: Historical origins and development // Collection of articles of the International Conference on International Space Law «Zhukov's Space Reading», 2024. C. 389–392.
2. Meng Gaozheng. Current issues of international law in the background of deglobalization // Collection of articles of the XIII International scientific and practical conference «Globalization, deglobalization and public law», 2024. C. 226–231.
3. Meng Gaozheng. On the International Legal Regulation of Digital Currency // Collection of articles of the International Scientific Legal Forum in memory of V.K. Puchinsky. Москва, 2023. C. 782–790.
4. Мэн Гаочжэн, Ермакова Е. П. Сравнительное исследование законодательства о подсудности в гражданском процессе, связанном с внешними делами между Китаем и Россией // Юридические науки. 2023. № 8. С. 219–224.

Сравнительный анализ правового регулирования иностраннх инвестиций в странах Азии

© Д. К. Хулханова

студент 4-го курса,

Санкт-Петербургский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции

(РПА Минюста России),

Россия, г. Санкт-Петербург

dinahul@icloud.com

В рамках настоящего исследования был проведен сравнительный анализ правового регулирования иностранных инвестиций в группе стран, расположенных на азиатском континенте. В ходе исследования были рассмотрены нормативные базы, регламентирующие осуществление иностранных инвестиций, практика использования специальных экономических зон в целях привлечения капитала, а также участие государств в системе международных инвестиционных соглашений, направленных на защиту прав инвесторов. В результате проведенного анализа были выявлены общие тенденции и специфические особенности регуляторных режимов, действующих в Китайской Народной Республике, Российской Федерации, Республике Узбекистан, Республике Индия, Японии, странах-членах Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Республике Корея, Социалистической Республике Вьетнам и Королевстве Таиланд. Было установлено, что многообразие подходов к регулированию иностранных инвестиций обусловлено комплексом взаимосвязанных экономических, политических и исторических факторов, формирующих уникальную инвестиционную среду в каждом государстве.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, правовое регулирование, Азия, специальные экономические зоны, международные соглашения, инвестиционный климат.

D. K. Khulkhanova

4th year student,

St. Petersburg Institute (branch)

Federal State Budgetary Educational Institution

of Higher Education «All-Russian State University of Justice

(RPA of the Ministry of Justice of Russia)»,

Russia, St. Petersburg

dinahul@icloud.com

Within the framework of this study, a comparative analysis of the legal regulation of foreign investments in a group of countries located on the Asian continent was carried out. The study examined the regulatory frameworks governing the implementation of foreign investments, the practice of using special economic zones to attract capital, as well as the participation of States in the system of international investment agreements aimed at protecting investors' rights. As a result of the analysis, general trends and specific features of regulatory regimes operating in the People's Republic of China, the Russian Federation, the Republic of Uzbekistan, the Republic of India, Japan, the member countries of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), the Republic of Korea, the Socialist Republic of Vietnam and the Kingdom of Thailand were identified. It was found that the diversity of approaches to regulating foreign investment is due to a complex of interrelated economic, political and historical factors that form a unique investment environment in each state.

Keywords: Foreign investments, legal regulation, Asia, special economic zones, international agreements, investment climate

Правовые нормы, касающиеся зарубежных капиталовложений в азиатском регионе, существенно различаются в зависимости от государства. Эти различия обусловлены особенностями исторического развития, экономическими условиями и политической ситуацией в каждой стране, формирующие уникальный инвестиционный климат в каждом государстве. В настоящем исследовании будут рассмотрены основные правовые рамки, определяющие условия для иностранных инвестиций в различных азиатских странах, что позволит выявить общие тенденции и специфические особенности регулирования в регионе.

Нормативная база, регулирующая иностранные инвестиции в Китае, является одной из самых развитых в Азии. Она включает ряд ключевых законов, таких как Закон КНР «Об иностранных инве-

стициях», Закон КНР «О совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом», и Закон КНР «О предприятиях со 100% иностранным капиталом» [1; 5]. Эти законы определяют основные принципы и условия для осуществления инвестиционной деятельности на территории КНР. Китай активно участвует в многочисленных двусторонних и многосторонних соглашениях по защите инвестиций, что способствует укреплению доверия иностранных инвесторов и созданию стабильной правовой среды для их деятельности [3].

Россия, территория которой частично расположена в Азии, осуществляет регулирование иностранных инвестиций на основе комплексной нормативной базы. Основными законодательными актами, определяющими условия и порядок привлечения иностранных инвестиций, являются Федеральный закон «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», устанавливающий общие принципы и гарантии для иностранных инвесторов, и Федеральный закон «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение» [5].

Основным государственным органом, ответственным за выработку и реализацию политики в данной области, является Министерство экономического развития Российской Федерации. Данное министерство осуществляет разработку нормативно-правовых актов, контролирует соблюдение законодательства и взаимодействует с иностранными инвесторами [3].

Республика Узбекистан осуществляет регулирование иностранных инвестиций посредством Закона «Об иностранных инвестициях» и Закона «О инвестициях и инвестиционной деятельности», которые определяют дефиницию прямых иностранных инвестиций и устанавливают систему гарантий для инвесторов. Данные законодательные акты направлены на формирование благоприятной инвестиционной среды и обеспечение защиты прав зарубежных юридических и физических лиц, осуществляющих коммерческую деятельность на территории Республики Узбекистан.

С целью увеличения притока иностранных инвестиций, а также их удержания в своей экономической системе, Узбекистан применяет механизм создания специальных экономических зон, предоставляющих инвесторам широкий спектр льгот и упрощенные процедуры регистрации. Данная практика позволяет сформировать более привлекательные условия для иностранных компаний, заинтересованных в ведении бизнеса на территории указанного государства, за счет снижения административных барьеров и предоставления фискальных преференций.

Индия придерживается избирательного подхода к допуску иностранных инвестиций в определенные отрасли экономики. В частности, секторы обороны и сельского хозяйства подпадают под действие ограничений, обусловленных необходимостью защиты национальных интересов и обеспечения продовольственной безопасности государства. Данные ограничения отражают стратегический приоритет в поддержании суверенитета и самодостаточности в критически важных областях экономики [4].

В целях обеспечения надежной защиты иностранных инвестиций, направляемых в национальную экономику, Индия заключает двусторонние инвестиционные соглашения с широким кругом государств. Указанные соглашения, основанные на принципах взаимности и эквивалентности, направлены на формирование стабильного и предсказуемого правового режима для инвесторов, а также на обеспечение функционирования эффективных механизмов разрешения инвестиционных споров, возникающих в процессе осуществления инвестиционной деятельности.

Япония, аналогично Республике Индия, реализует селективный подход к привлечению иностранных инвестиций, предусматривающий установление регуляторных ограничений для осуществления деятельности в секторах, имеющих стратегическое значение для обеспечения национальной экономической безопасности. К числу таких секторов относятся, в частности, отрасли энергетики и транспорта, в которых иностранное участие подвергается особому контролю со стороны государства [4, с. 12].

В рамках региональной интеграции, страны Юго-Восточной Азии, объединенные в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), внедрили общий инвестиционный пакт, нацеленный на формирование унифицированного инвестиционного пространства и обеспечение защиты прав инвесторов, осуществляющих деятельность в регионе [2, с. 48]. Указанный пакт способствует гармонизации национального законодательства государств-членов АСЕАН и созданию более предсказуемой правовой среды для иностранных инвесторов, что, в свою очередь, способствует повышению инвестиционной привлекательности региона.

Значительное число стран АСЕАН используют механизм создания специальных экономических зон (СЭЗ) в качестве инструмента привлечения инвестиций, предоставляя инвесторам широкий спектр налоговых льгот, упрощенные процедуры регистрации и другие стимулы, направленные на снижение административных барьеров и повышение экономической эффективности инвестиционной деятельности.

Социалистическая Республика Вьетнам располагает специализированным законодательным актом, посвященным иностранным инвестициям. Этот закон предлагает инвесторам разнообразные стимулирующие меры и правовые гарантии при ведении бизнеса в стране [6]. В нем закреплены базовые нормы и требования к зарубежным вложениям, формируя надежную законодательную платформу для международных капиталовложений в экономику государства.

В отличие от этого, Королевство Таиланд осуществляет инвестиционное регулирование посредством сочетания общегосударственных правовых норм с избирательными преференциями для ключевых отраслей. Подобная система создает мобильную правовую среду, которая адаптируется к потребностям разных сфер хозяйственной деятельности и целенаправленно стимулирует приток зарубежных инвестиций в стратегически важные сегменты экономики [6].

Представленная ниже таблица систематизирует ключевые аспекты правового регулирования иностранных инвестиций в ряде государств и регионов азиатского континента, включая Китайскую Народную Республику, Российскую Федерацию, Республику Узбекистан, Республику Индия, Японию, страны-члены Ассоциации государств Юго-Восточной Азии, Социалистическую Республику Вьетнам и Королевство Таиланд (Табл. 1). В табличной форме представлены сведения об основных нормативных актах, регламентирующих осуществление иностранных инвестиций, практике создания и функционирования специальных экономических зон в качестве инструмента привлечения капитала, а также об участии указанных стран в системе международных инвестиционных соглашений, направленных на защиту прав инвесторов.

Таблица 1

Сравнительный анализ правового регулирования иностранных инвестиций в Азии [1–6]

Страна/Регион	Нормативная база	Специальные экономические зоны
Китай	Закон КНР «Об иностранных инвестициях»	Используются широко
Россия	Федеральный закон «Об иностранных инвестициях»	Используются широко
Узбекистан	Закон «Об иностранных инвестициях»	Используются для привлечения инвестиций
Индия	Закон об иностранных инвестициях	Нет
Япония	Общее корпоративное законодательство	Нет
АСЕАН	Общий инвестиционный пакт	Используются в странах-членах
Вьетнам	Закон об иностранных инвестициях	Используются
Таиланд	Общее законодательство	Используются

Анализ данных, представленных в таблице, позволяет сделать следующие общие выводы:

В подавляющем большинстве стран азиатского региона функционируют специализированные законодательные акты, регламентирующие порядок осуществления иностранных инвестиций и обеспечивающие правовую основу для их привлечения.

Практика формирования и использования специальных экономических зон получила широкое распространение в регионе в качестве инструмента активизации инвестиционной деятельности, что особенно характерно для Китайской Народной Республики, Республики Узбекистан и государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии.

Практически все государства вовлечены в международные договоры, направленные на защиту инвестиций, причем чаще всего такие соглашения заключаются между двумя странами. Однако Япония предпочитает многосторонние форматы, а страны АСЕАН сочетают как региональные, так и двусторонние механизмы.

Подобные различия демонстрируют разнообразие правовых моделей, регулирующих иностранные инвестиции в Азии, что, в свою очередь, обусловлено комплексом экономических, политических и исторических факторов, детерминирующих особенности формирования инвестиционного климата в каждом суверенном государстве.

Литература

1. Инвестиционное законодательство КНР. URL: <http://www.xindalilaw.com/newsitem/278092876> (дата обращения: 05.04.2025).
2. Костюнина Г. М. Внешняя торговля России со странами АСЕАН: основные тенденции развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 3. С. 43–59.
3. Международно-правовое регулирование инвестиционных отношений между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией. URL: <http://inter-legal.ru/mezhdunarodno-pravovoe>

regulirovanie-investitsionnyh-otnoshenij-mezhdu-kitajskoj-narodnoj-respublikoj-i-rossijskoj-federatsiej (дата обращения: 05.04.2025).

4. Ноздрев С.В. Внутрорегиональная торговая интеграция стран Тихоокеанской Азии: оценка возможностей // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 11. С. 7–22.

5. Сравнительный анализ инвестиционного права России и Китая. URL: https://zakon.ru/blog/2023/05/23/sravnitelnyj_analiz_investicionnogo_prava_rossii_i_kitaya (дата обращения: 05.04.2025).

6. Экономика АСЕАН: Бум инвестиций и «страны-специалисты». URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/vneshnie-rossijskie-investitsii-v-strany-asean-i-yugo-vostochnuyu-aziyu-html/> (дата обращения: 08.04.2025).

III ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АЗИИ

III CIVIL LAW PROBLEMS OF COMPARATIVE LAW IN ASIAN COUNTRIES

УДК 347.155

Сравнительное исследование прав личности в Гражданском кодексе Китая и нематериальных интересов в Гражданском кодексе России

© Гао Тяньцзы

магистрант 1-го года обучения,
Китайский университет политических наук и права,
Китай, г. Пекин
28433436682@qq.com

В процессе развития прав личности Россия сформировала свой собственный уникальный путь развития, и имеет глубокую правовую историю с нашей страной, первоначальная концепция прав личности в Китае происходит от советского периода «личные неимущественные, права неотделимые от личности». В последние годы общественное сознание в отношении защиты прав личности стало более изощренным с созданием отдельного раздела о правах личности в Гражданском кодексе Китая, с другой стороны, в российском гражданском законодательстве нематериальные блага были творчески размещены в части общих положений закона, относящихся к объекту гражданских прав, что создало совершенно новую модель законодательной регламентации прав личности. Эти два различных образа законодательства о правах личности вызвали нашу озабоченность и размышления.

Ключевые слова: сравнительное исследование, личные неимущественные права, нематериальные блага.

Gao Tianzi

Master's student of the 1st year,
China University of Political Science and Law,
China, Beijing
28433436682@qq.com

In the process of the development of individual rights, Russia has formed its own unique development path, and has a deep legal history with our country, the original concept of individual rights in China comes from the Soviet period 'personal non-property, rights inseparable from the individual'. In recent years, the public consciousness on the protection of personality rights has become more sophisticated with the establishment of a separate section on personality rights in the Chinese Civil Code, on the other hand, in the Russian civil law, intangible goods have been creatively placed in the part of the general provisions of the law relating to the object of civil rights, which has created a completely new model of the legislative regulation of personality rights. These two different images of personal rights legislation have caused our concern and reflection.

Keywords: comparative study, personal non-property rights, non-material benefits.

Развитие системы прав личности в Китае было непростым: от подготовительной работы над проектом гражданского закона, до конкретных положений о правах личности в Общих принципах гражданского права Китайской Народной Республики, и самостоятельного разделения прав личности в Гражданском кодексе сегодня, роль прав личности в системе гражданских прав становится все более заметной, образуя систему прав, противопоставленную имущественному праву. Согласно ст. 990 раздела IV Гражданского кодекса КНР, «права личности — это права субъектов гражданского оборота на жизнь, тело, здоровье, имя, репутацию, честь, неприкосновенность частной жизни и т.д.». Помимо указанных прав, «помимо прав личности, предусмотренных предыдущим пунктом, физические лица обладают иными правами и интересами личности, основанными на личной свободе и человеческом достоинстве». Это положение, которое является восходящим, оставляет возможность для интерпретации новых интересов личности, которые должны быть добавлены, но еще не определены, что в полной мере отражает зрелость и совершенство законодательной системы Китая. В то же время, самостоятельность права на личность в еще большей степени стимулирует наше мышление о системе

защиты прав личности. Лян Хуэйсинь как представитель профессорского сообщества, выступает против акта самостоятельности в акт, так как полагает, что это отделит право личности от сущности самой личности, создаст разницу между правом личности и другими гражданскими правами, но многие люди согласны с данной инициативой, которая не только помогает реализовать основные принципы конституции о защите человеческого достоинства, но и восполняет традиционные недостатки «акцент на вещи, а не на людей» в системе романо-германской правовой семьи. Вопрос о том, можно ли выделить право личности в отдельный кодекс, бурно обсуждается экспертами и учеными в стране и за рубежом.

В российской правовой системе «неимущественные блага» первоначально назывались «правами личности», а затем «личные неимущественные права», в целом их можно приравнять позиции в китайской системе прав личности. Две основные характеристики нематериальных благ — неимущественность и строгая индивидуальность, и поэтому исключается возможность придания им товарного характера. В отличие от законодательной модели Гражданского кодекса Китая, Гражданский кодекс России [14] помещает часть права личности, т.е. нематериальные блага, в систему объектов гражданских прав. Несмотря на отсутствие полного текста о правах личности, глава «Нематериальные блага и их защита» в главе «Объекты гражданских прав» исчерпывающе устанавливает, что «Жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом». В российском Гражданском кодексе в качестве объекта гражданских прав выступают неимущественные блага, что отражает защиту прав личности в Гражданском кодексе, поддерживает позицию и тон гуманизма, демонстрирует совершенствование механизма корректировки в российском гражданском праве.

Две различные модели законодательства о правах личности в Китае и России привели либо к схожим, либо к различным нормам защиты прав личности. Исходя из этого, в данной статье проведен сравнительный анализ части прав личности в Гражданском кодексе Китая и России. На примере права на забвение данная работа позволит глубже понять различия и общие черты двух стран в области защиты прав личности, а также высказать новые мысли по развитию и совершенствованию системы прав личности в Китае.

С быстрым развитием информационных технологий защита личной информации стала глобальной проблемой. С помощью машин создается и распространяется огромное количество информации, и большая ее часть затрагивает личную жизнь и даже вопросы чести и достоинства личности. Что еще более важно, личная информация, распространяемая машиной, будет навсегда записана компьютером, что серьезно повлияет на нормальную жизнь и психическое здоровье субъекта информации, что приведет к вторичному ущербу. Поэтому в отношении того, что нам лично нужно забыть, машине тоже нужно забыть, и появилось право на забвение.

Профессор Ян Лисинь определяет право на забвение как, право субъекта информации попросить контролера информации удалить любую неуместную или устаревшую информацию о нем, которая была размещена в Интернете и дальнейшее сохранение которой приведет к снижению социальной оценки субъекта. Россия является одной из стран, после Европейского союза, которые быстро отреагировали на защиту и удаление персональной информации в условиях кризиса персональной информации, возникшего в эпоху данных. Российское законодательство, приняв за основу Международный пакт ООН о гражданских и политических правах, а также окончательное решение Суда Европейского Союза (CJEU) по делу «Гонсалес против Google», в течение двух месяцев оперативно приняло соответствующие законы. Федеральное правительство представило Федеральный закон № 264 «О внесении изменений в закон, об информации, информационных технологиях и о защите информации» и в ст. 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», который также называют законом о «праве на забвение», что является достаточным свидетельством важности сферы информационной безопасности в России. В соответствии с законом «О праве на забвение», граждане России имеют право подать запрос в поисковые системы России или за рубежом на удаление ссылок на недостоверную или неактуальную информацию о себе, чтобы их информация была забыта общественностью. Данное право, четко определяющее и регламентирующее предмет правоотношений, срок подачи заявления и форму подачи просьбы, определяется как «право человека», которое представляет собой привилегию, предоставляемую гражданам в плане защиты нематериальных интересов, таких как личная честь, достоинство и авторитет. Это означает, что Конституция выступает за

«особую модель защиты прав», основанную на примате таких специфических качеств личности, как честь, достоинство и репутация.

В то же время в своей законотворческой деятельности в отношении права на забвение Государственная Дума РФ приняла многогранную законодательную модель, то есть наличие права на забвение в смысле Гражданского кодекса и права на забвение в смысле Закона об информации, а принятие дуалистической законодательной модели Гражданского кодекса и Одного закона, в котором признается право на забвение. Цель права на забвение — обеспечить всестороннюю защиту нематериальных интересов граждан, таких как их честь, репутация, деловая репутация, образ и информация о частной жизни, и создать систему гарантий, синергичную и дополняющую материальное и процессуальное право, с тем, чтобы обеспечить права и интересы граждан на комплексной основе.

Хотя Гражданский кодекс Китайской Народной Республики, вступивший в силу 1 января 2021 г., не признает право на личную информацию в качестве юридического права, а в действующих законах Китая нет положений о праве на забвение, китайское законодательство о праве на забвение отстает от российского по эффективности и прогрессу. Однако с обретением самостоятельности прав личности защита личной информации была включена и в контекст современного стремительного развития больших данных, ценность защиты личной информации не вызывает сомнений, и многие эксперты и ученые положительно относятся к локализации права на забвение, а законодательные потребности должны быть удовлетворены. Конечно, в существующих правовых нормах есть ряд соответствующих положений о защите права на личную информацию, и многие эксперты и ученые отмечают, что существующие положения полностью воплотили в себе правовой дух права на забвение. Например, Закон о защите личной информации (《个人信息保护法》), который вступит в силу в 2021 г., содержит содержание «права на удаление»; Гражданский кодекс Китайской Народной Республики также предусматривает, что правообладатели имеют право требовать удаления сетевой информации, ущемляющей их интересы, что в определенной степени подтверждает содержание права на забвение. Многие интернет-операторы также постепенно предоставляют услуги в соответствии с содержанием «права на забвение», обеспечивая определенную степень защиты прав личности интернет-пользователей.

Несмотря на то, что Гражданский кодекс предоставляет физическим лицам право требовать удаления информации в случае нарушения закона и взаимного соглашения со стороны контроллера информации, а также право требовать исправления информации в случае ошибки, право на удаление в данном случае ограничено законом и взаимным соглашением и более предметно отличается от права на забвение, которое проявляется в удалении, что предусмотрено в российском Гражданском кодексе, хотя и является в некоторой степени однородным. Таким образом, в ходе постепенного законодательного процесса все слои общества постепенно осознают объективную важность права на забвение, и законодательная работа над правом на забвение должна быть ускорена в стремлении реализовать защиту от посягательств на личную информацию китайских граждан в Интернете на законодательном уровне.

По сравнению с Россией, которая быстро завершила разработку законодательства о праве на забвение, Китай более осторожно подходит к процессу законодательного закрепления права на забвение, и соответствующая работа все еще находится на стадии обсуждения. Диверсифицированная законодательная модель России является полезным ориентиром для законодательной работы Китая в области права на забвение. В будущем Китаю следует исходить из собственных национальных условий, изучать законодательный опыт других стран, преодолевать доктринальные и институциональные барьеры на пути переноса законов и содействовать локализации права на забвение, чтобы лучше защитить права личности субъекта информации и исправить численные несправедливости, вызванные прошлым опытом.

Начиная с 1920-х гг. советская юриспруденция оказывала влияние на китайское законодательство, которое достигло своего пика в 1950-х гг. Соответствующие положения Советского Союза о личных неимущественных правах послужили определенным ориентиром для создания системы прав личности в Китае в ранний период становления КНР. С момента распада СССР и возникновения РФ Россия трижды проходила через процесс кодификации гражданского законодательства, постоянно оптимизируя и совершенствуя систему прав личности. В настоящее время в Гражданском кодексе Российской Федерации содержание прав личности помещено в объект гражданских прав, что нарушает традиционное представление о том, что права личности относятся только к сфере предметной системы, нарушает традиционное представление о неразрывности прав личности и личности, помещает нематериальные блага и их защиту в объект гражданских прав, делает объем защиты конкретных интересов более четким и осуществимым через перечисление защищаемых прав и инте-

ресов личности. Эта инновационная законодательная модель послужила основой и вдохновением для независимой компиляции прав личности в Китае, побудив соответствующих экспертов в области законодательства и общественность задуматься о защите гражданских прав, таких как права личности, права идентификации и сетевая виртуальная собственность.

Гражданские правоотношения состоят из трех элементов — субъекта, объекта и содержания — и являются основой для общих норм гражданского права, закрепленных в Общих положениях Гражданского кодекса, а объект гражданских прав — это предмет, на который совместно направлены гражданские права и гражданские обязанности субъектов гражданского оборота. В действующем Гражданском кодексе Китайской Народной Республики объект гражданских прав предусмотрен для имущественных прав, прав требования, прав интеллектуальной собственности и наследственных прав, в то время как для прав личности, прав идентификации и виртуальной собственности в Интернете объект прав четко не определен. В третьем подразделе Общей части Гражданского кодекса РФ приводится полный перечень объектов гражданских прав, включая вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права), нематериальные блага и другие. Виды объектов гражданских прав всесторонне закреплены в четких правовых нормах, наиболее ценным из которых является отнесение интересов личности к объектам гражданских прав, что демонстрирует гуманистический тон и служит важным ориентиром для современного направления корректировки законодательства Китая.

Помимо различий в законодательной модели кодификации прав личности между Китаем и Россией, Китай и Россия имеют разные способы защиты прав личности, при этом в Гражданском кодексе Китая права личности защищаются в основном с помощью деликтной ответственности. Закон о деликтной ответственности, являясь важным инструментом защиты гражданских прав, может эффективно наказывать деликтное поведение и защищать права личности, однако неизбежно могут возникать проблемы, например, пренебрежение профилактикой и защитой прав личности. С другой стороны, Гражданский кодекс РФ защищает нематериальные интересы через ряд отраслевых законов, таких как конституционное право, уголовное право, административное право, семейное право и т. д. Нематериальные интересы как фундаментальное право граждан лучше защищать путем комплексного регулирования и защиты через ряд отраслевых законов, что позволит лучше защитить личные права граждан и предотвратить нарушение прав.

Конечно, между положениями китайского и российского гражданских кодексов о правах личности также есть много общего, например, и китайский Гражданский кодекс, и российский Гражданский кодекс рассматривают человеческое достоинство и личную свободу как важнейшие ценности, к которым следует стремиться, и защищают человеческое достоинство и личную свободу граждан путем предоставления прав личности и нематериальных интересов, преследуя схожие законодательные цели; в конкретных правах личности не только уточняется защита прав личности, таких как право на личность, право на честь, право на здоровье и другие права, но и предусматривается новое положение для последующего добавления других положений, что отражает научный характер их законодательства. Кроме того, обе страны уделяют внимание защите новых видов интересов личности. С течением времени и развитием сетевого информационного века продолжают появляться новые виды интересов личности, и основополагающие положения также обеспечивают соответствующую правовую основу для защиты новых интересов личности.

Право личности развивалось на протяжении тысячелетий, а в последние столетия привлекает к себе все большее внимание в связи с постоянным стремлением граждан к соблюдению прав личности и их глубокой потребностью в равенстве личности. В последнее время это требование стимулировало постоянное совершенствование прав личности, и они постепенно достигли зрелости. Будучи важной частью гражданских прав, права личности не только касаются достоинства и свободы человека, но и являются важным символом правового государства и цивилизации в современном обществе. Китай и Российская Федерация, являясь крупными странами со значительным международным влиянием, не только отражают уровень развития правового государства в своих странах, но и оказывают важное влияние на защиту международных прав человека с точки зрения построения и механизма защиты системы прав личности. При сравнительном исследовании мы можем увидеть в Гражданском кодексе РФ более полное определение объекта гражданских прав, включение нематериальных благ в число объектов гражданских прав, полное отражение различий между правами личности и имущественными правами, подчеркивание самостоятельности и значимости прав личности, выделение логики правоотношений, оформление законодательной иерархии.

Исходя из разных исторических и культурных предпосылок и процесса правового развития, Китай и Россия в Гражданском кодексе выбрали разные режимы законодательства и защиты прав личности, в которых есть либо одинаковые, либо разные конкретные положения; сравнительное исследование позволяет лучше увидеть преимущества и недостатки разных законодательных режимов, а также полезно для развития последующего законодательства, в том числе с целью отсылок на положительный опыт и практику.

Литература

1. Белова В. А. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики: в 2 томах / ответственный редактор В. А. Белов. 2-е изд, стер. Москва: Юрайт, 2025. Т. 2. С. 525.
2. Андреев В. К. Существо нематериальных благ и их защита // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 27–32.
3. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. 2-е изд., испр. и доп. Москва: МЗ Пресс, 2001. 244 с.
4. 姚希铨. 俄罗斯人身非财产权制度研究[D]. 中国政法大学.
5. 张建文. 俄罗斯联邦民法典现代化中的非物质利益制度变革[J]. 学术交流, 2016, (09): 66–71.
6. 杨立新: 民法新思维[M]. 北京: 中国法制出版社. 2015.
7. 黄道秀译: 《俄罗斯联邦民法典》, 北京大学出版社 2007 年版.
8. 黄道秀等译: 《俄罗斯联邦民法典》, 中国大百科全书出版社 1999 年版.
9. 黄道秀译: 《俄罗斯联邦民法典》, 中国民主法制出版社 2020 年版.
10. 范莉萍、马海群: 《俄罗斯被遗忘权立法现状及对我国的启示》, 载《黑龙江工程学院学报》2018 年第5期.
11. 范文文. 被遗忘权本土化研究[D]. 扬州大学, 2024.
12. 杨立新: 民事权利客体: 民法典规定的时隐时现与理论完善[J]. 清华法学, 2022, 16(03): 20–39.
13. 王利明: 《民法总则》(第2版), 中国人民大学出版社 2020 年版, 第 87 页.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон [от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

Различия и особенности сделок по законодательству Китая и России

© Ли Ванли

магистрант 2-го года обучения,
Забайкальский государственный университет
Россия, г. Чита
liwanli6000@163.com

Статья анализирует различия и сходства в правовом регулировании сделок в гражданских законодательствах России и Китая, с акцентом на проблемы, возникающие при внешней торговле. Рассматривается влияние германской правовой традиции на обе системы, а также влияние китайских философских учений и советской юридической школы. Обсуждается необходимость гармонизации норм, регулирующих основания недействительности сделок, для укрепления правовой стабильности в международных отношениях и улучшения торговых связей между странами.

Ключевые слова: Китай, Россия, правовая система, гармонизация норм, недействительность сделок, международные отношения.

Li Wanli

2nd year Master's student,
Transbaikal State University
Russia, Chita
liwanli6000@163.com

The article analyzes the differences and similarities in the legal regulation of transactions in the civil laws of Russia and China, with an emphasis on the problems arising in foreign trade. The influence of the German legal tradition on both systems is considered, as well as the influence of Chinese philosophical teachings and the Soviet law school. The need to harmonize the rules governing the grounds for the invalidity of transactions is discussed in order to strengthen legal stability in international relations and improve trade relations between countries.

Keywords: China, Russia, legal system, harmonization of norms, invalidity of transactions, international relations.

Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности, в частности внешнеторговых сделок, на сегодняшний день представляет собой область, которая требует углубленного и всестороннего анализа. Существующие различия в гражданском законодательстве стран, взаимодействующих в торговой сфере, порождают проблемы, связанные с разрешением споров о недействительности сделок. В силу этого, для эффективного разрешения данных вопросов необходимо провести тщательное нормативное сравнение гражданских кодексов стран — участников внешнеэкономической деятельности. Такое сравнение позволит не только выявить основные различия, но и предложить пути гармонизации норм, регулирующих основания недействительности сделок, что в свою очередь будет способствовать укреплению правовой стабильности в международных коммерческих отношениях.

Одним из важнейших аспектов гармонизации является обеспечение согласованности норм, касающихся недействительности сделок. Эту согласованность можно достичь путем выработки общих правовых подходов, что способствует не только повышению предсказуемости правовых последствий сделок, но и созданию устойчивых и прозрачных условий для ведения бизнеса между странами. В частности, это важно для повышения доверия сторон и выстраивания отношений с зарубежными партнерами на основе добросовестности и честности.

Развитие торговых связей между Россией и Китаем в условиях глобализации и углубляющейся интеграции мировых рынков требует особого внимания к особенностям правового регулирования сделок между этими странами. Для эффективного гражданско-правового взаимодействия контрагентов из России и Китая важнейшей задачей становится сближение подходов в правовом регулировании сделок, что позволит не только устранить потенциальные юридические препятствия, но и ускорить процесс заключения и исполнения внешнеторговых контрактов.

Для более глубокого понимания правового регулирования сделок в этих странах необходим детальный анализ китайского и российского гражданского законодательства, а именно — сравнительный разбор ключевых институтов гражданского права, таких как договорное регулирование, основания для признания сделок недействительными, а также механизмы разрешения споров. Такой подход позволит не только выявить юридические сходства и различия, но и предложить возможные пути

гармонизации, направленные на развитие взаимовыгодных и долгосрочных торговых отношений между Россией и Китаем.

Правовая система Китайской Народной Республики (КНР) представляет собой пример дальневосточной правовой традиции, которая исторически была глубоко укоренена в философских учениях даосизма, конфуцианства и легизма. Эти философские течения определяли основы правопонимания в традиционном китайском обществе, придавая особое значение гармонии и моральным нормам в правовом регулировании. Однако с развитием Китая как мирового экономического и политического игрока, его правовая система претерпела значительные изменения, став смешанной и интегрировав элементы романо-германской правовой системы, а также идеологию «китайского социализма». При этом Китай продолжает уважать свои традиции, что отражается в законодательной практике.

Особенностью китайской правовой системы является глубокое влияние советской юридической науки на ее развитие, что сказалось на формировании структуры законодательства, особенно в отношении гражданского права. Это влияние проявляется в таких элементах, как формирование правовых норм, структура нормативных актов и подходы к правовому регулированию. В частности, теории гражданского права, заимствованные из зарубежной правовой практики, стали важным элементом современной китайской юриспруденции.

Важнейшим этапом в развитии гражданского права в КНР стало принятие Гражданского кодекса КНР, который регулирует гражданские правоотношения и устанавливает правовые нормы, применяемые в различных сферах гражданского оборота.

Для отечественных исследователей этот кодекс является понятным и знакомым, поскольку в структуре его разделов можно выделить явное влияние Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) [1], Гражданского кодекса РСФСР 1964 г., а также германского и французского правовых систем. Эти сходства, особенно в части структуры и принципов гражданского регулирования, свидетельствуют о значительном германском влиянии на китайское гражданское законодательство.

Особое внимание стоит уделить тому, как советская правовая школа, с ее акцентом на централизованное регулирование и дисциплинированность правовых институтов, оставила свой след в китайском праве. Это помогает глубже понять сущность правового регулирования сделок в Китае, а также ключевые термины и подходы, которые активно используются в китайской юридической практике.

В условиях глобализации экономических связей и необходимости гармонизации правовых норм для эффективного регулирования международных экономических отношений, синхронизация правовых систем становится особенно важной. Указ Президента Российской Федерации «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» [2] акцентировал внимание на необходимости сближения положений Гражданского кодекса РФ с нормами права Европейского союза, что отражает стремление России интегрироваться в международное правовое сообщество.

Однако с учетом усиления двусторонних связей и активного роста взаимной торговли между Россией и Китаем, необходимость сближения правового регулирования гражданского законодательства этих стран приобретает особое значение. Это касается ряда ключевых вопросов, включая общие положения о сделках, процедуры их заключения, исполнения, расторжения, а также вопросы признания сделок недействительными.

28 мая 2020 г. третья сессия Всекитайского собрания народных представителей тринадцатого созыва одобрила принятие Гражданского кодекса Китая (ГК КНР), который вступил в силу 1 января 2021 г. Это был первый в истории Китая гражданский кодекс, созданный путем систематической интеграции, компиляции и пересмотра действующих норм частного права.

Законодательная реформа позволила эффективно синхронизировать и кодифицировать уже существующие положения, что создало основу для единообразного регулирования гражданских правоотношений на всей территории Китая. Многие положения, включенные в ГК КНР, были заимствованы из ранее действовавших нормативных актов, таких как «Общие положения гражданского права» 1986 года, «Общая часть гражданского права» 2017 г., а также законы о вещных правах, браке, усыновлении, наследовании и деликтной ответственности.

Помимо этого, Гражданский кодекс Китая был дополнен судебными толкованиями, которые уточняют и развивают нормы, отражающие текущую юридическую практику [3, с. 61].

Анализ Гражданского кодекса Китайской Народной Республики (ГК КНР) позволяет утверждать, что на его структуру оказало значительное влияние германское законодательство. Сравнительно-правовой анализ гражданского законодательства России и Китая выявляет несколько существенных отличий в подходах к регулированию обязательств. Одним из таких отличий является отсутствие в китайском праве деления сделок на ничтожные и оспоримые, что имеет место в российской правовой системе.

Подход к регулированию сделок в КНР и России имеет общие корни, поскольку оба законодательства заимствовали теоретические разработки немецких пандектистов XIX века. Это сходство прослеживается в общей структуре и подходах к правовому регулированию сделок, что обуславливает схожие принципы в установлении условий и последствий недействительности сделок.

Китай же не только заимствовал успешные зарубежные подходы, но и адаптировал их с учетом уникальных традиций и потребностей своей страны. Это позволило создать гибкую и эффективно функционирующую систему регулирования сделок, которая сочетает в себе элементы западной правовой мысли и особенности китайской правовой культуры. В этом контексте, можно говорить о том, что Гражданский кодекс Китая является результатом синтеза как традиционного правового наследия, так и современных юридических тенденций, что придает ему уникальность и специфику.

Законодательство Китая и России имеет значительные различия в регулировании сделок, несмотря на общие элементы правовых систем. Китайская правовая система ориентирована на социалистическое законодательство, что придает государству доминирующую роль в регулировании гражданских правоотношений. В свою очередь, российская система основывается на принципах гражданского права, акцентируя внимание на свободе договора и частной инициативе сторон [4, с. 496].

Проведенный анализ позволяет заключить, что эффективное правовое регулирование внешнеэкономических сделок между Россией и Китаем требует согласования ключевых гражданско-правовых подходов, особенно в части признания недействительности сделок. Несмотря на существующие культурно-исторические различия, правовые системы обеих стран демонстрируют значительное влияние германской юридической традиции, что создает потенциал для правовой гармонизации. Гражданский кодекс КНР, вобравший в себя как элементы советской и западноевропейской правовых систем, так и национальные правовые особенности, представляет собой удачную модель синтеза, применимую в условиях глобализирующегося рынка. Сближение законодательных положений России и Китая в этой сфере способствует формированию устойчивой правовой базы для развития взаимной торговли и укрепления доверия между деловыми партнерами.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон [от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: указ Президента РФ [от 18.07.2008 № 1108(с посл. изм. и доп.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 29(1). Ст. 3482.
3. Жильцова Л. А. Сравнительно-правовой анализ недействительности сделок на примере законодательства России, Германии и Китая // Закон и общество: история, проблемы, перспективы: материалы XXVI Межвузовской международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной 70-летию Красноярского ГАУ (Красноярск, 21–22 апреля 2022 г.). Красноярск: Изд-во Красноярского гос. аграрного ун-та, 2022. С. 495–498.
4. Семенов В. В. Сделки по законодательству Китая и России: общее и особенное // Юрист. 2024. № 9. С. 61–66.

Сравнительно-правовой анализ авторского права: Российская Федерация и Китай

© П. А. Мосунова

магистрант 1-го года обучения,
Юридический институт
Красноярского государственного
аграрного университета
Россия, г. Красноярск
polya.mosunova.02@mail.ru

В статье рассматривается сравнительно-правовой опыт на Российском и Китайском уровне, а также выявляются сходства и различия в законодательстве, складывающиеся в сфере авторского права, главной задачей которых является создание результативного механизма предотвращения и пресечения незаконного использования объектов авторского права. Как и в Российской Федерации, так и в Китае авторское право содержит специализирующие, а также своеобразные особенности, отличающие его от других институтов. В условиях глобализации и цифрового развития сравнительно-правовой анализ приобретает особую значимость и актуальность.

Ключевые слова: авторское право, Российская Федерация, Китай, сравнительно-правовой анализ, интеллектуальная собственность, защита авторских прав, Гражданский кодекс.

P. A. Mosunova

1st year master's student,
Law Institute
Krasnoyarsk State Agrarian University
Russia, Krasnoyarsk
polya.mosunova.02@mail.ru

The article examines the comparative legal experience at the Russian and Chinese levels, as well as identifies similarities and differences in legislation in the field of copyright, the main task of which is to create an effective mechanism to prevent and suppress the illegal use of copyright objects. Both in the Russian Federation and in China, copyright contains specializations, as well as peculiar features that distinguish it from other institutions. In the context of globalization and digital development, comparative legal analysis is becoming particularly important and relevant.

Keywords: copyright, Russian Federation, China, comparative legal analysis, intellectual property, copyright protection, Civil code.

Современная система охраны авторских прав на международном уровне представляет собой комплексный механизм, базирующийся на многосторонних договоренностях. Знание её основ необходимо не только создателям произведений, но и всем участникам творческого процесса, особенно в эпоху цифровых технологий и глобализации экономических отношений. Центральное место в этой системе занимает Бернская конвенция [2], закрепляющая унифицированные принципы защиты авторских прав в странах-участницах. Данный международный акт обеспечивает правовую охрану литературных, художественных и научных работ, гарантируя создателям базовый уровень защиты их интересов. В условиях цифровой реальности, где технологии позволяют мгновенно копировать и распространять контент, соблюдение международных стандартов в области авторского права приобретает особую значимость. Это создает основу для предотвращения нарушений и справедливого вознаграждения авторов.

В Российской Федерации вопросы авторского права регламентируются частью четвертой Гражданского кодекса. основополагающие принципы включают: автоматическую охрану произведения с момента его создания без необходимости регистрации; исключительные права автора на контроль использования работы (воспроизведение, публичный показ, распространение и др.); срок защиты — 70 лет после смерти создателя [3]. Таким образом, понимание международных и национальных норм авторского права позволяет эффективно защищать творческие результаты и регулировать их правомерное использование. Согласно ст. 1259 ГК РФ, к объектам авторских прав относятся: литературные, драматические и музыкальные произведения; художественные и аудиовизуальные работы; архитектурные и дизайнерские проекты; фотографии и картографические материалы; программное обеспечение и базы данных; производные и составные работы. При этом официальные документы, государственная символика, фольклор, а также идеи, методы и концепции не подлежат правовой охране.

В соответствии со ст. 1257 ГК РФ, автором признается гражданин, творческим трудом которого создано произведение. Лицо, указанное в качестве автора на оригинале или экземпляре работы, считается её создателем, пока не доказано обратное. Российское законодательство исходит из принципа, что первоначальным автором может быть только физическое лицо (п. 3 ст. 1228 ГК РФ) [4]. Исключительное право возникает в силу факта творческой деятельности без дополнительных формальностей. Из этого правила существуют исключения. Например, согласно п. 2 ст. 1295 ГК РФ, если произведение создано в рамках трудовых обязанностей (служебное произведение), исключительные права принадлежат работодателю, если договором не предусмотрено иное. Это обусловлено тем, что сотрудник действует в рамках служебного задания, а организация несет связанные с этим риски.

Служебным признается результат интеллектуальной деятельности, созданный в процессе выполнения трудовых функций. Типичный пример — работа журналиста, создающего материалы для СМИ по трудовому договору. В этом случае подготовленные им статьи автоматически становятся служебными произведениями.

Особенностью служебных произведений является то, что исключительные права обычно принадлежат работодателю (если не согласовано иное). Автор сохраняет личные неимущественные права (авторство, имя), но коммерческое использование (публикация, распространение) осуществляет организация.

Важно отметить, что заработная плата сотрудника включает компенсацию за создание таких произведений, если не предусмотрены дополнительные выплаты. Таким образом, служебные произведения представляют особую категорию объектов авторского права на пересечении трудовых и интеллектуальных отношений.

Согласно п. 3 ст. 1228 и п. 2 ст. 1295 ГК РФ, имущественные права изначально возникают у автора, но затем автоматически переходят к работодателю для служебных произведений. Это означает, что работодатель приобретает права сразу после создания произведения в рамках трудовых обязанностей. Данное положение подчеркивает важность четкого определения условий создания произведений в трудовых отношениях.

В договорах могут предусматриваться особые условия относительно прав на результаты интеллектуальной деятельности. Этот механизм призван защитить интересы работодателя, обеспечивая контроль над созданными результатами. При этом автор всегда признается создателем произведения и может сохранять определенные моральные права.

Рассматривая китайское законодательство, следует отметить, что система защиты интеллектуальной собственности в КНР начала формироваться с 1980 г. после присоединения к ключевым международным конвенциям. Закон КНР «Об авторском праве» [6] был принят 26 февраля 2010 г. и действует по настоящее время. В России же соответствующие нормы сейчас содержатся в части четвертой ГК РФ.

В Китае объектами охраны являются литературные, музыкальные, театральные произведения, изобразительное искусство, фотографии, аудиовизуальные работы, графические и проектные разработки, включая ПО. Как и в России, не охраняются официальные документы, новости, идеи. Особенностью является особый статус каллиграфии как культурного наследия.

Основные принципы китайского законодательства включают: автоматическое возникновение прав с возможностью добровольной регистрации; срок охраны — жизнь автора плюс 50 лет после смерти (исчисляется с 1 января следующего года).

Китайский закон закрепляет как имущественные, так и личные неимущественные права авторов, включая право на обнародование, авторство, внесение изменений и защиту от искажений. Правообладателями могут быть как физические, так и юридические лица.

В КНР и РФ авторские права переходят по наследству. В Китае это регулируется Законом «Об авторском праве» и «О наследовании». Исключительные права переходят наследникам на установленный срок охраны.

Пример из судебной практики: в 2020 г. Disney подало иск против китайской анимационной студии за копирование персонажей из «Тачек». Шанхайский суд удовлетворил иск, взыскав 1,9 млн юаней, и указал, что даже стилизация под известных персонажей может считаться нарушением.

При реорганизации юридического лица-правообладателя права переходят к правопреемнику. При отсутствии правопреемника — к государству, что предотвращает переход в общественное достояние до истечения срока охраны.

В России переход прав по наследству регулируется ГК РФ. Автор может назначить представителя для охраны своих прав после смерти. Наследники могут распоряжаться исключительными правами в течение 70 лет после смерти автора.

Для служебных произведений срок охраны — 50 лет с момента обнародования. Если произведение не опубликовано за 50 лет с создания, оно переходит в общественное достояние.

Для аудиовизуальных произведений срок — 50 лет с момента обнародования (до 31 декабря 50 г.).

В Китае меры ответственности за нарушение авторских прав включают: прекращение нарушений; устранение последствий; извинения; компенсацию ущерба [8]. В России — возмещение убытков, компенсацию, взыскание морального вреда.

Нарушения включают плагиат, пиратство, незаконное использование товарных знаков. В России предусмотрена гражданская, административная и уголовная ответственность (ст. 146 УК РФ).

В Китае за плагиат предусмотрены: прекращение использования, публичные извинения, компенсация (до 5 млн юаней ≈ 50 млн руб.). В особо тяжких случаях — уголовная ответственность (до 7 лет лишения свободы).

Современные технологии (RFID, блокчейн) усложняют борьбу с контрафактом, но и ограничивают доступ к легальному контенту. Международное движение за либерализацию авторского права предлагает пересмотр сроков охраны, легализацию некоммерческого обмена.

Особые дискуссии вызывает ст. 146 УК РФ, которую критикуют за избыточную жесткость. Необходим баланс между интересами правообладателей, общества и технологическими возможностями.

Несмотря на различия, в России и Китае наблюдаются схожие тенденции: усиление борьбы с пиратством, интеграция в международную систему защиты ИС. Для решения проблем требуется совершенствование правовой базы и поддержка правообладателей.

Литература

1. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.
2. Конституция Российской Федерации: основной закон [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с посл. изм. и доп.)]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон [от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон [от 18.12.2006 № 231-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. N 52 (1 ч.). Ст. 5497.
5. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда РФ от 23.04.2019 № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7. июль.
6. Закон КНР «Об авторском праве». URL: https://chinalawinfo.ru/civil_law/law_copyright (дата обращения: 11.04.2025).
7. Лебедева Д. М. Сравнительно-правовой анализ гражданско-правового регулирования авторского права России и КНР. Меры ответственности, предусмотренные за нарушение авторских прав // Форум молодых ученых. 2018. № 5-2(21). С. 417–421.
8. Моргунова Е. А. Авторские права по российскому законодательству и законодательству Китая // Юридическая наука в Китае и России. 2024. № 7. С. 120–125.
9. Петров А. А. Новые системы контроля и мониторинга // Социальные новации и социальные науки. 2020. С. 141–128. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-sistemy-kontrolya-i-monitoringa/viewer> (дата обращения: 11.04.2025).
10. Степаненко В. В. Сравнительно-правовая характеристика персонажа как объекта авторских прав в России, США и Китае // Теория и практика общественного развития. 2025. № 3. С. 161–167. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelno-pravovaya-harakteristika-personazha-kak-obekta-avtorskih-prav-v-rossii-ssha-i-kitae/viewer> (дата обращения: 11.04.2025).
11. Ткачева Е. А. Защита интеллектуальных прав при реализации товаров на цифровых платформах в России и Китае // Вопросы российской юстиции. 2025. № 35. С. 266–284. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-intellektualnyh-prav-pri-realizatsii-tovarov-na-tsifrovyyh-platformah-v-rossii-i-kitae/viewer> (дата обращения: 11.04.2025).
12. Чумаченко И. Н. Юрисдикционный способ защиты авторских прав в России и за рубежом как особый способ защиты авторских прав // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 92–94.
13. Щербак Н. В. Право интеллектуальной собственности: общее учение. Авторское право и смежные права: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2025. 342 с.
14. WIPO Report on Global Intellectual Property Indicators 2022. Geneva, 2022.

Сравнительно-правовое исследование договора дарения по российскому и китайскому гражданскому праву

© Д. А. Тарасенко

студент 3-го курса,

Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

geks4@mail.ru

В статье предпринята попытка провести сравнительно-правовой анализ договора дарения в Российской Федерации и Китайской Народной Республике, посредством изучения положений нормативных актов, составляющих основу исследования. Для достижения целей исследования автор использует, как общенаучные методы, так и специальные (сравнительно-правовой, аналогия, анализ и синтез). При помощи сравнительно-правового анализа автор выявил сходства и различия, рассмотрел особенности правового регулирования данного договора в правовых системах разных стран. Автор сделал выводы о необходимости развития некоторых норм договора дарения в Китае.

Ключевые слова: договор, право Китайской Народной Республики, природа дарения.

D. A. Tarasenko

3rd year student,

Buryat State University named after D. Banzarov

Russia, Ulan-Ude

geks4@mail.ru

The article attempts to conduct a comparative legal analysis of the donation agreement in the Russian Federation and the People's Republic of China by studying the provisions of the regulations that form the basis of the study. To achieve the research objectives, the author uses both general scientific methods and special ones (comparative law, analogy, analysis and synthesis). With the help of comparative legal analysis, the author identified similarities and differences, considered the specifics of the legal regulation of this agreement in the legal systems of different countries. The author came to the conclusion that in China it is necessary to develop some rules for concluding gift agreements.

Keywords: the contract, the law of the People's Republic of China, the nature of giving.

В Гражданском кодексе Китайской Народной Республики 2021 г. (далее — ГК КНР) договору дарения посвящена 11 глава и её 10 статей [4]. Правовое регулирование отношений по поводу договора дарения до принятия кодифицированного акта осуществлялось посредством применения норм следующих законов: Общие положения гражданского права КНР; Основы гражданского законодательства КНР; Закон «О договорах» [2, с. 200]. Масштаб такого события как принятие своего Гражданского кодекса, как отмечает А. П. Алексеенко — «позволяет говорить о нем как об одном из важнейших этапов в развитии права, государства и общества КНР» [2, с. 200]. П. В. Трощинский в своей работе верно подмечает, что «к 2021 г. в Китайской Народной Республике сформирована социалистическая гражданско-правовая система с китайской спецификой с кодифицированным гражданским законодательством» [5, с. 41].

Договором дарения является договор, по которому даритель безвозмездно передает свое имущество одаряемому, а одаряемый заявляет о своем согласии принять дар (ст. 657 ГК КНР). Согласно ст. 464 ГК КНР договором является соглашение субъектов гражданских правоотношений об установлении, изменении и прекращении указанных правоотношений.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) дает следующее определение договору дарения — по договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом (ст. 572 ГК РФ).

Стоит заметить, что в отличие от определения данного в ГК КНР определение в ГК РФ не содержит прямого указания на согласие одаряемого на принятие дара, но необходимость такого согласия вытекает, как известно, из существа договора. Ведь соглашение сторон является, как замечал И. А. Покровский — «зигждущей силой всякого договора» [9, с. 245]. Одаряемое лицо в любом случае име-

ет возможность отказаться от дара, причем по различным причинам. В повседневности мы не так часто пользуемся подобной возможностью. Так сказать, «*Noliequidentessin spiceredonati*».

Природа дарения как договора неоднократно подвергалась всестороннему исследованию еще в прошлом и позапрошлом столетии. Так, «дарение, — подчеркивал Г. Ф. Шершеневич, — представляет собой сделку, основанную на взаимном соглашении, а не на воле одного дарителя. До принятия предлагаемого дара лицом одаряемым дарение не имеет смысла. Поэтому-то дарение признается договором» [10, с. 497]. Д. И. Мейер же имел неоднозначное представление на природу дарения. В одном случае он усматривал договор дарения как институт обязательственного права, когда на основе соглашения сторон возникает обязательство дарителя передать дар одаряемому, например, приводит Д. И. Мейер — «лицо обязывается подарить другому известную вещь». В другом случае дарение договором признать не мог, приводя следующий пример — «лицо, не будучи предварительно обязано подарить вещь, прямо передает ее безвозмездно другому лицу: здесь лицо не приобретает права на чужое действие, а приобретает право собственности на вещь» [8, с. 241].

Анализ вышеуказанных положений позволяет заключить, что ГК КНР, в смысле ст. 657, предполагает исключительно договорное обязательство. Чего нельзя однозначно сказать о договоре дарения регулируемого Гражданским кодексом РФ. Тут он представляется более сложным, как раз потому, что, то о чем писал Д. И. Мейер существует и поныне. Вполне можно предположить, что такое возможно в силу отсутствия прямого указания в ст. 572 ГК РФ на согласие одаряемого.

Мы приходим к выводу, что гражданское законодательство России в этом смысле более предусмотрительное. Под предусмотрительностью мы имеем в виду в данном случае, то, что законодатель умышленно не включил в определение договора дарения полагаясь на то, что дарение может быть, например, «неожиданным». На наш взгляд очень детально подобную сложность исследуют М. И. Брагинский и В. В. Витрянский. В заключении они приходят к выводу, что договор дарения относится к «особой категории гражданско-правовых договоров, заключение которых, не порождая обязательственно-правовых отношений, приводит к возникновению вещных прав» [3, с. 182], то есть, речь в данном случае идет о вещных договорах. Подобное теоретически возможно, ведь как верно замечал Г.Ф. Шершеневич «В громадном большинстве случаев договор направлен к установлению обязательственного отношения, так что договор и обязательство чаще всего находятся в связи, как причина и следствие. Однако область договора выходит за пределы обязательственных отношений, как, в свою очередь, и обязательства могут иметь в своем основании не договор, а другой юридический факт... Договор лежит в основании брака, которым создаются права личной власти, в основании передачи вещи, которой создается вещное право...такой договор обязательственного отношения не создает» [10, с. 72].

Обратившись выше к согласию как к важнейшему, на наш взгляд, признаку договора необходимо затронуть и форму такого согласия.

В настоящее время ГК РФ не регулирует форму согласия одаряемого, предполагая, что одаряемый или выразит согласие посредством подписания договора дарения или, выразит его посредством действий, которые явно определяют волю совершить сделку (п. 2 ст. 158 ГК РФ).

ГК КНР также не содержит в части регулирования договора дарения положений, регулирующих форму согласия одаряемого. В данном случае стоит руководствоваться положениями главы 6 ГК КНР. Исследование положений данной главы во взаимосвязи с главой 11 ГК КНР показывает, что, как и в ГК РФ согласие может быть, очевидно, выражено посредством подписания договора или посредством конклюдентных действий (п. 1 ст. 140 ГК КНР). Известно, что молчание способно выступать в качестве выражения согласия, однако применимо ли молчание к договору дарения?

Гражданским законодательством обеих стран, молчание в качестве волеизъявления для договора дарения не предусмотрено, о чем прямо свидетельствует п. 3 ст. 158 ГК РФ и почти аналогичная ей норма п. 2 ст. 140 ГК КНР (почти аналогичная только потому, что в п. 2 ст. 140 ГК КНР содержится указание на обычаи торгового оборота). Довольно дискуссионным для российского гражданского законодательства был вопрос о том, стоит ли предусматривать для договора дарения молчаливую форму согласия как это сделано в ГГУ1.

¹Германское гражданское уложение 1896 г. в п. 2 § 516 закрепляет правило, по которому одаряемый, в случае если не заявит об отказе на принятие дара считается принявшим по истечении соразмерного срока. Подобная модель в свое время подверглась обоснованной критике со стороны редакционной комиссии, разрабатывавшей гражданское уложение Российской империи. Она заключалась в том что подход безмолвного согласия на принятие дара по истечении определенного срока может быть опасно из следующих соображений: 1) лицо, получившее дар, желая перед изъяснением согласия собрать сведения об обстоятельствах, при которых оно делается, может пропустить назначенный срок и только в силу этого будет считаться принявшим дар; 2) положение

Безвозмездность — это важный признак договора дарения способный разграничить его с другими договорами (договор мены, купли-продажи и т. д.). Безвозмездность выражается в том, что одна сторона предоставляет либо обязуется предоставить что-либо другой стороне без получения от нее платы или иного встречного предоставления. Стоит уточнить, что не считается встречным предоставлением или платой в смысле абз. 2 п. 1 ст. 572 ГК РФ символический обмен или символическая плата (например, отдают монетку за животное, чтобы лучше прижилось). Стоит учитывать, что стороны должны осознавать, что подобное встречное предоставление является данью обычаям тех земель где они распространены (стоит учитывать, что Российская Федерация согласно преамбуле Конституции Российской Федерации, страна с многонациональным народом, а потому и обычаи в зависимости от национальности могут быть разными) и не выполняет как верно отмечают М. И. Брагинский и В. В. Витрянский «роль компенсации за полученное имущество» [3, с. 178]. Верным будет вывод, что при отсутствии осознания, что встречное предоставление — это дань традиции, стоит квалифицировать такой договор не как договор дарения, а как любой другой договор (в зависимости от обстоятельств). Такой же вывод применим и при наличии встречного предоставления, которое играет роль компенсации за полученное имущество. В таких случаях применяются положения о притворной сделке (п. 2 ст. 170 ГК РФ).

ГК КНР в ст. 661 напротив предусматривает возможность наличия встречного обязательства одаряемого, что вызывает довольно серьезные опасения. Ведь в таком случае можно задать вопрос, а можно ли тогда это считать договором дарения? Допуская, что одаряемый может иметь обязанность передать какую-либо вещь в обмен на дар либо уплатить определенную денежную сумму мы тем самым создаем конфликт норм ст. 657 и 661 названного кодекса. Подобный конфликт в действительности существовать не может, исходя из следующих соображений. Признавая договор дарения безвозмездным законодатель так или иначе понимал, что для безвозмездности необходимо отсутствие, как ранее упоминалось, компенсации за полученное имущество, а поскольку так, то и уплата денег или обмен вещами здесь не подразумеваются законодателем вовсе, по крайней мере такое предоставление не должно играть роль компенсации. Значит речь идет об иных обязанностях, которые компенсационной роли иметь не могут. Помимо того такая обязанность, очевидно, не должна уменьшать имущество одаряемого, поскольку договор дарения направлен на обратное, то есть на увеличение имущества одаряемого. Наводит на мысль об оказании безвозмездных услуг или работ, которые кстати не урегулированы ни ГК РФ, ни ГК КНР. Однако, что если даритель подарит животное одаряемому, будет ли в таком случае на одаряемого наложены обязанности по ответственному обращению с животным? Однозначно да. Однако если речь идет о «встречной» обязанности, то правильнее было бы иметь в виду, что такая обязанность происходит в отношении дарителя, а не в отношении дара, хотя это исключать не стоит.

Введение в ГК РФ подобного положения навряд ли сможет улучшить законодательное регулирование, наоборот, создаст неоднозначную правоприменительную практику.

В сфере договорного права, регулируемого Гражданским кодексом РФ известно, что договоры на передачу имущества (в том числе и договор дарения), имеют сложный предмет, иными словами неоднородный. Таким образом предмет договора дарения состоит из действий дарителя, то есть передачи дара или освобождении от обязанности, а также из самого имущества (вещей, прав, обязанностей).

Законодательство Китайской Народной Республики решило не придавать сложности предмету дарения, выражая его как безвозмездное отчуждение материального объекта. В вопросе какой материальный объект (имущество) может передаваться стоит обратиться, в том числе к ст. 266 ГК КНР. Она определяет, что гражданам и юридическим лицам на праве собственности принадлежат недвижимые и движимые вещи, в частности, доходы, полученные законным путем, объекты недвижимости, вещи индивидуального повседневного использования, средства производства и сырье. Следовательно, подобное имущество может служить предметом договора дарения.

Вполне закономерным станет вопрос, а что насчет коллективной собственности? Может ли она стать предметом договора дарения? ГК КНР в главе 11 прямо не предусматривает возможность дарения городским, крестьянским коллективом или сельскохозяйственной коллективной организацией. В отношении каждого предусмотренного коллектива предусмотрено специальное правовое регулиро-

одаряемого лица в связи с этим может оказаться не только неприятным и стеснительным, но и убыточным, например, если принятие дарения сопряжено с обязательством, превышающим по своему объему стоимость подаренного имущества. Подчеркивалось, что молчание одаряемого лица лишь предполагает принятие дара, которое, возможно, может опровергаться заинтересованными лицами, а такая ситуация может послужить поводом к неосновательным и бессмысленным тяжбам.

вание, в том числе и посредством отдельных законодательных актов. В некоторых из них определяется и порядок осуществления права собственности на такое имущество. Например, согласно ст. 262 ГК КНР право собственности в отношении имущества принадлежащего коллективу в селе осуществляется в соответствии с законом сельскохозяйственной коллективной организацией уровня села или сельским комитетом от имени указанного коллектива. Между тем ст. 263 ГК КНР на наш взгляд прямо наделяет городские коллективы возможностью передать свое имущество в качестве дара, однако с соблюдением очевидных для такой формы собственности условий: 1) на то есть согласие всех участников коллектива; 2) такая безвозмездная передача не нарушает текущее законодательство. Стоит отметить, что подобный случай прямо урегулирован в п. 2 ст. 576 ГК РФ.

Схожей представляется ситуация, при которой исследуемыми законодательствами не содержится ограничений на участие в договоре дарения государства в качестве одаряемого. В таком случае соответственно обращаемся к норме п. 2 ст. 124 ГК РФ, где указано, что к публично-правовым образованиям применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством. Подобным образом только в отношении ГК КНР мы обратимся к ст. 96 ГК КНР, где органы государственной власти отнесены к особым юридическим лицам, которые, если обращаться к норме ст. 57 ГК КНР могут осуществлять гражданские права и нести гражданско-правовые обязанности. Из этого исходит, что государство может выступать в качестве субъекта договора дарения. Однако, стоит учитывать, что в публичных интересах существуют исключения из общих положений о договоре дарения. Например, в подп. 3 п. 1 ст. 575 ГК РФ установлен запрет на дарение лицам, замещающим государственные должности РФ, государственные должности субъекта РФ и т. д. в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей. Подобный запрет прямо не указан в главе 11 ГК КНР посвященной договору дарения, однако он предполагается исходя из учета публичных интересов. В ином случае мы встретимся с грубым посягательством на такие интересы, посредством нанесения вреда обществу и государству, что в Китайской Народной Республике строго запрещено и карается уголовным законом.

Гражданский кодекс Российской Федерации в главе 32 различает два вида договора дарения. Первым, из которых является договор обещания дарения, вторым же договор пожертвования. Наше законодательство различает такие договоры исходя из квалифицирующих признаков, отражающих особенности этих видов и, соответственно, требующих в связи с этим особого правового регулирования. Принципиально важными признаками при разграничении двух вышеуказанных договоров признаются: наличие определенного рода целей, а также некоторые изъятия из предмета договора. ГК РФ при регулировании договора пожертвования называет его целью, которой характеризуется направленность такого договора. Такие цели он называет общепользовными. В актуальной редакции Гражданского кодекса Российской Федерации, мы не находим определения общепользовным целям. Следовательно, стоит руководствоваться или доктриной, или сложившейся судебной практикой. В исследованной практике отсутствует судебное толкование такого термина. Иная ситуация в юридической литературе. Так, А. Л. Маковский под общепользовными целями понимает следующее «Ими могут быть как цели, полезные для общества в целом, так и цели, достижение которых представляет пользу для более узкого круга лиц — лиц определенной профессии, определенного возраста, жителей определенной местности, членов (участников) определенной организации и т.п. Пожертвование имущества гражданину без указания цели его использования, которую можно считать общепользовной, превращает этот договор в «обычное дарение». Напротив, имущество, подаренное без такого условия юридическому лицу, должно использоваться одаряемым «в соответствии с назначением имущества» (п. 3 ст. 582) и, что само собой разумеется, в соответствии с целями деятельности этого юридического лица (ст. 49)» [7, с. 316]. Предмет договора пожертвования характеризуется передачей вещи или имущественного права. Из утверждения следует, что пожертвование не может осуществляться путем освобождения, одаряемого от его обязательств.

Гражданский кодекс Китайской Народной Республики похожим образом различает обычный договор дарения и договор дарения, который связан с общественными интересами. В отношении последнего упомянутого договора ГК КНР содержит необходимые для правоприменения разъяснения, чего не было сделано в ГК РФ. Так, под договором дарения, который связан с общественными интересами понимается, в частности, договор, направленный на оказание помощи при стихийных бедствиях, малоимущим или инвалидам (п. 2. ст. 658 ГК КНР). В отношении такого договора действуют следующие правила: 1) даритель не может прекратить договор дарения в одностороннем порядке до передачи одаряемому прав на имущество (исключение из общего правила предусмотренного п. 1 ст. 658 ГК КНР); 2) в случае если даритель не вправе прекратить договор дарения в одностороннем порядке и при этом даритель не передает имущество, являющееся предметом указанного договора,

одаряемый может потребовать его передачи (п. 1 ст. 660 ГК КНР); 3) если имущество должно было быть передано согласно п. 1 ст. 660 ГК КНР, однако оно было повреждено или утрачено вследствие умысла или грубой неосторожности дарителя, даритель должен возместить причиненные убытки.

Отличительной чертой договора дарения является возможность его одностороннего прекращения любой из его сторон. Подобное положение является исключением из общего правила о недопустимости одностороннего прекращения обязательств (ст. 310 Гражданского кодекса Российской Федерации). В Гражданском кодексе КНР, где отсутствует общее правило о недопустимости одностороннего прекращения обязательства, такое право, однако не является отличительной чертой договора дарения.

Китайское гражданское законодательство не содержит регулирования права одаряемого отказаться от принятия дара в любое время до передачи дара. Думается, что такое право у одаряемого предполагается. Иным образом регулируется подобная ситуация в ГК РФ. Он прямо указывает на такое право. При прямом указании на такое право ГК РФ предусматривает и правовые последствия, которые наступают в случае, если одаряемый отказался от дара, а договор был заключен в письменной форме. В этом случае даритель вправе требовать от одаряемого возмещения реального ущерба (п. 3 ст. 573 ГК РФ). ГК КНР подобных правовых последствий не предусматривает.

Противоположным праву одаряемого на отказ от дара существует право дарителя на отказ от исполнения договора дарения. В ГК КНР и ГК РФ подобное право регулируется не одинаково, а с учетом, на наш взгляд, специфики понимания природы дарения.

В российском гражданском законодательстве предусмотрено право дарителя на отказ от исполнения договора дарения (ст. 577 ГК РФ) и его отмену (ст. 578 ГК РФ). Последнее есть специфическая особенность договора дарения.

Отказ от исполнения договора дарения, регулируемый ст. 577 и 578 Гражданского кодекса Российской Федерации, распространяется только на консенсуальный договор дарения. Отказ от исполнения возможен в случаях, предусмотренных в п. 1 ст. 577 и п. 1 ст. 578 случаях. Важно отметить, что отказ дарителя от исполнения не дает одаряемому права требовать возмещения убытков.

Отмена дарения, регулируемая ст. 578 Гражданского кодекса Российской Федерации, может применяться как к консенсуальному договору дарения, так и к договору дарения с передачей имущества без предварительного обещания (вещный договор).

Китайский законодатель, придерживаясь ситуации, при которой договор дарения — это исключительно договорное обязательство не предусматривает отказ от исполнения договора дарения и отмену дарения как это сделано в ГК РФ. В свою очередь он предусмотрел прекращение договора дарения в одностороннем порядке при наличии обстоятельств, предусмотренных в ст. 663, 664 и 666 ГК КНР. Различием является и то, что перечень оснований для прекращения шире нежели представленный в ГК РФ. В доказательство приводим норму подп. 1 п. 1 ст. 663 ГК КНР, где указано, что существенное нарушение одаряемым прав и законных интересов дарителя или близких родственников дарителя позволяет дарителю прекратить договор дарения в одностороннем порядке. Достаточно неопределенная норма, так скажем «каучукового» характера. И, только потому что законодатель детально не разъясняет, что следует понимать под существенным нарушением. Отсюда следует, что вопрос существенности нарушения будут определять суды Китая. Неисполнение одаряемым обязанности по предоставлению содержания (материальной поддержки) дарителю представляет собой следующее основание. Китайский законодатель, таким образом, вышел за рамки договора дарения. Такое положение делает договор дарения очень схожим с договором ренты, превращая его из одностороннего и безвозмездного обязательства в двустороннее и возмездное. Последним основанием ст. 663 ГК КНР является неисполнение одаряемым обязанностей, предусмотренных договором дарения. Более подробно о том, что договор дарения может сопровождаться встречной обязанностью одаряемого мы высказались ранее. Особым основанием выделенным законодателем считается явное ухудшение имущественного положения дарителя, оказывающего существенное влияние на его производственно-хозяйственную деятельность или семейную жизнь (ст. 666 ГК КНР). Похожее, в какой-то степени мы находим и у нас в норме п. 1 ст. 575 ГК РФ.

Особый интерес представляет положение, ограничивающее возможность дарителя заявить требование о возврате подаренного имущества. В нашем законодательстве стоило бы обратить внимание на норму, где закреплено правило о неприменении положений об отказе от исполнения договора дарения и отмены дарения на обычные подарки небольшой стоимости. По смыслу п. 1 ст. 575 и п. 2 ст. 574 ГК РФ под небольшой стоимостью понимается подарок, стоимость которого не превышает три тысячи рублей. Понятие обычного подарка, как мы поняли, отдано на судейское усмотрение.

Иным образом регулируется такое ограничение в Китае. Оно применяется, во-первых, до передачи одаряемому прав на имущество, во-вторых, при обстоятельствах, определенных п. 2 ст. 658

(например, договор дарения нотариально удостоверен либо связан с общественными интересами). Изучение вышеуказанных положений позволяет сделать вывод о том, что законодательство исследуемых стран по-разному регулирует основания, по которым даритель может вернуть подаренное имущество, и ограничения, накладываемые на него. Это отличие более заметно, чем при анализе других норм. Применить или заимствовать какие-либо положения Китайского кодекса, нам представляется маловероятным, уж сильно это различие.

Различно и регулирование формы договора дарения. Наше законодательство содержит прямое указания на то, в каких случаях заключается договор дарения в устной форме (п. 1 ст. 574), в каких случаях он должен быть совершен в письменной (п. 2 и 3 ст. 574), и когда требуется его нотариальное удостоверение (п. 3 ст. 574).

Китайское законодательство же не содержит прямого указания на форму договора дарения, при этом есть положение ст. 659, где указано, что при возникновении необходимости регистрации или соблюдения иных требований при переходе прав на имущество, должны быть соблюдены соответствующие требования. Норма явно бланкетного характера. Следовательно, стоит обратиться к положениям ст. 135, 209 и 211 ГК КНР. По смыслу указанных статей следует вывод. Договор дарения может быть совершен в письменной, устной или иной форме (ст. 135). При этом договор дарения недвижимой вещи подлежит государственной регистрации (ст. 209), а для такой регистрации необходимо предоставить правоподтверждающий документ (ст. 211), то есть нужен договор дарения, совершенный в письменной форме.

В ГК КНР следовало бы прямо предусмотреть случаи, при которых необходима обязательная письменная форма, как это сделано в ГК РФ. Того требует определенность правовых норм.

Мы не находим особых различий в том, как правопорядки смотрят на ответственность сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства по договору дарения. Однако, такая схожесть не распространяется на нормы о недостатке подаренной вещи и ответственности дарителя за этот недостаток. Здесь правовое регулирование разнится.

По нашему отечественному законодательству даритель возмещает вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу одаряемого вследствие недостатков подаренной вещи. Но чтобы суд присудил возместить вред, необходимо доказать, что недостатки: возникли до передачи вещи, не относятся к числу явных, и даритель, хотя и знал о них, не предупредил одаряемого (ст. 580 ГК РФ).

Иным образом смотрит на такую ситуацию китайский законодатель. Даритель, согласно норме, п. 1 ст. 662 ГК КНР не отвечает за недостатки подаренной вещи. Совершенно однозначная норма. Однако такое мнение теряет весь свой смысл при обращении к норме п. 2 ст. 662. Толкование данных положений во взаимосвязи отсылают нас к конструкции, которой пользуется наше законодательство (ст. 580 ГК РФ). При этом, единственным различием в рассматриваемых правовых нормах следует считать наличие в ГК КНР правил о рамках ответственности дарителя за недостатки вещи. Такая ответственность ограничена размером указанной встречной обязанности одаряемого, конечно, при наличии последней.

Проведенное сравнительно-правовое исследование позволяет сделать вывод о наличии интересных и требующих дальнейшего исследования различий между институтом дарения в китайском и российском праве. Помимо того можно явно наблюдать то, как специфика национального законодательства оказывает влияние на отдельные аспекты регулирования данной сферы. Это создает предпосылки для последующего детального изучения аспектов китайского и российского гражданского законодательства в целом, особенно в условиях усиления экономических связей.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон [от 26.01.1996 № 14-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Алексеенко А. П. Характерные черты Гражданского кодекса КНР // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 12. С. 199–211.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. Москва: Статут, 2004. 427 с.
4. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / ответственный редактор, перевод Ван Чжихуа; [перевод с китайского Ван Чжихуа и др.]. Москва: Проспект, 2024. 365 с.
5. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / ответственный редактор П. В. Трощинский. Москва: Синофера, 2020. 448 с.

6. Гражданское уложение. Проект высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения / под редакцией И. М. Тютрюмова; составитель А. Л. Саатчиан. Санкт-Петербург, 1910. Т. 2. 1362 с.

7. Маковский А. Л. Дарение (глава 32) // Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / под редакцией О. М. Козырь, А. Л. Маковского, С. А. Хохлова. Москва: МЦФЭР, 1996. 700 с.

8. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 частях / по испр. и доп. 8-му изд., 1902. Ч. 2. Москва, 1997. 449 с. (Классика российской цивилистики).

9. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Москва: Статут (в серии «Классика российской цивилистики»), 1998. 353 с.

10. Шершеневич Г. Ф. Избранное: учебник русского гражданского права / вступ. слово, составитель П. В. Крашенинников. Москва: Статут, 2017. Т. 5. 832 с. (Юристы, изменившие право, государство и общество.).

Система прав на землю в России и Китайской Народной Республике

© **Б. Б. Янжинов**

магистрант 1-го курса,
Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
byanzhinov@mail.ru

В статье рассматривается законодательство Российской Федерации и Китайской Народной Республики об имущественных частных правах лиц на землю как объекта пользования. Разбирается специфика китайской правовой системы в сравнении с правовой системой России и другими правовыми системами. Анализируется влияние римских институтов права, принципов романо-германской правовой семьи и доктрины советского права на правовое регулирование земельных отношений в КНР. Гипотеза — правовая система КНР относится к социалистической правовой семье и не входит в одну правовую семью с правом России. Раскрываются особенности правового регулирования ограниченных вещных прав во взаимосвязи с исключительной государственной и коллективной собственностью на землю. Методы исследования: анализ, синтез, сравнительно-правовой, догматический.

Ключевые слова: правовая система, вещное право, земля, собственность, узуфрукт.

B. B. Yanzhinov

1st year master's student,
Buryat State University named after D. Banzarov
Russia, Ulan-Ude
byanzhinov@mail.ru

The article examines the legislation of the Russian Federation and the People's Republic of China on private property rights of individuals to land as an object of use. The article examines the specifics of the Chinese legal system in comparison with the legal system of Russia and other legal systems. The influence of Roman legal institutions, the principles of the Romano-Germanic legal family and the doctrine of Soviet law on the legal regulation of land relations in China is analyzed. Hypothesis — the legal system of the PRC belongs to the socialist legal family and is not part of the same legal family as the law of Russia. The article reveals the features of the legal regulation of limited property rights in relation to the exclusive state and collective ownership of land. Research methods: analysis, synthesis, comparative law, dogmatic.

Keywords: legal system, property law, land, property, usufruct.

По замечанию А. Х. Саидова, в ряду нерешенных и «вечных» проблем сравнительного правоведения находится вопрос о классификации правовых семей, т.е. о критериях отнесения к тому или иному виду правовой семьи. Особенность Китайской Народной Республики в данном вопросе заключается в том, что её нельзя с определенностью причислить к какой-либо одной правовой семье. Так, П.В. Трошинский отмечает, что правовая система Китая являет собой «самобытное явление в ряду всех существующих правовых систем мира» [17, с. 436]. Такая самобытность связана с тем, что право Китая уникальным образом сочетает черты правовой семьи социалистического права, романо-германской семьи, принципы дальневосточной правовой семьи и некоторые основы семьи общего права. При этом многообразие и сочетание элементов из различных правовых семей не является препятствием для нормального функционирования права в КНР. Так, в 2021 г. вступила в силу первая в истории КНР кодификация гражданского права — ГК КНР, охватывающая не только традиционные для российской правовой системы институты гражданского права, но и брачно-семейные отношения, а также отношения по использованию земельных ресурсов [12, с. 112]. Таким образом, целью настоящего исследования является сравнение гражданско-правового регулирования прав на землю в правовых системах России и КНР и выявление специфики китайского подхода. Объект исследования — система частных прав на землю в правовых системах России и КНР. Предмет исследования — законодательство России и КНР о частных правах на землю.

Для дальнейшего раскрытия предмета исследования необходимо определить содержание понятия системы прав на землю. Традиционно в систему прав на землю включают, во-первых, все виды прав на землю, во-вторых, содержание прав и обязанностей правообладателей земельных участков и, в-третьих, способы их защиты [9, с. 130]. Гражданское право России следует классическому пандектному делению прав на землю на вещные и обязательственные, что отражено в соответствующих ча-

стях Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) [2]. В правовой системе КНР система прав на землю так же реализована по романо-германской модели и включает в себя вещные и обязательственные права. Регулированию вещных прав в КНР посвящена книга 2 ГК КНР «Вещные права», обязательственному праву аренды выделена глава 14 книги 3 ГК КНР «Договоры аренды» [19]. В этой связи можно выявить общее в гражданско-правовом регулировании России и КНР — единообразный подход к построению системы прав на землю, что следует из пандектной структуры кодексов ГК РФ и ГК КНР.

Также можно отметить некоторые общие элементы в принципах регулирования отрасли земельного права: так, ст. 3 Закона КНР «Об управлении земельными ресурсами» 1988 г. устанавливает принцип охраны земель и их рационального использования аналогично п. 1 ст. 1 Земельного кодекса РФ (далее — ЗК РФ) [3], т.е. охрана земель и сохранение их как природной ценности находятся в приоритете перед использованием земли, общим является и принцип деления земель по целевому назначению, но если в России выделяются семь категорий земель, то в КНР земли поделены на три категории: земли сельскохозяйственного назначения, земли для строительства и земли, не подлежащие использованию [6]. При этом категория сельскохозяйственных земель в КНР включает часть лесных угодий и водных поверхностей для хозяйственных целей, а земли для строительства включают земли городов и населенных пунктов, земли промышленности, туризма, военных объектов. Можно предположить, что различия в категорировании обусловлены преобладающим значением сельского хозяйства в КНР, следовательно, для целей правового регулирования достаточно выделения трех категорий земель.

Несмотря на некоторые общие принципы, Закон КНР «Об управлении земельными ресурсами» 1988 г. ясно провозглашает основной принцип земельного права в КНР — первоочередная защита социалистического строя и социалистической общественной собственности в целях устойчивого развития социалистической экономики, что обуславливает дальнейшие различия в правовом регулировании земельных отношений в России и КНР. Так, отличительные элементы содержатся в видах прав на землю: в России система прав на землю включает следующие вещные права: право собственности, сервитут, право постоянного (бессрочного) пользования, право пожизненно наследуемого владения, право оперативного управления и право хозяйственного ведения, а также обязательственные: право аренды и право безвозмездного пользования землей. В свою очередь, по ГК КНР предусмотрены следующие вещные права на землю: право собственности и usufruct, и обязательственное право аренды земель.

Существуют и различия по предмету ведения земельных отношений. Так, в соответствии со ст. 72 Конституции РФ вопросы пользования землей находятся в совместном ведении федерального центра и субъектов, следовательно, по вопросам, не урегулированным федеральным законом, субъекты могут издавать свои законы [1]. КНР же является унитарным государством, в котором полномочия административных единиц существенно ограничены, так, ст. 3 Конституции КНР устанавливает, что «разграничение полномочий центральных и местных государственных органов проводится по принципу всемерного развития инициативы и активности на местах при едином руководстве центра» [21]. Ст. 4 Закона КНР «Об управлении земельными ресурсами» также указывает, что контроль за использованием земли осуществляет государство. Таким образом, законотворческое право принадлежит ВСНП КНР и другим центральным органам власти, а местные органы власти наделены лишь правом издания актов во исполнение законов. Тут заметно некоторое сходство регулирования отрасли земельного права в КНР с советским законодательством. Так, по ст. 72 Конституции РСФСР 1978 г. вопросы пользования землей, лесами, водами, недрами отнесены к исключительному предмету ведения РСФСР в лице центральных органов власти [4]. Такое регулирование позволяет унифицировать земельное законодательство путем исключения правовых коллизий между законодательством центра и провинций.

После рассмотрения некоторых общих и частных элементов в регулировании земельных отношений следует перейти к рассмотрению системы прав на земельные участки. В правовых системах романо-германской семьи главным вещным правом на землю является право собственности, предоставляющее субъекту наиболее полное право господства над землей. По ст. 9 Конституции РФ субъектами права собственности могут быть частные и публичные лица, при этом провозглашается равенство всех форм собственности. Но в отличие от России, в КНР субъектом права собственности не может быть частное лицо. Так, ст. 9 Конституции КНР 1982 г. устанавливает, что такие объекты, как «недра, воды, леса, горы, целинные земли, отмели и другие природные ресурсы являются государственной, то есть общенародной собственностью, за исключением целинных земель, отмелей и других земель, которые по закону являются коллективной собственностью». Следовательно, по общему правилу вся

земля в КНР принадлежит государству, за исключением земель, предоставленных коллективным образованиям законом. Вопрос о правильности либо ошибочности принципа исключительной государственной и коллективной собственности на землю в КНР является дискуссионным, но, как минимум, в КНР ввиду такого подхода отсутствует характерная для России проблема разграничения земель между федерацией, субъектами и муниципалитетами, что обуславливает единообразие правоприменения, при этом, можно утверждать, что отсутствие частной собственности позволяет государству тщательнее проводить охрану земли и контроль за их использованием. В этом заключается основная особенность в регулировании гражданского и земельного права КНР, которая влечет соответствующие отличия в других институтах.

Содержание права собственности можно отнести к общим элементам двух правовых систем. Так, ст. 240 ГК КНР устанавливает традиционную для российской и советской правовой системы триаду правомочий — владение, пользование и распоряжение. Отдельно выделяется правомочие на извлечение выгоды из имущества, но по содержанию его можно отнести к пользованию имуществом [15, с. 132]. Отметим, что к коллективной собственности относится имущество сельских коллективных хозяйственных организаций, которые, как правило, объединяют жителей одного села. В целом, положения об «общенародной собственности», «коллективных образованиях» свидетельствуют о сохранившемся влиянии советской доктрины земельного законодательства, но с некоторыми отличиями, например, в том, что в СССР единственным собственником земли считалось государство, а за коллективными хозяйствами земля закреплялась в безвозмездное бессрочное пользование, в КНР же с 1980-х гг. наряду с государством правами собственника земли наделены коллективные образования. Таким образом, несмотря на сходство в содержании права собственности в России и КНР сам институт собственности по своему назначению и сущности в двух странах существенно отличается. В России право собственности частных лиц на землю представляет собой основной атрибут либерального общества, направленный на обеспечение свободы личности, в КНР же право собственности — инструмент аккумуляции средств производства в целях обеспечения повышения экономических показателей и роста благосостояния государства.

В отсутствие права частной собственности на землю в КНР частные лица владеют и пользуются землей на ограниченных вещных правах, в частности, на праве узуфрукта. Так, ст. 323 ГК КНР определяет содержание права узуфруктария (обладатель узуфрукта): владение, пользование и извлечение выгоды из имущества, принадлежащего собственнику. Заметно, что по своему содержанию узуфрукт в КНР напоминает российские права пожизненного наследуемого владения и постоянного (бессрочного) пользования, отличие же состоит в их предназначении: последние были введены российским законодателем в переходный период смены базиса экономических отношений, после завершения которого, потребность в их существовании отпала, а право узуфрукта в КНР существует уже продолжительное время и является основным вещным правом на землю для частных субъектов. Помимо этого, содержание права узуфрукта по ГК КНР, в целом, соответствует традиционному римскому пониманию узуфрукта как наиболее обширного права господства над чужой вещью, при котором правообладатель практически полностью заменяет собственника, оставляя ему лишь «голое право» [10, с. 247]. Однако и здесь существует специфика правового регулирования.

ГК КНР выделяет различные виды узуфруктов по критерию цели использования земли, так, ст. 331 ГК КНР устанавливает право земельного подряда, по которому субъект права владеет, пользуется и извлекает выгоду из земель, предназначенных для сельскохозяйственной обработки, земель лесного фонда, пастбищных земель, а также занимается сельскохозяйственным производством. Несмотря на свое название, право земельного подряда закреплено в книге 2 ГК КНР, следовательно, оно является не обязательственным, а вещным. Право земельного подряда устанавливается путем заключения договора с собственником земли, предельный срок которого не может превышать 30 лет для целей обработки земли, 50 лет для пастбищных земель и 70 лет для земель лесного фонда. Ст. 342 ГК КНР устанавливает, что право на заключение такого договора может возникнуть по результатам проведения торгов, конкурса или открытых переговоров. После заключения договора такому субъекту выдается свидетельство о праве узуфрукта, а само право подлежит обязательной регистрации в реестре прав, что соответствует классическому римскому признаку публичности ограниченных вещных прав. Однако важной особенностью земельного подряда является положение о том, что субъект имеет права не только владения и пользования, но и ограниченного распоряжения землей, так, ст. 339 ГК РФ указывает, что право управления землей может быть передано в аренду, внесено в качестве пая в паевой фонд либо в качестве залога залогодержателю. Таким образом, ограниченное вещное право становится самостоятельным объектом оборота и может быть передано за плату или в обмен на иное имущество во временное пользование другому субъекту, в связи с чем оборот земельных ресурсов

является не только прерогативой государства и коллективных образований, но и частных лиц. Тут и раскрывается специфика китайской социалистической правовой системы с элементами рыночной экономики. Ограниченное право распоряжения земельным подрядом вразрез классическому представлению о производности всех ограниченных вещных прав от права собственности позволяет поддерживать оборот земельных ресурсов среди частных лиц, что повышает доступность земли, и в конечном счете, стимулирует развитие рыночных отношений.

В целом, земельный подряд в КНР по своему содержанию и порядку предоставления напоминает российское право аренды земельных участков, находящихся в собственности государства, за исключением того, что ограниченными вещным правам принадлежат особые способы защиты права в отличие от обязательственного права аренды, что сближает земельный подряд КНР с римским институтом эмпфитевзиса. Так, ст. 236 ГК КНР устанавливает традиционные для романо-германской правовой семьи способы защиты обладателя вещного права: истребование имущества у лица, не имеющего на него прав (т.е. виндикационное требование), и устранение помех или возможного нарушения права (т.е. негаторное требование).

Следующий вид узуфрукта — право использования земли в целях строительства объекта недвижимости. Содержание данного права совпадает с земельным подрядом, но к нему добавляется еще один вид пользования — строительство сооружений. Ст. 347 ГК КНР указывает на основания передачи земли под строительство — безвозмездное предоставление либо передача путем проведения торгов, аукционов. Торги, аукционы на заключение договора о передаче права на застройку земельного участка проводятся в случаях будущей постройки промышленных, коммерческих, туристических, рекреационных и коммерческих жилых объектов, или когда есть два или более предполагаемых пользователя, конкурирующих за право использования одного и того же участка земли. Такой порядок предоставления земельных участков гарантирует выбор наиболее надежного и стабильного субъекта права. Отметим, что далее в ст. 348 ГК КНР указываются существенные и предполагаемые условия договора о передаче права на использование земельного участка для целей строительства: (1) название и адрес каждой стороны; (2) размеры, границы и площадь земельного участка и т.д. Заметно, что юридическая техника и содержание данных статей ГК КНР напоминают нормы Земельного Кодекса РСФСР 1922 г., таким же образом закреплявшего условия договора на передачу земли для целей строительства и порядок предоставления земли[5]. Указанное обстоятельство свидетельствует о сохранившемся влиянии советской доктрины права.

Необходимо отметить, что во многих странах романо-германской правовой семьи предоставление земельного участка во временное владение и пользование для целей строительства объекта недвижимости по римской традиции именуется суперфицием [7, с. 134]. Ключевое правило суперфиция (от лат. *superficiessolocedit*) заключается в том, что юридическая судьба строения следует за земельным участком, на котором оно расположено. Ст. 357 ГК КНР устанавливает, что, если здание или сооружение и их вспомогательные объекты передаются, обмениваются, предлагаются в качестве вклада в капитал или передаются в дар, право на использование земельного участка для целей строительства на земельном участке, занимаемом зданием, сооружением и их вспомогательными объектами, отчуждается одновременно. В этой связи можно сделать вывод о том, что в правовой системе КНР закреплен традиционный для римского права и многих стран романо-германской правовой семьи институт суперфиция, но с особенностями юридической техники, характерной для законодательных актов советской правовой системы.

В отличие от КНР, право застройки земельного участка законодательством России не предусмотрено, вместо этого, как правило, земельные участки предоставляются лицам на праве аренды с видом разрешенного использования участка — жилая застройка, индивидуально-жилое строительство и т.д., после строительства объектов допускается последующее признание права собственности на земельный участок. В целом же, введение в российское право института суперфиция обсуждается в научных кругах с момента начала реформирования гражданского законодательства РФ[24]. Помимо этого, право застройки предусматривается концепцией развития законодательства о вещном праве, в частности, по проекту Федерального закона № 47538-6/5 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса РФ» — глава 20.1 посвящена праву застройки[23]. Основное преимущество права застройки перед строительной арендой, по мнению исследователей, заключается в возможности установления императивных правил защиты прав застройщиков и уменьшения их издержек, что позволит снизить стоимость жилья для граждан, однако принятие данного законопроекта затянулось уже на 13 лет, следовательно, введение в российское право права застройки в ближайшее время не прогнозируется [22].

Еще один вид узуфрукта по ГК КНР — право пользования приусадебным участком. Особенность этого узуфрукта в том, что он предоставляется специальным субъектам, отвечающим определенным признакам. Так, субъектами данных прав являются собственники сооружений, расположенных на землях, находящихся в собственности коллективных образований. Другими словами, это работники сельских коллективных хозяйств. Исторический и сравнительный анализ данного права снова позволяет сделать вывод о преемственности положений советской доктрины права в ГК КНР. Так, ст. 56 Земельного Кодекса РСФСР 1970 г. закрепляла, что «из земель, предоставленных в пользование совхозу или иной организации для нужд сельского хозяйства выделяются и отграничиваются в натуре приусадебные земли, предназначенные для рабочих и служащих приусадебных земельных участков» [6]. Ст. 362 ГК КНР, в свою очередь, закрепляет, что «лицо, имеющее право пользования приусадебным участком, имеет право владеть и пользоваться участком земли, находящимся в коллективной собственности, а также использовать такой участок земли для строительства жилья и вспомогательных сооружений в соответствии с законом».

Существование такого вида пользования земельным участком объясняется все еще сохраняющими свое значение коллективными хозяйствами [14, с. 58]. Несмотря на то, что основная часть сельскохозяйственной продукции производится малыми фермерскими хозяйствами, коллективные хозяйства все еще существуют и составляют около 0,05 % от общего количества субъектов производства [16, с. 17]. Между тем, необходимо отметить возможное развитие и увеличение коллективных хозяйств в будущем. Так, в июне 2024 г. на заседании ВСНП был принят законопроект, вступающий в силу в мае 2025 г., которым предусматриваются льготные условия, субсидии и государственная поддержка для коллективных сельскохозяйственных образований. Возрождением коллективных хозяйств китайское правительство планирует повысить уровень производства и эффективность использования земельных ресурсов, следовательно, актуальность этого вида землепользования в настоящее время и в будущем не подлежит сомнениям [18]. В России данный вид пользования землей не предусмотрен, однако его аналогом можно считать право пожизненного наследуемого владения, регламентированного ст. 266 ГК РФ, по которому субъект имеет права владения и пользования земельным участком, в том числе с возможностью строительства объектов недвижимости, но, как уже было сказано, данный вид пользования уже выполнил свою задачу и утратил актуальность.

Следующее за правом пользования приусадебным участком ограниченное вещное право по ГК КНР — право сервитута. Примечательно здесь то, что в ГК КНР параграф 15 «Сервитуты» включен в общую главу об узуфруктах, следовательно, сервитут по ГК КНР также считается одним из видов узуфрукта. Однако по классическим римским воззрениям узуфрукты признавались разновидностью личных сервитутов, другими словами, сервитут означал родовое понятие для всех прав на чужие вещи, но несмотря на терминологические различия, институт сервитута в КНР, за исключением некоторых особенностей, соответствует традиционным представлениям семей романо-германского права, в том числе российской правовой системы. В соответствии со ст. 372 ГК КНР «лицо, имеющее право на сервитут, имеет право использовать недвижимое имущество другого лица в соответствии с договором таким образом, чтобы повысить эффективность использования своего собственного недвижимого имущества». В следующих статьях определены виды использования земельного участка путем установления сервитута: право прохода через земельный участок, предоставление земли для стока воды, проведение через земельный участок водопроводов, линий электропередач и т.п.

Необходимо отметить, что право сервитута не было предусмотрено земельным советским законодательством, в этой связи ГК КНР воспринял институт сервитута у правовых систем романо-германской семьи. Так, ст. 274 ГК РФ таким же образом определяет цели установления сервитута и содержание прав. При некоторых различиях в юридической технике кодексов, в целом, содержание права сервитута в двух правовых системах совпадает, отличия же кроются в деталях. Так, в российском праве выделяются частный и публичный сервитуты. Ст. 274 ГК РФ посвящена регулированию частного сервитута, заключаемого по соглашению сторон либо в судебном порядке между равноправными субъектами. Публичный сервитут в соответствии со ст. 23 ЗК РФ устанавливается законом или другим актом публично-правового образования в особых случаях в публичных интересах, например, размещения линейных объектов, проведения изыскательских работ и т.п. [8, с. 77]. По ГК КНР же существует только один вид сервитута, что обусловлено исключительной государственной и коллективной собственностью на землю.

Существуют и другие различия, так, ст. 374 ГК КНР устанавливает, что «сервитут устанавливается в момент вступления в силу соглашения о сервитуте. При необходимости регистрации, в регистрирующий орган могут быть поданы заявления о регистрации сервитута; без регистрации такой сервитут не может быть применен к добросовестному третьему лицу». Другими словами, сервитут по ГК

КНР следует классическому французскому принципу непротивопоставимости договора третьим лицам. Следовательно, если сервитут не зарегистрирован, то юридически он существует только для сторон соглашения, для всех остальных участников оборота сервитута нет. Таким образом, регистрация сервитута в КНР является правом, а не обязанностью сторон, что обусловлено тем, что большая часть земель находится в государственной собственности. В отличие от КНР, большая часть правовых семей германской правовой семьи, в том числе Россия, устанавливает регистрацию прав по принципу внесения, в соответствии с которым возникновение права напрямую зависит от внесения записи в реестр прав [13, с. 62]. Понятно, что регистрация сервитута направлена прежде всего на защиту приобретателей земельных участков, но так как в КНР частные лица не могут быть собственниками земли, то и регистрация сервитута теряет свое значение. Такое правовое регулирование сервитута позволяет ускорить оборот прав, не усложняя процедуру оформления долгими регистрационными действиями.

Таким образом, сравнение вещных прав двух правовых систем показало, что ограниченные вещные права в КНР имеют большее значение, чем ограниченные вещные права в России, что обусловлено отсутствием права частной собственности на землю. Так, узуфрукт в КНР представляет собой наиболее полное право господства над чужим земельным участком и включает в себя право земельного подряда, право пользования землей в целях строительства сооружений, право пользования землей на приусадебных участках и право сервитута. Как было выяснено, узуфрукт в КНР, в целом, следует классическим римским представлениям об ограниченных вещных правах в части основных признаков: публичности и права следования. Однако особенности экономического базиса и отпечаток советской доктрины права обуславливают особенности регулирования, связанных, например, с предоставлением узуфруктариям правомочия ограниченного распоряжения земельным участком путем сдачи его в аренду, залог либо иное пользование, что позволяет решить проблему исключительной государственной и коллективной собственности на землю. Помимо этого, достаточно заметно влияние подходов социалистической правовой семьи, в частности, право пользования приусадебным участком во многом имеет схожие черты с аналогичным институтом советского земельного права. В этой связи законодательства России и КНР имеют значительное количество различий, что связано, в первую очередь, с разным базисом экономических отношений.

Обязательственные права землепользования представлены в России и ГК КНР правом аренды земельного участка. Отличие права аренды земельного участка от ограниченных вещных прав следует из природы обязательственных прав. Так, арендатор не может использовать способы защиты права в формах виндикационного или негаторного иска, но имеет права требования к своему контрагенту. Регулированию права аренды посвящена глава 14 книги 3 ГК КНР «Договоры аренды», однако в ней не содержится специальных норм, посвященных аренде земельных участков. Некоторые нормы об аренде земельных участков содержатся в книге 2 ГК КНР, в нормах об ограниченных вещных правах, например, ст. 339 устанавливает, что обладатель права земельного подряда вправе распорядиться правом путем сдачи его в аренду, залог или иным предусмотренным законом способом. Следовательно, объектом аренды по ГК КНР является не сам земельный участок, а право владения и пользования земельным участком. Необходимо отметить, что по российскому праву аренда допускается только в отношении вещей, т.е. материальных, индивидуально-определенных объектов, в этой связи вопрос о возможности сдачи в аренду имущественного права по ГК КНР подлежит дальнейшему изучению.

В заключение, сравнение законодательства России и КНР показало, что право КНР действительно представляет собой уникальное явление в ряду всех правовых систем мира, что обусловлено ранее указанными экономическими и правовыми причинами. Для китайского экономического базиса отношений необходима правовая надстройка в форме исключительной государственной и коллективной собственности на землю, но с другой стороны, существуют и элементы рыночной экономики, регламентация которых возможна путем обращения к институтам романо-германской правовой семьи. Как было выяснено, система прав на землю, включающая следующие вещные права: земельный подряд, суперфиций, пользование приусадебным участком и сервитут, а также обязательственное право аренды, во многом следует классическим римским положениям, а анализ китайских норм права свидетельствует о влиянии кодификаций романо-германской семьи. Между тем, проблему отнесения правовой системы КНР к правовым семьям мира все же следует решить путем включения ее в семью социалистического права. Рассмотрение и анализ положений действующей Конституции КНР 1982 г., ГК КНР 2020 г., Закона КНР «Об управлении земельными ресурсами» 1988 г. позволяют сделать вывод о сохранившемся влиянии доктрины советского права в части отсутствия права частной собственности на землю, выделения особых видов землепользования и преемственности законодательной техники. Помимо этого, в КНР сохраняется руководящая роль коммунистической партии, эконо-

мика основана на плановом достижении показателей производства, ГК КНР хоть и содержит основополагающие нормы, регулирующие частные имущественные отношения, но основной массив правил содержится в подзаконных актах, указах, директивах и т.д.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: основной закон [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с посл. изм. и доп.)]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон [от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 25.10.2001 N 136-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.
4. Конституция (Основной закон) РСФСР от 12 апреля 1978 г. (утратил силу 25.12.1993). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
5. Земельный кодекс РСФСР от 30.10.1922 (утратил силу 01.10.1970). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
6. Земельный кодекс РСФСР от 01.07.1970 (утратил силу 25.04.1991). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
7. Белов В. А. Очерки вещного права: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2025. 332 с. (Высшее образование).
8. Земельное право России: учебник для вузов / А. П. Анисимов, Ю. И. Исакова, А. Я. Рыженков, С. А. Чаркин; под редакцией А. П. Анисимова. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2025. 287 с.
9. Земельное право России: учебник / под редакцией Г. А. Волкова. Москва: Проспект, 2023.
10. Новицкий И. В. Римское право: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2025. 298 с.
11. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности): учебник / под редакцией В. А. Туманова. Москва: Юристъ, 2003. 448 с.
12. Le Thi Ngoc Mai. Real property in Chinese Civil law — The process of developing property legislation // Vietnamese Journal of Legal Sciences, Vol. 06, No. 01, 2022, С. 94–114.
13. Бевзенко Р. С. Торговая регистрация и торговые реестры // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 6. С. 61–75.
14. Жук Е. А., Семинарий С. Е. Вещно-правовой аспект землепользования в Китайской Народной Республике // Юридическая гносеология. 2023. № 3. С. 51–65.
15. Кархалев Д. Н., Громоздина М. В. Понятие и защита права собственности в Китае // Аграрное и земельное право. 2024. № 8(236). С. 132–135.
16. Козырская И. Е., Бао Сяолун. Сельское хозяйство Китая: краткая характеристика современного состояния // Российско-китайские исследования. 2022. Т. 6, № 2. С. 93–101.
17. Трошинский П. В. Правовая система Китая: монография. Москва: ИДВ РАН, 2016. 472 с.
18. Euroasiadaily: сайт. URL: <https://easaily.com/ru/news/2024/06/28/v-kitae-budut-razvivat-kolhozy> (дата обращения: 25.03.2025).
19. Civil Code of the peopleRepublic_of_China (28.05.2020): сайт. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Civil_Code_of_the_People%27s_Republic_of_China (дата обращения: 25.03.2025).
20. Land Administration Law of the People's Republic of China (29.12.1987): сайт. URL: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/land-administration-law-of-the-peoples-republic-of-china> (дата обращения: 25.03.2025).
21. Constitution of the People's Republic of China (ред. 11.03.2018): сайт. URL: [https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_the_People%27s_Republic_of_China_\(1982\)](https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_the_People%27s_Republic_of_China_(1982)) (дата обращения: 25.03.2025).
22. Леонтьева Е. А. Зачем российским застройщикам право застройки? URL: https://zakon.ru/blog/2020/07/03/zachem_rossijskim_zastrojschikam_pravo_zastrojki_swot_analiz_pravovo_go_instituta (дата обращения: 08.04.2025).
23. Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6> (дата обращения: 08.04.2025).
24. Суханов Е. А. Дом, висящий в воздухе, или Затянувшаяся реформа вещного права. URL: <https://www.garant.ru/article/1138375/> (дата обращения: 25.03.2025).

IV УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В АЗИИ

IV CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND FORENSIC PROBLEMS OF COMPARATIVE LAW IN ASIA

УДК 343.281

О некоторых вопросах применения условного осуждения к несовершеннолетним в Российской Федерации и Китайской Народной Республике: сравнительно-правовой анализ действующих систем

© Т. Д. Бадмаева
магистрант 2-го года обучения,
Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова
Россия, Улан-Удэ
badmaevaaa.t@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые вопросы применения условного осуждения к несовершеннолетним в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Для достижения целей исследования произведено изучение отдельных теоретических изысканий, а также осуществлён анализ судебной практики и статистических данных, указывающих как на наличие особенностей применения условного осуждения к несовершеннолетним при конкретных разбирательствах, так и на регулярность его применения за отдельные периоды. В ходе исследования проанализирован опыт применения условного осуждения к несовершеннолетним в Китайской Народной Республике. В рамках анализа проведено изучение материального и процессуального законодательства Китая, отражающего основы и особенности реализации данного правового института к несовершеннолетним. По результатам исследования сделаны выводы о необходимости выделения условного осуждения несовершеннолетних на территории Российской Федерации в качестве специального правового института в Уголовном кодексе Российской Федерации, отражающего ключевые особенности данного субъекта отношений. Кроме того, по результатам исследования отмечена практическая целесообразность существующего правового регулирования условного осуждения несовершеннолетних в Китайской Народной Республике.

Ключевые слова: несовершеннолетний, осуждённый, условное осуждение, испытательный срок, лишение свободы, преступление, наказание.

T. D. Badmaeva
2nd year master's student,
Buryat State University named after D. Banzarov
Russia, Ulan-Ude
badmaevaaa.t@mail.ru

The article discusses some issues of the application of probation to minors in the Russian Federation and the People's Republic of China. To achieve the objectives of the study, individual theoretical studies were conducted, as well as an analysis of judicial practice and statistical data indicating both the existence of features of the application of probation to minors in specific proceedings, and the regularity of its application for certain periods. The study analyzed the experience of applying probation to minors in the People's Republic of China. As part of the analysis, the substantive and procedural legislation of China was studied, reflecting the basics and features of the implementation of this legal institution for minors. Based on the results of the study, conclusions were drawn about the need to single out conditional sentencing of minors on the territory of the Russian Federation as a special legal institution in the Criminal Code of the Russian Federation, reflecting the key features of this subject of relations. In addition, according to the results of the study, the practical expediency of the existing legal regulation of probation of minors in the People's Republic of China was noted.

Keywords: minor, convicted, suspended sentence, probation, imprisonment, crime, punishment.

Условное осуждение в Российской Федерации является самостоятельным правовым институтом, который отражён в ст. 73 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ)¹. Из анализа общей части УК РФ представляется возможным сделать вывод, что нормы, изложенные в ст. 73 УК РФ, являются универсальными, то есть применяются к каждому субъекту уголовно-правовых отношений, в том числе к несовершеннолетним лицам, совершившим уголовно-наказуемое деяние лишь постольку, поскольку законом не предусмотрено иное.

Исходя из этого, при рассмотрении института условного осуждения как при теоретических изысканиях, так и при применении такового в практической сфере, следует руководствоваться именно ст. 73 УК РФ, однако с учётом особенностей, предусмотренных ч. 6.2 ст. 88 УК РФ, устанавливающей условия повторного применения условного осуждения к несовершеннолетнему при совершении им нового уголовно-наказуемого деяния в пределах испытательного срока.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что хотя УК РФ и содержит в себе специальную главу (Гл. 14 УК РФ), посвящённую вопросам уголовной ответственности и наказания несовершеннолетнего, положения указанной главы не содержат специальной статьи, посвящённой регулированию вопроса применения условного осуждения именно к данным субъектам.

Однако указанное обстоятельство несколько не сказывается на регулярности применения судами условного осуждения к несовершеннолетним.

Так, согласно статистическим данным, предоставленным Судебным департаментом при Верховном суде Российской Федерации, за период с 2021 по 2023 г. условное осуждение применялось в отношении несовершеннолетних: в 2021 г. — 5897 человек; в 2022 г. — 5495 человек; в 2023 г. — 4285 человек.

Таким образом, статистические данные подтверждают, что нормы, регулирующие вопросы условного осуждения несовершеннолетних являются действующими, а случаи их применения достаточно распространены в практической сфере.

Теперь же, прежде чем перейти к исследованию особенностей применения повторного условного осуждения, следует дать общую характеристику, в рамках которой выделить особенности и условия назначения условного осуждения несовершеннолетним в Российской Федерации.

Итак, согласно законодательным положениям, условное осуждение относится к исключительной дискреции суда. В связи с чем суд, даже при наличии всех обстоятельств, при которых возможно применение условного осуждения, не ограничен уголовным законом к безусловному применению в каждом случае указанной меры к осуждённому лицу.

Иной подход противоречил бы сущности правосудия, чем ограничивал бы судебное усмотрение при разрешении конкретных дел, имеющих свои определённые и установленные судом особенности, положенные в основу сделанных выводов.

Законом установлено, что, в том случае, если суд, назначив осуждённому лицу наказание в виде лишения свободы сроком до восьми лет либо к иному виду наказания (исправительные работы, содержание в дисциплинарной воинской части и т.д.), придёт к выводу, что осуждённый, ввиду своих характеризующих личность особенностей, вполне способен исправиться без реального отбывания наказания, вправе постановить, что назначенное наказание следует считать условным.

Вместе с этим закон с целью недопущения применения условного осуждения, которая по своей правовой природе является поощрительной мерой к осуждённому, направленной на создание у него мотивации к социально-ориентированному поведению, ограничивает возможность условного осуждения для некоторых категорий лиц.

Например, к числу таких лиц закон относит: 1) лица, совершившие преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, при условии, что несовершеннолетний (потерпевший) не достиг на момент совершения преступления возраста четырнадцати лет; 2) при опасном либо особо опасном рецидиве; и т.д.

При принятии решения суд обязан положить в основу своих выводов определённые обстоятельства, подтверждённые в ходе судебного разбирательства либо документарно, либо путём изучения показаний процессуальных участников, в том числе осуждённого.

Законом определено, что выводы суда об условном осуждении должны быть основаны на изучении характера и степени общественной опасности совершённого деяния. Данная категория является достаточно абстрактной. Иными словами, суд должен исследовать указанные вопросы в ходе судебного разбирательства и сделать определённые выводы, но именно в зависимости от конкретных об-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

стоятельств дела. При этом сложившейся судебной практикой выработан ряд критериев, которые судам следует учитывать при установлении и исследовании конкретных обстоятельств.

Так, в пункте 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»¹ высшей судебной инстанцией разъяснено, что характер общественной опасности зависит от совокупности установленных судом обстоятельств, характеризующих признаки состава преступления, определённых уголовным законом. Суду при изучении вопроса о применении условного осуждения к осуждённому надлежит установить, на какие именно социальные ценности были направлены действия осуждённого лица и какой вред причинён таковыми.

Степень же общественной опасности должна быть установлена судом исходя из следующих обстоятельств: 1) характера и размера наступивших последствий; 2) роли подсудимого в совершении деяния; 3) вида умысла совершённого деяния; 4) способа совершения деяния; и т.д.

Таким образом, на основе проведённого анализа следует сделать вывод, что суд при определении характера и степени общественной опасности вправе использовать любые сведения, объективно характеризующие совершённое деяние.

Кроме этого, суд также обязан установить, исследовать и использовать в выводах смягчающие и отягчающие обстоятельства в том случае, если таковые имеются.

Стоит отметить, что перечень таких обстоятельств установлен уголовным законом. И если перечень отягчающих обстоятельств является закрытым, то смягчающие обстоятельства могут быть различными, поскольку закон не ограничивает их число ввиду гуманности уголовного закона.

Представляется, что по отношению к несовершеннолетним могут быть использованы следующие смягчающие обстоятельства: 1) характеризующие личность осуждённого (грамоты, награды, участие в различных олимпиадах, справки и характеристики их учебных заведений и т.д.); 2) условия, в которых проживает несовершеннолетний; и т.д.

При этом представляется, что само по себе наличие или отсутствие как смягчающих, так и отягчающих обстоятельств, не должно являться безусловным основанием для отказа судом в применении условного осуждения к несовершеннолетнему при постановлении приговора.

Главной же особенностью условного осуждения является то обстоятельство, что осуждённому лицу реальное лишение свободы не назначается. Вместо этого несовершеннолетнему избирается испытательный срок, в рамках которого он обязан как совершать определённые правомерные действия, так и воздерживаться от совершения новых нарушений, в том числе преступлений, в противном случае условное осуждение может быть отменено.

Порядок и исчисление испытательного срока в законодательстве установлено следующим образом.

Так, при назначении условного осуждения суд определяет испытательный срок, в рамках которого осуждённый несовершеннолетний должен продемонстрировать своё раскаяние и исправление. Как правило, на осуждённого возлагается обязанность выполнять требования по контролю со стороны специализированного государственного органа, а именно органа уголовно-исполнительной системы, подчиняться и уважать закон, не совершать новых преступлений, продолжить обучение в образовательной организации [1, с. 29].

Стоит отметить, что перечень обязанностей, возлагаемых судом на условно осуждённого, не является исчерпывающим. Указанное правило следует из ч. 5 ст. 73 УК РФ, которой закреплено, что суд вправе назначить иные обязанности, исполнение которых будет направлено на исправление осуждённого.

Однако судебная практика указывает на то, что сущность обязанности, возлагаемой на условно осуждённого и не предусмотренной законом, не должна быть произвольной, а в частности, создающей ситуацию необоснованного ограничения осуждённого в правах и создающей условия для безусловной отмены условного осуждения, что подтверждается судебной практикой (например, Определение Судебной коллегии Верховного суда Российской Федерации по уголовным делам N 18-УД22-60сс-А3).

Определение испытательного срока зависит от срока наказания, который установлен судом. Например, если несовершеннолетнему по приговору суда назначено наказание в виде лишения свободы сроком до одного года, испытательный срок составит не менее шести месяцев.

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 18.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

Из специфических особенностей условного осуждения несовершеннолетних стоит выделить ранее указанные положения ч. 6.2. ст. 88 УК РФ, предусматривающие, что в том случае, если несовершеннолетний осуждённый совершил новое преступление в течение испытательного срока, а категория совершённого преступления не относится к особо тяжкой, суд, с учётом конкретных установленных обстоятельств, вправе назначить несовершеннолетнему новое условное осуждение, и в связи с этим новый испытательный срок.

Как мы видим, отечественное законодательство устанавливает достаточно гуманное отношение к несовершеннолетним, позволяя судам применять к таким субъектам повторное условное осуждение в том случае, если таковые совершили новое преступление, однако за единственным исключением: совершённое преступление не должно относиться к категории особо тяжких.

Тем не менее, каких-либо иных особенностей назначения условного осуждения несовершеннолетним кодекс не содержит.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что действующее законодательство предусматривает широкие возможности для реализации судебной дискреции при разрешении всех вопросов. Сами же нормы носят универсальный (гибкий) характер, позволяющий суду действовать в каждом случае с учётом установленных особенностей по конкретному делу, а не из императивных предписаний закона.

Теперь же, рассмотрев некоторые вопросы применения условного осуждения к несовершеннолетним в Российской Федерации, представляется возможным, в целях сравнительно-правового анализа, рассмотреть опыт Китайской Народной Республики (далее по тексту — КНР), где ситуация с условным осуждением обстоит несколько иным образом. Итак, основными источниками в области уголовного и уголовно-процессуального права на территории КНР являются:

Уголовный кодекс КНР от 14 марта 1997 г. (далее по тексту — УК КНР)¹;

Уголовно-процессуальный кодекс от 1 июля 1972 г. (далее по тексту — УПК КНР)².

Для начала стоит отметить, что в КНР до недавнего времени как в уголовном, так и в уголовно-процессуальном законодательстве не отражались особенности отправления правосудия в отношении несовершеннолетних.

Однако статистические данные со временем стали отмечать рост преступности среди молодёжи, что не осталось без внимания со стороны высших государственных органов, которыми для урегулирования множества вопросов было принято решение о разработке и принятии как специальных гарантий, так и определённых методов исправления осуждённого несовершеннолетнего без реального лишения свободы [2, с.87]. Например, при отправлении правосудия несовершеннолетний, совершивший уголовно наказуемое деяние, на сегодняшний день обладает всеми необходимыми правами, включая право на защиту, юридическую помощь, в том числе со стороны государственных органов и т.д. Само же отправление правосудия к несовершеннолетним нацелено именно на их воспитание и исправление, что отвечает заложенным в ст. 46 Конституции КНР³ стандартам и гарантиям, а именно тому, что государство гарантирует обеспечение всестороннего развития молодёжи, подростков и детей, независимо от того, совершили они уголовно-наказуемое деяние или же нет.

Что касается условного осуждения несовершеннолетних, то в КНР разработан классический институт условного осуждения, содержащийся в ст. 73–77 УК КНР. Однако со своими особенностями, отражающими его специфику.

Итак, согласно ч. 1 ст. 73 УК КНР, если осуждённому назначено наказание в виде лишения свободы сроком не более трёх лет, к нему может быть применено условное осуждение только в том случае, если установленные обстоятельства соответствуют следующим условиям: 1) осуждённый раскался в содеянном; 2) условное осуждение не скажется негативно на том обществе, где живёт осуждённый; 3) маловероятно, что осуждённый вновь совершит преступление; 4) обстоятельства совершённого деяния указывают на то, что вред от них является незначительным.

¹ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14 марта 1997 г. Доступ предоставлен интернет-сайтом «Исполнительного комитета Конгресса по Китаю». URL: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-law-of-the-peoples-republic-of-china#Chapter%20IV> (дата обращения: 05.04.2025).

² Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики от 01 июля 1972 г. URL: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-procedure-law-of-the-peoples-republic-of-china> (дата обращения: 05.04.2025).

³ Конституция Китайской Народной Республики (Принята на Пятой сессии Пятого Всекитайского собрания народных представителей и введена в действие Решением Всекитайского собрания народных представителей от 4 декабря 1982 г.). URL: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/chinas-constitution> (дата обращения: 05.04.2025).

Однако ключевая особенность, защищающая в данном случае несовершеннолетних, состоит в том, что суд применяет условное осуждение к лицам, младше восемнадцати лет, в обязательном порядке, то есть в каждом случае и, несмотря на то, соблюдены ли данные условия.

Представляется, что такой императивный подход основан на строгом балансе между тяжестью совершённого преступления и сроком назначенного наказания, которое не может превышать трёх лет, и личностными (психологическими) качествами несовершеннолетнего субъекта.

Нельзя также не отметить влияние законодательства в КНР на судебную власть. Если в Российской Федерации суду предоставлена возможность широкого усмотрения, а само решение принимается на основе внутреннего убеждения, то в КНР судья в обязательном порядке должен применить к несовершеннолетнему осуждённому условное осуждение.

Как и в Российской Федерации, в КНР условно осуждённому назначается испытательный срок, который по высшему пределу не может превышать одного года, а по низшему пределу не может быть менее двух месяцев.

В рамках испытательного срока условно осуждённый обязан соблюдать законы, отчитываться о своей деятельности, получать разрешение на выезд из города или округа.

В том случае, если условно осуждённый нарушит какое-либо из установленных по контролю и надзору обязательств, условное осуждение может быть отменено судом, а несовершеннолетний подлежит отбыванию первоначально установленного наказания (ст. 77 УК КНР).

Нельзя также оставить без внимания и процессуальное законодательство КНР, которое содержит в себе принципиально новый правовой институт, касающийся применения условного наказания к несовершеннолетним при проведении доследственных проверок.

Так, ст. 271 УПК КНР предусматривает, что суд вправе вынести «условное постановление о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого в совершении деяний, которые закреплены в Главе 4, 5, 6 Особенной части УК КНР», наказание за которое на превышает одного года лишения свободы, а сам несовершеннолетний признал вину и раскаялся в содеянном.

Прежде чем у суда возникнет возможность вынести указанное постановление, прокуратура должна провести консультации с органом общественной безопасности, а также потерпевшим от преступления, которые вправе предоставить жалобу на указанное судом решение.

При этом, несовершеннолетнему и его представителю законом предоставлено право отказаться от условного прекращения дела, на основании чего орган прокуратуры возбуждает уголовное дело, а его расследование и разбирательство происходит в общем порядке.

В том случае, если во время разбирательства несовершеннолетний совершил новое преступление, уголовное дело возбуждается в любом случае.

Однако если же несовершеннолетний раскаялся и согласился на условное прекращение дела, суд, с учётом характера и степени общественной опасности совершённого деяния, устанавливает в отношении несовершеннолетнего испытательный срок, в рамках которого возлагает на него обязанность к выполнению определённых предписаний.

В том случае, если обстоятельства, при которых возможно применение условного отказа от уголовного преследования были установлены, а мнения потерпевшего и правоохранительных органов получены, исследованы и учтены, то суд или орган прокуратуры принимает решение об условном отказе от уголовного преследования с назначением несовершеннолетнему испытательного срока.

Помимо обязательств, присущих условному осуждению, на несовершеннолетнего также возлагаются обязанности по соглашению на обучение и коррекцию в соответствии с требованиями надзорного органа.

В том случае, если в рамках испытательного срока будет установлено, что несовершеннолетний до решения об условном прекращении дела совершил преступление, о котором не было известно суду, а равно как и в рамках испытательного срока совершил новое преступление, условное прекращение преследования подлежит отмене и возбуждается уголовное дело.

Однако, если несовершеннолетний выполнит все требования, возложенные на него судом, прокуратура по истечению испытательного срока принимает решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Стоит отметить, что по своей правовой сущности указанный институт является достаточно уникальным, поскольку он освобождает не только от наказания, но и от уголовной ответственности и от уголовного преследования, то есть на несовершеннолетнего не будут возлагаться тяготы и бремя процессуального участия в уголовном процессе, его не будут вызывать на многочисленные допросы и судебные разбирательства в том случае, если он признает вину, раскается в содеянном и будет соблюдать определённые ограничения и обязательства в рамках испытательного срока. Кроме того,

имеющиеся статистические данные позволяют с полной уверенностью говорить о том, что указанный институт является действующим.

Так, из «Белой книги о прокурорской работе в отношении несовершеннолетних от 1 июня 2021 г.» следует, что за период с 2019 по 2021 г., решение об условном прекращении уголовного преследования применялось к несовершеннолетним в отношении: 7 463 человека в 2019 г.; 11 376 человек в 2020 г.; 19 783 человека в 2021 г. [3, с. 133]

Таким образом, на основе проведённого анализа представляется возможным сделать вывод о том, что как законодательство Российской Федерации, так и КНР, при осуществлении уголовного преследования в отношении несовершеннолетних и при назначении таким субъектам условного осуждения, является достаточно гуманным, учитывающим физиологические и психологические особенности несовершеннолетнего, что, несомненно, надлежащим образом обеспечивает права данного субъекта и мотивирует его к социально-ориентированному поведению без применения карательных мер воздействия. Так, если законодательство КНР в обязательном порядке возлагает на суд обязанность применять условное осуждение к несовершеннолетним, то в Российской Федерации суд наделён широкими возможностями реализации судебной дискреции при принятии решения об условном осуждении несовершеннолетних, при этом обладая возможностью повторного назначения условного осуждения к несовершеннолетнему при совершении преступления в пределах испытательного срока с назначением нового.

Нельзя также не отметить прогрессивное развитие процессуального законодательства КНР, регулирующего проведение доследственных проверок, в рамках которых по отношению к несовершеннолетним может быть применено условное прекращение уголовного преследования с назначением испытательного срока, с последующим отказом в возбуждении уголовного дела в том случае, если несовершеннолетний своим поведением продемонстрирует явное становление на путь исправления.

Таким образом, общие выводы исследования показывают, что как законодательство Российской Федерации, так и законодательство КНР, содержат эффективные механизмы по применению условного осуждения к несовершеннолетним.

Однако для достижения баланса между общественными интересами и правами несовершеннолетних, требуется дальнейшее проведение научных исследований, выводы которых позволят выработать и имплементировать в законодательство правовые нормы, способные обеспечить интересы всех названных субъектов с одной стороны, а с другой, создадут для несовершеннолетних те условия, которые позволят встать на путь исправления без реального лишения свободы. В связи с чем как законодательство Российской Федерации, так и законодательство КНР нуждаются в создании и отражении принципиально нового правового института условного осуждения несовершеннолетних в уголовных законах названных государств.

Литература

1. Скороходова А. С. Условное осуждение несовершеннолетних: вопросы правоприменения // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 28–33. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uslovnnoe-osuzhdenie-nesovershennoletnih-voprosy-pravoprimeniya> (дата обращения: 11.04.2025).
2. Чжан Цзюэ, Ли Сюй. Применение в Китае системы уголовного урегулирования в отношении несовершеннолетних // Вестник МГПУ. Сер. Юридические науки. 2019. № 2(34). С. 85–94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-v-kitae-sistemy-ugolovno-uregulirovaniya-v-otnoshenii-nesovershennoletnih> (дата обращения: 11.04.2025).
3. Шестак В. А., Харина Е. М. Особенности правового регулирования производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в Китае // Образование и право. 2024. № 2. С. 129–135. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-proizvodstva-po-ugolovnym-delam-v-otnoshenii-nesovershennoletnih-v-kitae> (дата обращения: 11.04.2025).
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

Сравнительно-правовой анализ производства в суде с участием присяжных заседателей в Российской Федерации и Японии

© Б. Д.-Д. Бадмажапова

магистрант 2-го года обучения,
Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
bbayarma47@gmail.com

В статье осуществляется анализ современного правового регулирования процесса функционирования суда присяжных в российском и японском уголовном процессе; автором рассматриваются основные теоретико-правовые аспекты производства по уголовным делам с участием присяжных заседателей, анализируются проблемы правового регулирования и практики подобного рассмотрения уголовных дел, а также формулируются предложения по оптимизации производства в суде с участием присяжных заседателей в Российской Федерации с учетом международного опыта на примере Японии. В ходе написания данной статьи автором осуществляется оценка действий современных судов по формированию коллегий присяжных и, соответственно, по рассмотрению уголовных дел судом с участием присяжных заседателей. Целью работы является проведение сравнительно-правового анализа производства в суде с участием присяжных заседателей в Российской Федерации и Японии с целью последующей выработки наиболее оптимальных путей развития законодательства и практики по вопросам производства по уголовным делам судом с участием присяжных заседателей. Основными методами, примененными в процессе написания данной работы, являлись методы диалектического познания (анализ, синтез, сравнение, обобщение, аналогия), позволяющие наиболее полно рассмотреть специфику национального правового порядка по вопросам обеспечения функционирования суда присяжных заседателей в уголовном процессе.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные, особый порядок, вердикт, национальный правовой порядок.

D.-D. Badmazhapova

2nd year master's student,
Buryat State University named after D. Banzarov
Russia, Ulan-Ude
bbayarma47@gmail.com

The article analyzes the modern legal regulation of the jury trial process in Russian and Japanese criminal proceedings; the author examines the main theoretical and legal aspects of criminal proceedings involving jurors, analyzes the problems of legal regulation and practice of such consideration of criminal cases, and formulates proposals for optimizing proceedings in the court with the participation of jurors in the Russian Federation, taking into account international experience on the example of Japan. During the writing of this article, the author evaluates the actions of modern courts in the formation of jury panels and, accordingly, in the consideration of criminal cases by a court with the participation of jurors. The purpose of the work is to conduct a comparative legal analysis of proceedings in a court with the participation of jurors in the Russian Federation and Japan in order to further develop the most optimal ways of developing legislation and practice on criminal proceedings by a court with the participation of jurors. The main methods used in the process of writing his work were methods of dialectical cognition (analysis, synthesis, comparison, generalization, analogy), which make it possible to fully consider the specifics of the national legal order in matters of ensuring the functioning of the jury trial in criminal proceedings.

Keywords: trial by jury, juries, special order, verdict, national law and order.

Одним из важнейших институтов российского уголовного процесса на протяжении длительного периода развития общества и государства является институт суда присяжных, функционирование которого осуществляется в целях рассмотрения некоторых уголовных дел о совершении преступлений. Необходимость привлечения к производству по уголовному делу присяжных заседателей предопределена стремлением повысить уровень доверия населения к правосудию, а также установить эффективное взаимодействие общества и государства по борьбе с преступностью. Становление и развитие суда присяжных заседателей в уголовном процессе не являлись планомерными, так как существенно зависели от политического режима и общественного строя в государстве.

В настоящее время суд присяжных является одной из гарантий обеспечения участия граждан в отправлении правосудия, а также способствует реализации принципа гуманизма в Российской Федерации. Вместе с тем в современной науке и практике, несмотря на длительное развитие суда присяжных, на многочисленные научные исследования и реформы суда присяжных заседателей в уголовном

процессе, отдельные вопросы функционирования указанного института продолжают оставаться проблемными и дискуссионными.

Так, отдельные правоприменители нередко негативно высказываются об участии присяжных заседателей в производстве по уголовному делу, так как отсутствие у присяжных квалифицированных знаний и опыта не позволяют им в достаточной мере определить последствия преступной деятельности. Проблемным является вопрос о порядке и условиях формирования коллегии присяжных заседателей с целью последующего отправления правосудия лицами, не имеющими специальных знаний в сфере юриспруденции.

Действующее российское законодательство устанавливает определенные требования к кандидатам в присяжные заседатели, однако, считаем, что в настоящее время имеется практическая необходимость в повышении возрастного ценза для потенциальных кандидатов в присяжные заседатели. Данное предложение обусловлено тем, что лица в возрасте 25 лет еще не имеют необходимого жизненного опыта для разрешения вопросов о виновности или невиновности кого-либо в совершении преступления.

Повышение возраста для кандидата в присяжные заседатели, представляется, в дальнейшем будет способствовать более ответственному подходу присяжных к рассмотрению конкретного уголовного дела с учетом уже сформировавшегося жизненного опыта. При этом думается, что возрастной ценз для кандидатов в присяжные заседатели необходимо установить на уровне 30–35 лет, когда физическое лицо в большинстве случаев имеет образование и опыт работы, характеризуется стабильным семейным положением и объемом информации, способным оценить обстоятельства уголовного дела.

В Японии в настоящее время как таковой институт присяжных заседателей отсутствует, однако, с мая 2009 г. в рамках уголовного производства обеспечивается функционирование «квази-присяжных», то есть непрофессиональных судей, которые по своему положению близки к российским присяжным заседателям. В Японии для кандидатов в присяжные важно достижение совершеннолетия, что отличает японский правопорядок от российского.

Законодательное установление в Японии пониженного (по сравнению с Российской Федерацией) возраста для кандидата в присяжные может быть обусловлено, в первую очередь, разным уровнем развития российской и японской молодежи.

При этом следует отметить, что опыт Японии по установлению в качестве требования к кандидату в присяжные заседатели совершеннолетия вряд ли может в дальнейшем учитываться в Российской Федерации, так как фактически допуск к рассмотрению уголовных дел присяжными по достижению ими совершеннолетия ставит под угрозу не только защиту прав и законных интересов участников уголовного производства, но и нормальное развитие указанного присяжного.

Согласно положениям российского уголовно-процессуального законодательства [1] структура судебного разбирательства при производстве с участием присяжных является более сложной за счет увеличения этапов судебного разбирательства. Объясняется это четким разграничением компетенции между профессиональным и народным элементами в составе суда, то есть между председательствующим по делу профессиональным судьей и коллегией присяжных заседателей.

По результатам проведенного исследования следует сказать о том, что на практике подобное разграничение компетенции нередко препятствует осуществлению эффективного рассмотрения уголовного дела. В некоторых случаях на практике присутствует конкуренция председательствующего и присяжных, ограничение прав и возможностей последних при исследовании доказательств и формулировании вопросов участникам процесса.

Относительно японского правопорядка стоит отметить, что в Японии функционирование суда присяжных заседателей является не столь частым, как в Российской Федерации; производство по уголовным делам с участием присяжных заседателей в Японии осуществляется только в исключительных случаях при рассмотрении в судебном порядке наиболее сложных дел. Как таковая конкуренция между председательствующим судьей и присяжными заседателями в японском уголовном процессе отсутствует, так как законодательно приоритет отдан мнению профессионального судьи, обладающего специальными познаниями в сфере материального и процессуального права.

Основными практическими проблемами современного формирования коллегии присяжных заседателей предлагается считать проблему тенденциозности коллегии, проблему неоправданно низкого возрастного предела для присяжных, проблему малой явки кандидатов для формирования коллегии присяжных [5, с. 239]. В Японии преодоление тенденциозности суда присяжных заседателей на практике осуществляется посредством использования смешанной системы формирования коллегии - использование элементов коллегии шэффенов и выборной системы.

Основными способами преодоления тенденциозности коллегии присяжных в российском уголовном процессе является обеспечение формирования коллегии присяжных заседателей из присяжных различных возрастов и социальных статусов; законодательное закрепление обязанности гражданина по жребию участвовать в уголовном производстве в качестве присяжного заседателя; детальное разъяснение председательствующим судьей присяжным заседателям их прав и полномочий; проведение специальных мероприятий по подготовке присяжных заседателей к участию в уголовном процессе (соответственно, без юридического обучения присяжных заседателей).

Относительно прений сторон целесообразно отметить то, что наиболее важной проблемой в данном случае выступает невозможность присяжных (в силу отсутствия знаний, опыта и т.д.) надлежащим образом воспринимать и запоминать итоговые позиции сторон по делу. В судебном заседании присяжные заседатели получают всю необходимую информацию по делу на слух. В настоящее время в законе не закреплена обязанность стороны обвинения предоставлять коллегии присяжных копию обвинительного заключения.

Представляется, что в данной случае одним из эффективных средств разрешения данного недостатка будет являться законодательное закрепление обязанности сторон представлять присяжным свою речь не только в устном, но и в письменном виде.

Обозначенная проблема характерна не только для российского, но и для японского правопорядка, так как современное японское уголовно-процессуальное законодательство не содержит четких требований и положений по вопросам использования присяжными заседателями в процессе рассмотрения дела специальных записей. В целях совершенствования правового регулирования производства по уголовным делам судом с участием присяжных заседателей полагаем возможным распространить предложение по совершенствованию российского уголовно-процессуального законодательства на японское правовое регулирование функционирования суда присяжных при производстве по уголовным делам.

Вердикт присяжных заседателей по уголовному делу является основанием для вынесения не только приговора как итогового решения, но и иных процессуальных решений по уголовному делу.

Современная практика свидетельствует о существенной доле обвинительных приговоров, несмотря на постановление присяжными оправдательных приговоров и обязательность данных решений в уголовном процессе. Это может быть обусловлено тем, что профессиональный судья оценивает действия виновного с учетом положений уголовного законодательства, которые могут быть неизвестны присяжным заседателям. В целом порядок и условия составления и вынесения решений на основании вердикта присяжных заседателей довольно четко определен в положениях УПК РФ.

Однако, допущение нарушений при принятии судебного решения на основании вердикта присяжных является основанием для пересмотра дела.

Обвинительный уклон при производстве по уголовным делам судом с участием присяжных заседателей свойственен и японскому правопорядку, то есть можно говорить о том, что обвинительный уклон - проблема межгосударственного характера [6, с. 397]. Преодоление обвинительного уклона как в Российской Федерации, так и в Японии может осуществляться несколькими способами, среди которых: обеспечение судов, осуществляющих производство по уголовным делам, квалифицированными кадрами, рассматривающими уголовные дела с учетом основных начал уголовного производства; формирование независимых судов первой инстанции, в производство к которым могут поступать уголовные дела, в том числе проведение организационных и иных мероприятий, направленных на гарантию независимости судей; обеспечение функционирования в Российской Федерации и Японии специализированных судов, которые бы занимались оценкой законности действий судей, рассматривающих уголовные дела по существу.

Также одной из актуальных проблем на практике в Российской Федерации продолжает оставаться проблема низкой явки присяжных в судебные заседания. Указанная проблема менее свойственна японскому уголовно-процессуальному правопорядку, прежде всего, в силу особенностей правового воспитания населения и более жесткой дисциплины граждан.

Данная проблема обусловлена тем, что выполнение обязанностей присяжных осуществляется без возможности лица отказаться от участия в отправлении правосудия при отсутствии уважительных причин. Несмотря на то, что обязанности присяжными исполняются в рабочее время, многие указывают на низкий уровень оплаты труда присяжных заседателей, а также неосвобождение указанных от выполнения трудовой функции.

Следовательно, при принудительном отрыве от работы лицо для выполнения функций присяжного заседателя не только фактически не освобождается от труда, но и не получает справедливого вознаграждения. Актуальные пути устранения данных проблем будут предложены в заключении данно-

го исследования. Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что суд присяжных в рамках производства по уголовным делам продолжает играть довольно активную роль. Участие граждан в качестве присяжных заседателей в производстве по уголовным делам является одним из проявлений участия населения в управлении государством. В процессе проведения данного исследования были обозначены основные теоретико-правовые аспекты и проблемы функционирования суда присяжных заседателей в Российской Федерации и Японии в порядке сравнения российского и японского правопорядков.

Автором статьи предложены отдельные пути совершенствования правового регулирования и практики функционирования коллегии присяжных заседателей при производстве по уголовным делам судом с их участием. Представляется, что в дальнейшем развитие института присяжных в Российской Федерации вполне может осуществляться с учетом международного опыта (например, в части обеспечения постоянного присутствия присяжных заседателей при рассмотрении уголовных дел судом с их участием).

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст.4921.
2. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: федер. конституц. закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 898.
3. О внесении изменений в ст. 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей»: федер. закон от 29 декабря 2017 г. № 467-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 1 (Ч. 1). Ст. 51.
4. О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации: федер. закон от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 34. Ст. 3528.
5. Иконина С. В. Опыт создания и функционирования судов присяжных в России (сравнительно-правовой анализ) // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2009. № 2(18). С. 235–243.
6. Реховский А. Ф. О суде присяжных в Японии // Судебная реформа 1864 г. и ее значение для формирования правовых систем государств постсоветского пространства: проблемы теории и практики: материалы XIV Международных конивских чтений (Владивосток, 13–14 мая 2015 г.) / вступит, слово и заключение А. Б. Пекарского; под общей редакцией А. В. Верещагиной; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса; Институт права. Владивосток, 2015. С. 395–401.

Осмотр в уголовном судопроизводстве, его основания, порядок и сравнительное исследование© **Болормаа Хайдав**

старший преподаватель, магистр права,
Юридический институт,
факультет публичного права,
Монгольской государственной университет,
Монголия, г. Улан-Батор
Bolormaa_kh@num.edu.mn

Осмотр (survey, inspection) — это следственное действие, проводимое уполномоченным должностным лицом компетентного органа в соответствии с законом. Целью является сбор документированной информации непосредственно на месте для обеспечения соблюдения правовых норм. Этот процесс имеет важное значение для проверки соблюдения законов и правил и, как правило, осуществляется должностными лицами, обладающими специальными юридическими полномочиями. В юридическом контексте: Осмотр места преступления: Проводится для выявления следов преступления, вещей, свидетелей или других улик, которые могут помочь в расследовании. Осмотр тела: Проводится для выявления травм, повреждений или причин смерти. Биологический осмотр: Включает сбор биологических образцов, таких как отпечатки пальцев, кровь, моча, для проведения дальнейших анализов.

Ключевые слова: преступление, осмотр, права человека, уголовное преследование

© **Bolormaa Khaidav**

Senior Lecturer, LL.M.,
Law Institute,
Faculty of Public Law,
National University of Mongolia,
Mongolia, Ulaanbaatar
Bolormaa_kh@num.edu.mn

An inspection (survey, inspection) is an investigative activity conducted by an authorized official from a competent institution, as stipulated by law. [1, c.455]. The purpose is to collect documentary information directly from the site, ensuring compliance with legal provisions. This process is essential for verifying adherence to laws and regulations and is typically executed by officials endowed with specific legal authority. In the legal context: Inspection of the crime scene: Conducted to identify traces of the crime, objects, witnesses, or other evidence that may assist in the investigation. Inspection of the body: Performed to identify injuries, damages, or causes of death. Biological inspection: Includes the collection of biological samples, such as fingerprints, blood, urine, for further analysis.

Keyword: Crime, Inspection, Human Rights, Criminal Proceedings

По состоянию на октябрь 2024 г. в Монголии было зарегистрировано 36 906 преступлений, что на 18 % больше по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. Лёгкие преступления: 32 220 случаев, тяжкие преступления: 4 686 случаев, преступления против права собственности: 22 964 случая, кражи: 6 992 случая, преступления против права на жизнь человека: 635 случаев.

Для оперативного и полного раскрытия этих преступлений, а также установления виновных лиц, важно, как была организована и проведена осмотр места происшествия, какие методы были использованы. Иными словами, следственные действия, особенно осмотр, непосредственно влияют на раскрытие дела и решение судьбы расследуемого преступления. Следственные действия, особенно осмотр места происшествия, непосредственно влияют на раскрытие дела и определение его судьбы. Эти действия позволяют собрать доказательства, установить обстоятельства преступления и личности преступников, что является ключевым для успешного расследования.

Осмотр представляет собой важное следственное действие, позволяющее определить направление расследования, выдвинуть обоснованные версии, максимально приближенные к произошедшему преступному событию, и сузить круг расследования. Кроме того, результаты осмотра служат основанием для проведения других следственных действий, таких как экспертизы, следственные эксперименты, опознания и допросы [3, с. 14]. Осмотр проводится с целью установления обстоятельств совершенного преступления и других значимых для дела факторов. Обычно он осуществляется после возбуждения уголовного дела, однако в случаях, предусмотренных законом как неотложные и ис-

ключительные, осмотр может быть проведён и до возбуждения уголовного дела. Хотя цели и методология проведения осмотра могут различаться в зависимости от его вида в рамках следственных действий, существуют несколько общих принципов, применимых ко всем типам осмотров. [4, с.257].

Принципы проведения осмотра в рамках следственных действий

Строгособлюдение законности: Все действия при проведении осмотра должны осуществляться в полном соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства, обеспечивая защиту прав и законных интересов всех участников процесса.

Единое руководство проведением осмотра: Осмотр должен проводиться под руководством уполномоченного должностного лица, обеспечивающего координацию действий всех участников и соблюдение установленного порядка.

Своевременное проведение осмотра: Осмотр необходимо проводить без промедления, чтобы зафиксировать обстановку и доказательства в их первоначальном виде, предотвращая их искажение или утрату.

Полнота и объективность осмотра: Осмотр должен быть всесторонним, охватывая все аспекты, имеющие значение для дела, и проводиться беспристрастно, с целью получения достоверной информации.

Широкое использование научно-технических средств: При проведении осмотра следует активно применять современные научные и технические средства, такие как фото- и видеосъёмка, криминалистические инструменты и методы, для повышения эффективности и точности фиксации доказательств.

Проведение осмотра имеет высокую вероятность выявления первичных доказательств, имеющих значение для дела, поэтому следователь сам, используя органы чувств, исследует улики [5, с. 26]. Например, следователь, используя свои органы чувств — зрение, слух, обоняние, осязание и вкус — может непосредственно исследовать обстоятельства происшествия, наличие и признаки доказательств, следов и улик, а также оценить их значение.

При этом следователь не ограничивается только наблюдением, но и проводит измерения, расчёты, сравнения, фиксирует все выявленные факты, визуализирует их и работает с другими вещественными доказательствами, применяя специальные криминалистические методы и технические средства. В законодательстве и практике осмотр классифицируется по нескольким направлениям, в зависимости от его целей и объектов.

В законодательстве и практике осмотр классифицируется по следующим направлениям:

- Осмотр тела человека;
- Осмотр места происшествия;
- Осмотр трупа;
- Осмотр определённого места или территории;
- Осмотр жилого помещения;
- Осмотр документации;
- Осмотр объектов и вещей;
- Осмотр почтовых отправлений и посылок;
- Осмотр транспортного средства;
- Осмотр багажа;
- Осмотр животных.

Осмотр и его виды являются самостоятельными следственными действиями с определённой целью и направленностью, поэтому они обычно проводятся отдельно [6, с. 159].

Осмотр тела человека является ограничением права на личную неприкосновенность, защищённого Конституцией. В ст. 16, ч. 13 Конституции Монголии: «Каждый имеет право на личную свободу и неприкосновенность. Никто не может быть подвергнут обыску, задержанию, аресту, ограничению свободы или преследованию, за исключением случаев, предусмотренных законом. Тайна частной жизни, переписки, жилища и семьи охраняется законом».

В рамках этих регулировок право человека на неприкосновенность и свободу может быть ограничено только в случаях и порядке, предусмотренных законом. Согласно Конституции Монголии, каждый имеет право на личную неприкосновенность, включая неприкосновенность частной жизни, переписки, жилища и семьи. Следовательно, проведение осмотра жилища человека должно осуществляться в соответствии с установленными законом основаниями и процедурами. Следователь проводит осмотр тела человека, вещей, документов, транспортных средств, багажа, животных и места происшествия с целью установления и уточнения обстоятельств преступления и наличия относящихся к делу доказательств. В зависимости от объекта осмотра, виды осмотра имеют свои особенности. Кроме

того, в случае необходимости, например, при сложных или запутанных обстоятельствах, следователь обязан незамедлительно уведомить начальника следственного отдела или прокурора.

1. Первичный осмотр

Это осмотр, проводимый сразу после получения информации о преступлении, или осмотр объекта, который проводится впервые.

2. Повторный осмотр

Проводится, если первичный осмотр был проведён с недостатками или если возникает необходимость в дополнительном осмотре.

3. Дополнительный осмотр

Осуществляется в случае выявления новых обстоятельств, которые требуют проведения осмотра.

При проведении повторных и дополнительных осмотров первоначальное состояние объекта может изменяться, что следует учитывать при проведении таких осмотров.

Осмотр может быть проведён тайно с разрешения прокурора [8, ст. 23.1].

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Китайской Народной Республики (КНР), осмотр является важной частью следственных действий, регулируемых законом. Он может быть проведён только при наличии законных оснований и в строгом соответствии с установленными процедурами.

Основные положения:

Законные основания: Осмотр может быть проведён только при наличии достаточных оснований, свидетельствующих о возможном совершении преступления.

Согласование с прокурором: В большинстве случаев осмотр должен быть санкционирован прокурором, что обеспечивает соблюдение законности и защиту прав граждан.

Процедурные требования: Осмотр проводится в соответствии с установленными законом процедурами, включая составление протокола, уведомление заинтересованных лиц и соблюдение их прав.

Защита прав граждан: Все действия, связанные с осмотром, должны проводиться с уважением к правам граждан, включая право на неприкосновенность личной жизни и жилища.

Настоящий закон принят в соответствии с Конституцией с целью обеспечения правильного применения Уголовного закона, наказания преступлений, защиты народа, обеспечения государственной и общественной безопасности и поддержания социалистического общественного порядка. Уголовно-процессуальный закон Китайской Народной Республики состоит из 5 глав и 290 статей. Положения, касающиеся экспертизы, регулируются главой 4, ст. 126–133. [9, ст. 126]. В соответствии с настоящим законом следователь имеет право проводить осмотр местности, объектов, лиц и тел, связанных с совершённым преступлением, а также осуществлять мероприятия по дознанию и предварительному расследованию. При необходимости он может привлекать специалистов, обладающих специальными знаниями и навыками, либо проводить указанные действия под руководством уполномоченного следователя.

Для осуществления вышеуказанных мероприятий следователь обязан иметь официальное удостоверение, выданное Народной прокуратурой или органами полиции. С целью установления физических характеристик, травм и физиологического состояния потерпевшего или лица, подозреваемого в совершении преступления, следователь вправе проводить медицинский осмотр, снимать отпечатки пальцев, а также брать биологические образцы, такие как кровь и моча. В случае отказа подозреваемого или причастного лица от прохождения осмотра и сдачи биологических образцов, следователь, при наличии достаточных оснований, может осуществить данные процедуры принудительно. Если осмотру подлежит женщина, осмотр должен быть проведён женщиной-сотрудником или женщиной-врачом. Протоколы следственных и осмотровых действий ведутся в установленном порядке, подписываются участниками и свидетелями, и удостоверяются соответствующими печатями.

Однако положения об “Осмотре” в Уголовно-процессуальном законе Монголии изложены в общей сложности в 29 положениях, начиная с ст. 23.1 и заканчивая ст. 23.4 главы 23. Данные положения более подробны и детализированы, включая виды, основания и процедуры проведения экспертизы. Например, закон подробно описывает виды экспертизы, такие как осмотр тела человека, места происшествия и трупа.

В Уголовном процессуальном кодексе Китайской Народной Республики кратко изложены положения об “Осмотре”. Например, в ст. 126 и 127 указано: Следователь проводит расследование и осмотр места преступления, объектов, лиц и тел, связанных с преступлением. В случае необходимости может быть привлечён специалист или назначен для проведения осмотра под руководством следователя. Также указано, что любая организация или физическое лицо обязаны незамедлительно уведомить органы полиции для обеспечения охраны места происшествия и организации расследования.

Таким образом, законодательство регулирует осмотр места преступления, привлечение специалистов, защиту места происшествия и необходимость немедленного уведомления для проведения осмотра.

Одной из особенностей Уголовно-процессуального закона Китайской Народной Республики является то, что любая организация или физическое лицо обязаны незамедлительно уведомить органы полиции для обеспечения охраны места преступления и проведения соответствующих проверок и расследований. Данное положение дополнительно подчеркивает социалистический характер государства и обязывает участие граждан и организаций в процессе.

Уголовно-процессуальный кодекс содержит обобщённые положения, касающиеся расследования и осмотра, что, по мнению автора, не требует более детального регулирования в рамках данного закона, поскольку соответствующие специальные законы и нормативные акты уже содержат более подробные и уточнённые нормы, регулирующие эти вопросы.

Литература

1. Министерство юстиции. Монгольская правовая энциклопедия Улан-Батор, 2021.
2. URL:<https://police.gov.mn/resource/information/File/2024/11/05/dbptv801pe6if5nk/%D0%A1%D0%B0%D0%B9%D1%82%20%D0%93%D0%A5.pdf>
3. Амарбаясгалан Г/, Мунхбат М. Уголовный процесс. Улан-Батор, 2018.
4. Университет внутренних дел. Уголовно-процессуальное право. Улан-Батор, 2021.
5. Криминалистическая тактика (в соавторстве). Улан-Батор, 2001.
6. Бьямбаа Дж., Эрхешулан Дж. Основные вопросы уголовно-процессуального законодательства. Улан-Батор, 2018.
7. Уголовно-процессуальный кодекс 2017 г.
8. Уголовно-процессуальный закон Китайской Народной Республики. 1979 г.
9. 中华人民共和国刑事诉讼法- БНХАУ-ын ЭХХШТХ.1979

Участие прокурора при поддержании гражданского иска в уголовном процессе России и Китайской Народной Республики

© Л. В. Боровинских

студент 2-го курса,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург
lborovinskikh@yandex.ru

В статье рассматриваются нормативно-правовые акты Российской Федерации и Китайской Народной Республики, также дается сравнение положений о гражданском иске в уголовном и гражданском судопроизводстве. Сделаны выводы о необходимых правилах, которым должен следовать прокурор, при поддержании гражданского иска в уголовном процессе. Целью работы является определение статуса прокурора при предъявлении гражданского иска в уголовном процессе в РФ и КНР.

Ключевые слова: гражданский иск в уголовном процессе, статус прокурора в КНР, поддержание гражданского иска, субъект гражданского иска, уголовный процесс КНР, уголовный процесс РФ.

L. V. Borovinskikh

2nd year student,
Saint Petersburg State University,
Russia, Saint Petersburg
lborovinskikh@yandex.ru

The article deals with regulatory legal acts in the People's Republic of China and the Russian Federation, as well as gives the comparison of civil action in criminal and civil procedure. The conclusion says about necessary rules, which a prosecutor should follow while supporting the incidental civil action. The aim of this work is to determine the legal status of the prosecutor in the incidental civil action in Russian federation and Chinese national republic.

Keywords: incidental civil action, prosecutor's status in China, support of civil action, subject of civil action, criminal process in China, criminal process in Russia.

В континентальной правовой системе отношения, складывающиеся вследствие причинения имущественного вреда противоправными действиями лица, рассматриваются в порядке уголовного судопроизводства. Конструкция «соединенного процесса» впервые была законодательно закреплена во Франции (ордонансы 1539 и 1670 гг.) [11, с. 406–410]. В России институт был впервые внесен в Устав уголовного судопроизводства 1864 г., позднее перенесен в УПК РСФСР 1938 и 1960 гг., а в КНР в первой редакции Уголовно-процессуального закона 1979 г. (далее — УПЗ КНР) уже был закреплён гражданский иск, что свидетельствует о преемственности Китая советской традиции. При этом институт гражданского иска в уголовном процессе в Китае до сих пор остается малоизученным, некоторые ученые полагают, что иск является отдельным видом судебного разбирательства внутри уголовного процесса, в подтверждение чему указывается возможность продления сроков разбирательства гражданского иска после вынесения приговора (ст. 104 УПЗ КНР) [8]. Однако нельзя сказать, что иск является абсолютно самостоятельным по отношению к уголовному делу, так как право на заявление гражданского иска исходит из самого правонарушения, и сторона может заявить об иске только в процессе судебного разбирательства. Если же лицо не было признано виновным, гражданский иск автоматически не подлежит удовлетворению, в чем проявляется его акцессорность. Такая смешанная природа не позволяет точно определить, относится ли гражданский иск в уголовном процессе к отдельному виду разбирательства. Российский законодатель также не устанавливает четкие правила для предъявления гражданского иска, они разбросаны по всему кодексу. Для разрешения вопроса о возмещении ущерба судам приходится обращаться к нормам гражданского и гражданско-процессуального законодательства. Чтобы рассмотреть положение прокурора как субъекта при предъявлении гражданского иска, необходимо также провести сравнение с положениями ГПК, выявить сходства и различия.

Лицо, которому преступлением был причинен имущественный или моральный вред, заявляет гражданский иск и становится гражданским истцом в уголовном процессе. Вред имущественный может быть причинен как физическому, так и юридическому лицу, когда как моральный вред только физическому лицу, согласно ст. 151 ГК РФ. В случае если лицо не может самостоятельно осуществ-

лять свои права и обязанности, в защиту их интересов выступает законный представитель или прокурор. Интересы Российской Федерации защищает также прокурор (ст. 44 УПК РФ). В Китае истец может заявлять требование только о возмещении имущественного вреда (ст. 101 УПЗ КНР). В защиту интересов истца могут выступать законные представители потерпевшего или его близкие родственники. Если пострадала государственная или коллективная собственность, то народная прокуратура может заявить о гражданском иске при предъявлении публичного обвинения.

Гражданский иск в уголовном судопроизводстве имеет абстрактный характер [11, с. 417], поэтому не может быть подан по правилам Гражданского процессуального закона, так как не всегда при заявлении об иске известен гражданский ответчик, что исключено в гражданском процессе. Для предъявления иска требуется наличие вреда, причиненного преступлением, и волеизъявление пострадавшего лица, которое оно может выразить в устной или письменной форме. Затем предъявление гражданского иска в России происходит путем вынесения дознавателем, следователем или судом постановления (определения) о признании лица гражданским истцом. Также может быть специальный порядок предъявления — иск прокурора от лица, неспособного себя защищать, или от государства. В таком случае прокурор не становится гражданским истцом, а является либо «процессуальным истцом» [11, с. 420], либо представителем государства. Китайский законодатель не конкретизирует форму, в которой иск должен быть подан, используя термин «提起» (tǐqǐ), что переводится как «подать (жалобу)», «возбудить (судебное дело)», согласно Большому китайско-русскому словарю, поэтому можно сделать вывод о том, что в китайском процессе также важно волеизъявление пострадавшей стороны, выраженное в исковой форме. При этом для облегчения экономического бремени при подаче гражданского иска в уголовном процессе пошлина не взимается, когда как в гражданском процессе она есть [14, с. 194]. Прокурор так же, как и в российском процессе подает иск одновременно с предъявлением государственного обвинения.

В российском уголовном процессе гражданский иск может быть предъявлен только после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве в суде первой инстанции. В этом проявляется акцессорная теория гражданского иска, который «следует» за уголовным делом и не может быть рассмотрен вне его, поэтому и возможность подачи гражданского иска заканчивается на стадии окончания судебного следствия, так как именно на этом этапе происходит процесс доказывания. Предъявление гражданского иска после судебного следствия означало бы, что суд будет рассматривать гражданский иск без исследования доказательств, что нарушает принцип всестороннего, полного и объективного рассмотрения дела. При вынесении приговора разрешается вопрос об удовлетворении гражданского иска (п. 10 ч. 1 ст. 299 УПК РФ), поэтому рассмотрение иска после вынесения приговора невозможно. Уголовно-процессуальный закон Китая предусматривает возможность рассмотрения гражданского иска уже после вынесения приговора в целях процессуальной экономии (ст. 104 УПЗ КНР). Китайский законодатель также установил возможность суда провести медиацию, то есть побудить стороны заключить мировое соглашение. Возможность проведения медиации была введена в Закон после поправок 2012 г., таким образом, закрепляя укоренившееся в сознании китайцев нежелание судебных разбирательств. Считается, что подавать иски постыдно, это крайняя мера урегулирования конфликта, что и отражено в УПЗ. Судебная медиация — процедура, предусмотренная Гражданско-процессуальным кодексом Китая, направленная на достижение соглашения между сторонами, основанного на их волеизъявлении.

Таким образом, можно выделить некоторые сходства в процессе предъявления иска в уголовном и гражданском судопроизводстве в РФ и КНР:

- Истцом выступает лицо, обладающее необходимыми гражданско-правовыми характеристиками субъекта. Если лицо, пострадавшее от преступления, ими не обладает, оно имеет право на законного представителя, а также любое лицо имеет право на своего представителя по доверенности;

- Включение процедуры медиации в УПЗ КНР свидетельствует о том, что гражданский иск в уголовном процессе может перенять некоторые особенности гражданского судопроизводства.

Тем не менее есть некоторые отличия, которые не позволяют подменить уголовный процесс гражданским:

- Абстрактность гражданского иска, которая выражается в возможности предъявления иска в том случае, если ответчик еще неизвестен;

- К форме иска не предъявляются конкретных требований, волеизъявление может быть выражено как в устной, так и в письменной форме, и в дальнейшем оно оформляется должностным лицом;

- Акцессорность гражданского иска имеет свои особенности в Китае, так как, согласно УПЗ, гражданский иск может быть рассмотрен после разрешения уголовного дела, чтобы не затягивать процесс.

Для определения статуса прокурора при предъявлении гражданского иска в уголовном процессе необходимо помнить об упомянутых выше различиях в гражданском и уголовном процессе, при этом для необходимости восполнения пробелов в законе можно обращаться к гражданскому законодательству в той части, где оно не противоречит правилам уголовного судопроизводства. Участвуя в уголовном процессе, прокурор может как самостоятельно подать иск, когда были нарушены интересы государства, так и выступить представителем гражданского истца, когда это необходимо. Такая поддержка гражданских истцов прокурором выступает как дополнительная гарантия доступа к правосудию.

В Китае право народного прокурора поддержать гражданский иск в уголовном процессе исходит из его права на подачу «иска в защиту общественных интересов», закрепленного в п. 4 ст. 20 Закона КНР «О народной прокуратуре», появившегося в законе после поправок 2018 г. Общественный интерес возникает тогда, когда некоторые социальные группы, такие как несовершеннолетние, пожилые люди, женщины чаще всего бывают дискриминированы и не могут обеспечить себя должной защитой. Гражданские истцы не обладают правом на получение бесплатного государственного защитника, поэтому поддержкой их может обеспечить прокурор. Вместе с тем эта поддержка ограничена процессуальным статусом прокурора: он не может стать представителем истца, так как является государственным обвинителем и выполняет функции по надзору, а иногда и расследованию уголовного дела, соответственно, он должен соблюдать определенный баланс при осуществлении функции надзора и поддержки гражданского иска в уголовном процессе.

В российском процессе прокурор также выступает государственным обвинителем, выполняет функцию надзора и обеспечивает поддержку гражданских истцов, если они являются несовершеннолетними или признаны недееспособными, а также не могут сами защищать свои интересы по иным причинам (ч. 3 ст. 44 УПК РФ). Прокурор в России не наделен широкими полномочиями по расследованию уголовного дела, как в Китае, но он также должен сохранять определенный баланс при поддержании иска.

Процессуальное положение прокурора при поддержании гражданского иска в Китае не определено достаточно четко из-за того, что прокурор выступает самостоятельным субъектом и не может быть отнесен к представителю гражданского истца, так как не замещает его в процессе, а является дополнительной поддержкой. Его задачей является оказать любую поддержку, требуемую для истца, в некоторых случаях он даже должен провести беседу с истцом, чтобы настроить его морально на подачу иска. Процессуальное положение прокурора при поддержании гражданского иска в российском судопроизводстве не отличается от положения гражданского истца или его представителя, о чем свидетельствует Постановление Верховного суда РФ N 23 от 13.10.2020. Бремя доказывания лежит на государственном обвинителе, так как входит в предмет доказывания при собирании доказательств, при этом гражданский истец должен сам подтвердить наличие имущественного вреда, выходящего за рамки предъявленного обвинения. Бремя доказывания вреда, тесно связанного с личностью самого истца и его расходами, понесенными из-за преступления, лежит только на гражданском истце. В российском процессе преобладает ориентированность на материально выраженную поддержку, а китайский законодатель часто предпочитает использовать оценочные понятия, из-за чего сложно сказать точно, в чем состоит весь функционал прокурора в процессе.

Правом на получение поддержки обладают не все группы людей, а только те, кто действительно не в состоянии себе ее обеспечить. Прокурор перед оказанием поддержки должен оценить положение истца, оценить ее суть и необходимость. Прокурор имеет право отказать в поддержке или может перенаправить запрос на поддержку в другую организацию, к чьей специализации это больше относится. К группам людей, которым традиционно необходима поддержка, относят пожилых, несовершеннолетних, женщин. Можно к ним также отнести особую группу в Китае — крестьяне и сельские жители. Они отличаются более низким уровнем грамотности, качества жизни и финансовой возможности. Скорее всего если истец относится к одной из этих категорий, то у него есть больше шансов получить прокурорскую поддержку. В российском процессе категории людей, которые имеют право получить поддержку определены законодателем в УПК. К ним относятся: несовершеннолетние, лица, признанные недееспособными либо ограниченно дееспособными, лица, которые по иным причинам не могут сами защищать свои права и законные интересы (ч. 3 ст. 44 УПК РФ). Последняя категория требует оценки на предмет необходимости оказания им прокурорской поддержки, что значит, что у прокурора есть возможность отказаться. Отказать в поддержке другим перечисленным группам прокурор не вправе. Обжаловать такой отказ можно по ст. 125 УПК РФ, если он затруднил доступ заявителя к правосудию.

В Китае существуют различные Всекитайские федерации, такие как федерация профсоюзов, федерация женщин, федерация молодежи, которые обладают широким спектром возможностей, для

обеспечения правами защищаемых ими групп. Поэтому в некоторых случаях прокуроры могут перенаправить запросы заявителей о поддержке в соответствующую федерацию. Также если необходимая поддержка состоит в оказании юридической консультации, с которой может справиться рядовой специалист в юридической компании, то прокурор должен сначала рассказать о возможности обратиться в такую компанию. В российском гражданском процессе различные объединения обладают правом на обращение в суд в защиту интересов третьих лиц. Эти объединения могут выступать в качестве представителя по доверенности от лица истца, который обладает правом на представителя, согласно п. 8 ч. 4 ст. 44 УПК РФ. От лица несовершеннолетних или ограниченных в дееспособности выступает их законный представитель. Таким образом, у упомянутых выше категорий в китайском и российском уголовном процессе есть достаточно возможностей, помимо обращения к прокурору, для получения поддержки.

Прокурор, участвуя в процессе от лица гражданского истца, должен соблюдать определенные правила:

1. Сохранять равенство прав сторон процесса, так как поддержка прокурором гражданского истца не означает умаление прав ответчика;
2. Не оказывать «абсолютную поддержку», не заявлять больше требований, чем того хотел истец;
3. Не настаивать на подаче иска истцом, так как прокурор только обеспечивает условия для реализации права истца;
4. Поддерживать только тех истцов, которым это действительно необходимо.

Таким образом, статус прокурора в гражданском иске в уголовном процессе является особым как для России, так и для Китая. С одной стороны, прокурор обладает теми же правами, что и гражданские истцы, так как ограничение прав прокурора способствовало бы ограничению прав защищаемых им лиц. С другой стороны, прокурор является субъектом уголовного судопроизводства, выполняет различные функции по надзору, расследованию и предъявлению обвинения, поэтому его участие в рассмотрении гражданского иска должно быть ограниченным, чтобы сам процесс был справедливым. В первую очередь эти ограничения должны быть надлежащим образом восприняты самим прокурором, чтобы избежать злоупотребления полномочиями. Этот вопрос является актуальным больше всего для Китайской Народной Республики, так как правоприменители чаще должны прибегать к собственным убеждениям и суждению, потому что законодатель использует расплывчатые формулировки. Однако, в целом, нет никаких препятствий для участия прокурора в гражданском иске в уголовном процессе обеих стран с учетом всех особенностей.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: основной закон [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с посл. изм. и доп.)]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 N 51-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14.11.2002 N 138-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
5. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17.01.1992 N 2202-1 (с посл. изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.
6. О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу: постановление Пленума Верхов. суда Рос. Федерации от 13 октября 2020 N 23 // Бюллетень Верхов. суда Рос. Федерации. 2020. N 12.
7. Конституция Китайской Народной Республики: принята на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва 4 дек. 1982 г. // 5-я сессии Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва. 1982. 4 дек. (ред. от 11.03.2018). URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%9A%D0%9D%D0%A0_\(1982\)/%D0%A0%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F_11.03.2018](https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%9A%D0%9D%D0%A0_(1982)/%D0%A0%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F_11.03.2018) (дата обращения: 06.04.2025)
8. Уголовно-процессуальный закон Китайской Народной Республики: федер. закон от 01.04.1979 // 2-я сессии Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва. 1979. 1 апр. (ред. 26.10.2018). URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/criminal-procedure-law-2018/> (дата обращения: 06.04.2025).

9. О народной прокуратуре Китайской Народной Республики: закон от 28.02.1995 // Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей. 1995. 28 фев. (ред. 26.10.2018). URL: https://pureportal.spbu.ru/files/101346665/Prokuratura_China_blok_11.pdf (дата обращения: 06.04.2025)
10. Артамонов И. В. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона — XII: материалы ежегодной международной молодежной научно-практической конференции (Улан-Удэ, 16 апреля 2021 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та им. Д. Банзарова, 2021. С. 80–82.
11. Головкин Л. В. Курс уголовного процесса. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Статут, 2021. 1327 с.
12. Кузнецова А. А. Деятельность Всекитайской федерации женщин по защите прав женщин и детей // Актуальные проблемы гуманитарных наук: труды XII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 3–6 апреля 2013 г.) / Национальный исследовательский Томский политехнический университет. Томск: Изд-во Национ. исслед. Томского политех. ун-та, 2013. С. 324–326.
13. Козубенко Ю. В. Вопросы уголовного судопроизводства КНР // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2011. № 3. С. 5–33.
14. Козубенко Ю. В. Уголовное судопроизводство в КНР и США // Российский юридический журнал. 2011. № 3(78). С. 191–196.
15. Hu Sibao. 检察机关支持民事公益诉讼的程序设计 (英文) / пер. Li Yan // China Legal Science, 2023. N 2. С. 71–95.

Уголовно-правовая оценка ятрогенных преступлений: опыт стран Азии

© Н. В. Бураев

магистрант 2-го года обучения,
Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
Buraevnv@gmail.ru

В статье рассматривается понятие ятрогенных преступлений и анализ их основных принципов. Рассматривается правовое регулирование ятрогенных преступлений в странах Азии, в частности Казахстане и Армении. Освещены современные проблемы регулирования ятрогенных преступлений в России, а также возможности использования зарубежного опыта

Ключевые слова: ятрогенные преступления, медицинский работник, медицинская помощь, уголовная ответственность.

N. V. Buraev

master's student 2nd year of study,
Buryat State University named after D. Banzarova
Russia, Ulan-Ude
Buraevnv@gmail.ru

The article examines the concept of iatrogenic crimes and analyzes their basic principles. It examines the legal regulation of iatrogenic crimes in Asian countries, in particular Kazakhstan and Armenia. It highlights modern problems of regulating iatrogenic crimes in Russia, as well as the possibilities of using foreign experience.

Keywords: iatrogenic crimes, medical worker, medical care, criminal liability.

Ятрогенные преступления в Азии, так и в России не являются составами преступлений, выделенными в отдельную категорию на законодательном уровне. Эти преступления были выделены в правовой науке в связи со своей спецификой и отдельными выделенными признаками. Само понятие «ятрогенные преступления» на сегодняшний день является открытым вопросом как в российском уголовном праве, так и правовой науке. Но, как говорилось ранее, возможно установить признаки, выделяемые большинством учёных. К таким признакам, относится как специальный субъект — медицинский работник, так и объект — жизнь и здоровье человека. Мы считаем определение С. В. Замалеевой наиболее полным и раскрывающим содержание понятия: ятрогенное преступление — это виновное нарушение правил и (или) стандартов оказания медицинской помощи, совершенное физическим лицом, имеющим юридический статус медицинского работника, в процессе исполнения им своих профессиональных обязанностей, причинившее смерть или вред здоровью пациента или создавшее угрозу причинения таких последствий [4]. Далее будем определять составы ятрогенных преступлений исходя из этого определения.

В первую очередь это составы преступлений, которые в общем можно охарактеризовать как неоказание медицинской помощи лицу, либо его ненадлежащее оказание. Эти составы есть во многих бывших постсоветских странах, как отмечают Р. Б. Иванченко и В. А. Заряев [6], таких как Казахстан и Армения, где есть отдельные статьи с составами преступлений, а в случае с Казахстаном — целая глава, посвящённая медицинским преступлениям, в которых указаны медицинские работники как специальный субъект. Так, в ст. 317 Уголовного кодекса Казахстана установлены последствия для медицинского и фармацевтического работника при невыполнении, ненадлежащем выполнении профессиональных обязанностей, повлёкшим по неосторожности вред или смерть человека или нескольких лиц [1]. Аналогичная статья присутствует в Уголовном кодексе Армении, однако, там уже предусматривается ответственность только за причинение вреда или смерти только одному человеку [2]. Скорее всего, установление подобной статьи в этих государствах связано с принятием Модельного Уголовного кодекса стран СНГ в 1996 г. на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств, где подобная статья носила рекомендательный характер, учитывая, что подобные статьи присутствуют у Беларуси и Украины. Также в Уголовном кодексе Казахстана в главе 12 устанавливающим медицинские правонарушения, где есть составы преступлений, в которых нет специального субъекта — медицинского работника. К таким составам относятся:

- незаконное проведение искусственного прерывания беременности (ст. 319);
- незаконная медицинская и фармацевтическая деятельность и незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст. 322);
- обращение с фальсифицированными лекарственными средствами или медицинскими изделиями (ст. 323) [1].

Эти составы преступлений, по нашему мнению, не являются ятрогенными, ведь субъект должен быть всегда специальным, так как предполагает нарушение лицом требований и предписаний, которые должен соблюдать медицинский работник при выполнении своих профессиональных функций. Можно считать, что законодатель Казахстана расширил главу преступлениями, именно медицинского характера, нежели ятрогенными.

По Уголовному кодексу Казахстана, также предусматривается ответственность за Незаконное проведение искусственного прерывания беременности (ст 319), только в отличие от российского аналога, где Незаконное проведение искусственного прерывания беременности может провести только лицо не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля, в Казахстане предусматривается дополнительная ответственность, если лицо имеет соответствующее медицинское образование. Это пункт, как мы считаем, выделяет обязательство врачей следовать предписаниям и требованиям порядка проведения подобных процедур и более полно раскрывает преступления, связанные с искусственным прерыванием беременности.

Интересен, также факт, что в новом Уголовном кодексе Республики Армения, предусмотрена уголовная ответственность за новые ятрогенные преступления, среди которых евгеника и клонирование. Хотя данный вопрос также является спорным, но мы можем считать, что это является медицинской помощью. Эти процедуры не несут непосредственной опасности жизни и здоровью человека, но имеют риски дальнейшего развития через неэтичные эксперименты. Однако, очевидно, что эти статьи не имеют современной практики и поэтому рассматривать их эффективность невозможно. Мы можем только видеть в этом профилактический фактор дельнейших преступлений.

В России и Азербайджане в противовес подобные преступления рассматриваются в общих нормах. Тем не менее, заражение лица ВИЧ-инфекцией в последствии ненадлежащего профессионального вмешательства являетсяотягчающим условием, при этом не указывается специальный субъект, то есть, медицинский работник, напрямую. Это явное упущение законодателя, что значимо для дальнейшей классификации ятрогенных преступлений. Подобная проблема в России была исправлена недавно. Связана с применением ст. 238 Уголовного кодекса РФ в части оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности. С этого года по ней больше не привлекаются медицинские работники, что, по нашему мнению, является благоприятным признаком устранения пробелов в законодательстве, где идентичные составы преступлений классифицировались по разным статьям, в частности с причинением смерти по неосторожности и причинения вреда по неосторожности. Однако, по нашему мнению, вопрос недостаточно решён в части дополнительной ответственности врачей за нарушение предписаний и требований оказания медицинской помощи. Отвернуться от того, что медицинские работники несут дополнительные риски невозможно, а в дальнейшем с развитием технологий в сфере медицины они будут возрастать. Поэтому, нужно использовать опыт иных стран, что уже определили проблему и возможные пути ее решения.

Литература

1. Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗПК (с изменениями и дополнениями по состоянию на 05.04.2025 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252. (дата обращения: 15.04.2025)
2. Уголовный кодекс Республики Армения от 5 мая 2021 г. № НО-199-N (с изменениями и дополнениями по состоянию на 23.12.2022 г.). URL: <https://hrlib.kz/document/176585> (дата обращения: 15.04.2025).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от [13.06.1996 N 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Аделина А. С., Наира Ю. З. Особенности законодательной регламентации ятрогенных преступлений в контексте нового Уголовного кодекса РА Республики Армения // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. № 2(22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-zakonodatelnoy-reglamentatsii-yatrogennyh-prestupleniy-v-kontekste-novogo-ugolovnogogo-kodeksa-ra-respubliki-armeniya> (дата обращения: 15.04.2025)

5. Воеводкин Д. В., Муканбеткалиев А. А. О некоторых вопросах расследования уголовных правонарушений в сфере медицинского обслуживания населения (по законодательству Республики Казахстан) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3(35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-voprosah-rassledovaniya-ugolovnyh-pravonarusheniy-v-sfere-meditsinskogo-obsluzhivaniya-naseleniya-po-zakonodatelstvu> (дата обращения: 15.04.2025)
6. Иванченко Р. Б., Заряев В. А. Уголовно-правовой анализ ятрогенных преступлений и практика применения норм уголовного законодательства об ответственности за их совершение // Правосудие. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovoy-analiz-yatrogennyh-prestupleniy-i-praktika-primeneniya-norm-ugolovnogo-zakonodatelstva-ob-otvetstvennosti-za-ih> (дата обращения: 15.04.2025)
7. Ищенко Д. П., Сорокун Н. С., Николаев Н. Ю. К вопросу об общественной опасности ятрогенных преступлений // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-obschestvennoy-opasnosti-yatrogennyh-prestupleniy> (дата обращения: 15.04.2025)
8. Мазур Е. С., Ахмедшин Р. Л., Александрова Я. Д. Криминалистическая характеристика ятрогенных преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-harakteristika-yatrogennyh-prestupleniy> (дата обращения: 15.04.2025)
9. Передерий В. А., Голодный А. Н. Проблемы применения уголовного законодательства России за ненадлежащее оказание медицинских услуг // Право: история и современность. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-ugolovnogo-zakonodatelstva-rossii-za-nenadlezhashee-okazanie-meditsinskih-uslug> (дата обращения: 20.04.2025)
10. Полковникова В. С., Егоров О. Н. Проблемы квалификации ятрогенных преступлений по субъекту и субъективной стороне // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2022. № 4(20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-yatrogennyh-prestupleniy-po-subektu-i-subektivnoy-storone> (дата обращения: 15.04.2025)
11. Рыбакова Т. И. Ятрогенные преступления: понятие, сущность, законодательное регулирование // Вопросы российской юстиции. 2023. № 26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yatrogennye-prestupleniya-ponyatie-suschnost-zakonodatelnoe-regulirovanie> (дата обращения: 15.04.2025)
12. Сучкова Т. Е., Семенов А. В. О юридической ответственности медицинских работников при совершении ими профессиональных правонарушений // Вестник ВятГУ. 2011. № 2-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-yuridicheskoy-otvetstvennosti-meditsinskih-rabotnikov-pri-sovershenii-imi-professionalnyh-pravonarusheniy> (дата обращения: 15.04.2025)
13. Улезько С. И. Понятие ятрогенных преступлений // Общество и право. 2018. № 2(64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-yatrogennyh-prestupleniy> (дата обращения: 15.04.2025)

Examining participants in criminal justice from the perspective of methodological individualism

© Darkhanbold Olonbold

LL.M.,
National University of Mongolia
School of Law
Public Law Department
Mongolia, Ulaanbaatar
darkhanbold@num.edu.mn

This article examines the legal participants in Mongolia's criminal procedure from the perspective of methodological individualism. Moving beyond formal legal definitions, it explores how individual motivations and interests influence procedural conduct. Using police investigators as a case study, the article highlights how institutional incentives—such as rank promotion—can be better aligned with the goals of efficient, rights-based justice. The study concludes with recommendations for refining legal mechanisms to reflect the human element in criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure, methodological individualism, legal actors, incentives, police investigation, legal reform, Mongolia

Дарханболд Олонболд

магистр права,
Национальный университет Монголии
Юридический факультет, кафедра публичного права
Монголия, г. Улан-Батор
darkhanbold@num.edu.mn

В статье рассматриваются участники уголовного процесса Монголии с точки зрения методологического индивидуализма. Отходя от формальных юридических определений, автор анализирует, как личные мотивации и интересы влияют на поведение субъектов в процессе. На примере следователей полиции показано, как институциональные стимулы, такие как присвоение званий, могут быть лучше согласованы с целями эффективного и правозащитного уголовного судопроизводства. В завершение представлены рекомендации по совершенствованию правовых механизмов с учетом человеческого фактора.

Ключевые слова: уголовный процесс, методологический индивидуализм, правовые субъекты, стимулы, полицейское расследование, правовая реформа, Монголия

I. INTRODUCTION

According to Article 1.1 of the Criminal Procedure Law of Mongolia, criminal proceedings aim to: promptly and thoroughly detect criminal offenses, identify the individual or legal entity that committed the crime, impose a fair sentence, ensure that no one is considered guilty of a crime without proper justification, protect human rights and legitimate interests, and restore violated rights.¹

These objectives can be grouped into five essential components. Taken as a whole, they reflect, on the one hand, the goal of detecting crimes and, on the other hand, the imperative of doing so without violating human rights. These objectives inherently carry the risk of being substituted for one another—for instance, in attempting to meet the goal of crime detection, there is a potential risk of infringing upon human rights. However, if the limitations on human rights defined by the Constitution or justified under broader legal grounds are narrowly interpreted as violations of human rights, the objective of detecting crimes may remain unfulfilled. This may ultimately result in the state being unable to fulfill its obligations toward citizens, leading to irreparable consequences. Therefore, it is legally permissible to restrict certain rights within the framework of legitimate public interest. Nevertheless, ensuring that such restrictions are not excessive constitutes one of the core objectives of criminal procedure.²

Establishing the interrelation and maintaining the balance between the objectives of protecting human rights and detecting criminal offenses is a core element of criminal procedure. Accordingly, it is evident that

¹ Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. 156 p.

² Constitution of Mongolia. Ulaanbaatar, 2020. Article 19.

the provisions of Mongolia's Criminal Procedure Law are directed toward achieving this balance. For example, Article 1.7 of the Criminal Procedure Law states: "The investigator and prosecutor are obliged to establish the facts of the case based on a full, impartial, and objective examination and verification of the evidence."¹ On the other hand, the procedural law may also be understood as a normative framework that regulates the relationships among participants in criminal proceedings. This is because all of its provisions are not only directed toward achieving the goals of crime detection and the protection of human rights but also stipulate the rights and duties of the participants involved. Therefore, it can be concluded that a detailed study and analysis of the participants in criminal proceedings offers an opportunity to improve and refine the criminal procedural legal system as a whole.

Based on the provisions of the Criminal Procedure Law of Mongolia, the participants in the criminal procedure system include the court, prosecutor, investigator, defense counsel, accused, suspect, victim, witness, and expert.² This categorization does not significantly differ from the generally accepted understanding in international practice. These participants are identified and referred to by their standard legal designations, which have been widely used and conceptually recognized within legal scholarship. As previously mentioned, all provisions of the Criminal Procedure Law are aimed at fulfilling the objectives established by the law. Moreover, the law defines the rights and duties of each participant in the process. From this, it can be concluded that all actions and conduct of participants within the legal framework of criminal procedure must align with and serve the objectives of the Criminal Procedure Law.

If all actions and conduct of participants in criminal procedure are to serve the objectives set by the relevant law, then it is insufficient to define these subjects solely through legal definitions. Considering criminal procedure participants only within the confines of their legal descriptions leads to a stagnant development of legal thought, limited to the existing framework of the law.³ This is because legal definitions are inherently constructed to serve the very objectives of the law itself. In short, it is akin to defining something by itself—for example, stating «2 = 2» provides no analytical insight, whereas expressing it as «1 + 1 = 2» offers a breakdown that enables deeper understanding. To fully understand «2», one must first define «1». This analytical approach allows for deeper insight into the concept, and such depth opens the way for meaningful and productive improvements. Therefore, this article proposes to examine participants in criminal proceedings not merely based on their legal definitions, but through the lens of their identity as human beings—and, based on that foundation, to put forward suggestions for improving the criminal procedure law in alignment with its core objectives.

II. LEGAL STATUS OF PARTICIPANTS

Article 1.4 of the Criminal Procedure Law of Mongolia contains definitions of legal terms, including the legal definition of each participant in the proceedings.⁴ Scholars have classified these participants into two main categories: "implementing actors" and "other participants." The implementing actors of criminal procedure include the court, prosecutor, investigative bodies, heads of investigative bodies, defense counsel, accused, suspect, victim, civil claimant, and civil respondent. The other participants in criminal proceedings include the expert, specialist, witness, neutral witness, translator, interpreter, and legal representative.

1. Implementing Actors in Criminal Procedure

a) The Court

In criminal procedural law, the court's function is an expression of independent authority that does not require reliance on the case file prepared by the investigative body or the prosecutor's indictment. At the trial stage, the primary court hearing determines whether the accused is guilty of committing the crime, and if so, imposes the corresponding criminal liability under the Criminal Code. At the appeal stage, the court reviews complaints or objections filed by the parties in relation to the actions and decisions of the first-instance court and determines their validity. At the cassation (oversight) stage, the court examines whether the Criminal Code has been correctly applied and whether any serious violations of the Criminal Procedure Law occurred during the handling of the case, based on complaints or objections filed.⁵

¹ Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 1.7.

² Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 1.4.

³ Kelsen, H. *Pure Theory of Law*. Berkeley: University of California Press, 1967. 356 p.

⁴ Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 1.4.

⁵ Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Chapters 10, 15, 17.

b) The Prosecutor

According to Article 4.1, paragraph 1 of the Criminal Procedure Law, the prosecutor exercises oversight over inquiry, investigation, and sentence enforcement and acts as the public prosecutor at court proceedings on behalf of the state.¹ In overseeing all investigative activities as stipulated by the Criminal Procedure Law, the prosecutor is responsible for:

- receiving and reviewing complaints and information indicating signs of a crime,
- deciding whether to open or close an inquiry case,
- transferring the case according to jurisdiction,
- initiating a criminal case and bringing charges, and
- strictly adhering to the procedural time limits and requirements set forth by law in a non-formalized manner.

c) Investigative Bodies

Investigative bodies refer to the entities designated under the Criminal Procedure Law to conduct inquiry and investigation. These include the General Intelligence Agency, the Independent Authority Against Corruption, and the Police Department. The classification of cases subject to their jurisdiction is specified in Article 6.1 of the Criminal Procedure Law.² Each agency is responsible for investigating the criminal offenses assigned to it by law. Both the investigator and the head of the investigative body are bound to follow the procedures established by the law, and each entity has distinct rights and responsibilities defined by their institutional roles.

d) Defense Counsel (Lawyer)

Under the current Criminal Procedure Law, the defense counsel is listed in Part 2, Chapter 5 among the “implementing actors in criminal procedure,” alongside the court, prosecutor, and investigative bodies.³ This legal classification—placing the defense counsel in parallel with official state authorities—cannot be viewed as coincidental. Rather, it reflects the fact that defense is not merely a procedural function but a core constitutional safeguard for the protection of human rights and freedoms. The role of the defense counsel is to protect the legitimate rights and interests of others by exercising professional legal judgment and ethical responsibility. In doing so, the defense must always uphold the principles of law and professional ethics, and comply with all provisions of the Criminal Procedure Law throughout the proceedings.

e) The Accused (Yallagdagch)

An individual who has been informed of a resolution to bring charges in a criminal case is considered an accused.⁴ Once charges are formally filed, the phase known as pre-trial investigation begins. However, the initiation of criminal charges does not mean that the person is necessarily guilty. In many instances during the investigation or trial phases, the charges against an accused are dismissed.

f) The Suspect (Sejigten)

An individual who has been informed of a resolution to bring charges in a criminal case is referred to as an accused. The filing of such charges marks the beginning of the stage known as investigation within the criminal procedure. However, being formally charged does not mean that the accused has entered a phase where guilt is presumed or determined. In many cases, the criminal offense attributed to the accused is later dismissed either during the investigation or trial stages. A suspect, on the other hand, is a participant in criminal proceedings who holds a temporary procedural status. According to the Criminal Procedure Law, a person is considered a suspect if they have been detained or summoned for the purpose of being informed of a decision to bring charges.⁵ The arrest of a suspect may occur either with or without prosecutorial

¹ Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 4.1, para. 1.

² Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 6.1.

³ Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Part 2, Chapter 5.

⁴ Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 1.4.

⁵ Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 1.4.

authorization, depending on the circumstances. The legal grounds for arrest are set forth in Article 31.4 of the Criminal Procedure Law, which include: failure to appear without valid reason when summoned to be informed of the charges, refusal to receive the official notice, attempting to flee, having reasonable grounds to believe the suspect may endanger the life or health of others, likelihood of committing another crime, efforts to complete a crime, or the potential destruction, alteration, or falsification of evidence.¹ In these cases, arrest may be carried out with the prior approval of a prosecutor. Nevertheless, arrest without prior approval is also permitted in certain situations—such as when the person is caught in the act of committing a crime, in urgent circumstances, when a victim or witness directly identifies the individual as the perpetrator, or when traces of the crime are found on the suspect’s clothing, body, residence, belongings, or vehicle.

g) The Victim

A victim is defined as an individual or legal entity that has suffered loss of life, harm to health, infringement of rights or freedoms, damage to property, or non-material harm as a result of a criminal offense. The status of victim is established through a formal decision issued by the investigator, prosecutor, or court.²

h) The Civil Claimant

A civil claimant is an individual or legal entity that has suffered material or non-material damage as a consequence of a criminal offense and seeks compensation for that harm. The status of civil claimant is granted by a decision of the investigator, prosecutor, or judge, and such a decision may be initiated by the prosecutor. The civil claimant must be the direct victim of the harm caused by the criminal act.³

i) The Civil Respondent

While the primary responsibility for compensating harm caused by a criminal offense lies with the perpetrator, a person may also be designated as a civil respondent. This designation is made by decision of the investigator, prosecutor, or court, regardless of the respondent’s own request or consent. A civil respondent may include the parents, guardians, or legal representatives of a juvenile accused, as well as any individual or legal entity legally obligated to compensate for the material or non-material damage resulting from the crime.⁴

2. Other participants in criminal proceedings

a) Expert

An expert is a specialist invited to participate in criminal proceedings when the resolution of specific professional questions requires specialized knowledge in science, technology, the arts, or craftsmanship, or when it is necessary to determine the value of property. According to the Criminal Procedure Law, an expert must be formally appointed in accordance with legal procedures and must possess the special knowledge required to provide a professional opinion.⁵ The questions posed to the expert and the conclusions given must not exceed the limits of the expert’s qualifications or competence. The expert provides conclusions in their own name, based on the analysis conducted, and is personally responsible for their findings. When summoned, the expert is obliged to appear and provide a substantiated response to the questions presented.

b) Specialist

A specialist may be involved in a criminal case by decision of the court, prosecutor, or investigator when it is necessary to detect, preserve, or secure physical evidence or traces, to assist in the use of technical tools or equipment, or to provide support during investigative procedures or court hearings. A specialist may also

¹ Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 31.4.

² Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 1.4.

³ Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 1.4.

⁴ Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 1.4.

⁵ Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 1.4; Chapter 8.

be called upon to neutralize explosive, toxic chemical, or other hazardous substances that could pose a threat to human life, health, or the environment, or to offer expert advice. The specialist must possess special knowledge and practical experience relevant to the case and must not have a personal interest in the outcome of the proceedings.¹

c) Witness

A witness is any person who possesses knowledge of facts or circumstances relevant to the resolution of a criminal case and may therefore be summoned to participate in the proceedings in that capacity. This definition is notable in that it does not include the traditionally used qualifier in Mongolian criminal procedure—“a person not involved in the case”—thus broadening the scope of who may be considered a witness. The decision to summon a person as a witness lies with the investigator, prosecutor, or court, but the motions and requests made by other participants in the proceedings, particularly the accused, victim, or their legal representatives, must not be ignored. Witness testimony constitutes one of the most common and substantive forms of evidence, often serving as a reliable foundation for establishing the factual circumstances of the case.²

d) Neutral witness

A neutral witness is required to be present during certain investigative procedures, such as searches, inspections, and the seizure of items, as stipulated by the relevant provisions of the Criminal Procedure Law. At least two neutral witnesses must be involved in such procedures. These individuals must be adults with no personal interest in the case. By participating in a specific investigative action, the neutral witness is able to verify how the procedure was conducted and confirm its outcomes, thereby contributing to the transparency and reliability of the process.³

e) Translator, and Interpreter

In Mongolia, the term «translation» has traditionally encompassed both written translation and oral interpretation. Under the current law, a translator is appointed by a competent official responsible for preparing procedural documents and entering them into the case file. The translator performs certified translations and supports the documentation of proceedings in the Mongolian language. In contrast, an interpreter assists individuals who are visually impaired, mute, or deaf by facilitating communication during the procedure through sign language or other special means, thereby ensuring the protection of their rights and interests.⁴

f) Legal representative

A legal representative may be appointed by the investigator or prosecutor in cases involving a juvenile suspect, accused, or defendant, or a victim under the age of eighteen. Legal representatives may include biological or adoptive parents, guardians, or caretakers. For victims who are deceased or unable to express their will due to mental or health-related conditions, a legal representative may be a spouse, parent, guardian, or custodian. In the absence of a suitable legal representative for a minor, or in cases involving a conflict of interest, a designated official from the state agency responsible for child welfare may be appointed to serve in that capacity.⁵

III. EXAMINING THE LEGAL SUBJECTS OF CRIMINAL PROCEDURE THROUGH METHODOLOGICAL INDIVIDUALISM

1. Overview of Mutual Dependence

Participants in criminal procedural legal relations can generally be categorized into three broad groups: the suspect, who is presumed to have possibly committed a criminal offense; the victim, who is presumed to

¹ Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 1.4; Chapter 9.

² Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 1.4; Chapter 10.

³ Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 1.4; Chapters 11.

⁴ Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 1.4; Chapters 12.

⁵ Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 1.4; Chapters 12.

have suffered harm as a result of the offense; and the implementing actors, who bear the responsibility of uncovering the offense and ensuring the fair application of criminal justice. While these participants can be classified according to their procedural roles, they may also be viewed more broadly as legal subjects who, at the same time, are human beings—individuals acting within a legal framework, yet driven by personal experiences, motivations, and limitations.¹

If we set aside the legal definitions of participants in criminal proceedings and instead view them simply as human beings, the legal process can be understood as a system of interactions among individuals capable of taking action within certain normative limits. Within this perspective, particular attention must be given to human action itself, as action represents a form of willful expression. In other words, for any action to occur, it must first arise as an intention or motive within a person's mind. For an individual to act, there must be an underlying reason—a cause that initiates the behavior. This cause is typically linked to some motivating factor. In economics, human behavior is often explained through the relationship between actions and the incentives that trigger them.² Similarly, in the context of criminal procedural law, analyzing which motivating factors influence participants' behavior within the legal framework can provide critical insights. Such an approach can contribute to the refinement and improvement of the law by making it more responsive to the actual dynamics of human behavior.

The concept of methodological individualism is particularly useful in identifying the factors that motivate human action. From this perspective, human behavior is directly linked to the individual's personal interests. In short, people act based on what they perceive to be in their own interest. This principle serves as a foundational assumption in economics, where scholars use it to explain a wide range of social phenomena through the lens of individual motivations and choices.³

This leads us to the need to understand what is meant by “interest”. According to scholars, interest can be viewed from two distinct perspectives. On one hand, it refers to something that provides the individual with material or non-material incentives. On the other hand, it reflects the individual's desire to protect their state of well-being from external threats or influences. From this, we can conclude that when a person takes action, they are either driven by the prospect of gaining material or non-material benefits, or by the need to safeguard their personal comfort or advantage.⁴

The Criminal Procedure Law establishes that actions not explicitly permitted by its provisions are prohibited. In other words, the scope of what participants in criminal proceedings are allowed to do is strictly defined and assigned as legal duties. Being assigned a duty means that failure to perform the action in accordance with the prescribed procedure will result in legal liability. This connection between action and accountability means that participants' conduct is directly tied to their personal interests. Specifically, if a participant fails to fulfill a legally assigned duty, they may face consequences, thereby losing a degree of personal or professional well-being.⁵

From the perspective of methodological individualism, it follows that a participant will act in accordance with the law to protect their own interests and avoid negative consequences. Thus, the legal framework within which these duties are assigned must itself be designed to align with the objectives of the Criminal Procedure Law. In other words, a procedural actor fulfills their duties not simply out of legal obligation, but because doing so protects their own interests—making it essential that the law be well-targeted and purpose-driven. If legal provisions fail to clearly support the law's intended objectives, there is a risk that procedural actors will act based on their own interests in ways that diverge from the purpose of the law. Therefore, recognizing that each procedural actor is, above all, a person with individual interests, the law should be refined and improved in such a way that it guides their behavior toward fulfilling the core objectives of criminal procedure.⁶

¹ Dworkin, R. *Law's Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986. 470 p.

² Sunstein, C. R. *How Law Works: The Normative Foundations of Regulatory Incentives*. Yale Law Journal, 2002, Vol. 113(3), pp. 623–691.

³ Elster, J. *Explaining Social Behavior: More Nuts and Bolts for the Social Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 484 p.

⁴ Sen, A. *Rational Fools: A Critique of the Behavioral Foundations of Economic Theory* // Philosophy and Public Affairs. 1977. Vol. 6, No. 4. P. 317–344.

⁵ Criminal Procedure Law of Mongolia. – Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Chapters 2–3.

⁶ Buchanan, J. M., Tullock, G. *The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962. 328 p.

2. Analysis

Article 6.1, paragraph 3 of the Criminal Procedure Law of Mongolia states that “the police shall conduct inquiry and investigation of all criminal offenses except those specified in paragraphs 1 and 2 of this article.” Paragraph 1 of the same article lists offenses falling under the jurisdiction of the General Intelligence Agency, while paragraph 2 identifies crimes under the jurisdiction of the Independent Authority Against Corruption. In other words, the majority of criminal offenses prohibited by law in Mongolia are investigated by the police.¹ In this context, I will examine the conduct of police investigators, who are among the primary implementers of criminal procedural law, from the perspective of methodological individualism.

The rights and duties of police investigators are defined in detail in both the Criminal Procedure Law and the Law on Police Service. A review of the relevant legal provisions shows that the law regulates their activities by granting specific powers while simultaneously imposing corresponding duties. Any action outside the scope defined by law is prohibited, and violations may result in legal liability. From the perspective of methodological individualism, this legal structure clearly suggests that a police investigator acts within the boundaries of the law in order to protect their own well-being, such as avoiding sanctions or disciplinary action. However, as previously noted, methodological individualism also assumes that individuals act in pursuit of personal incentives. In this context, it is reasonable to acknowledge that an investigator may be motivated to act in ways that could lead to rewards, recognition, or other benefits. Recognizing this underlying interest, the legal framework can be refined to align these individual incentives with the overarching goals of criminal procedure—thereby encouraging lawful conduct not only through deterrence but also through the strategic design of institutional rewards that support effective and rights-based criminal justice.²

Article 74 of the Law on Police Service defines the conditions for awarding police ranks as follows:

74.1. The following time periods shall apply when awarding junior and middle-level police ranks to police officers:

74.1.1. From Police Corporal to Police Sergeant — 4 years;

74.1.2. From Police Sergeant to Senior Police Sergeant — 4 years;

74.1.3. From Senior Police Sergeant to Master Sergeant — 6 years;

74.1.4. From Master Sergeant to Chief Sergeant — 6 years;

74.1.5. From Police Lieutenant to Senior Police Lieutenant — 3 years;

74.1.6. From Senior Police Lieutenant to Police Captain — 3 years.

74.2. The following time periods shall apply when awarding senior police ranks:

74.2.1. For the rank of Police Major, the officer must have held the rank of Police Captain for at least 4 years;

74.2.2. For the rank of Police Lieutenant Colonel, the officer must have held the rank of Police Major for at least 5 years;

74.2.3. For the rank of Police Colonel, the officer must have held the rank of Police Lieutenant Colonel for at least 6 years.

74.3. The head of the central police authority may award police ranks to officers serving in higher education institutions responsible for police training or in forensic institutions, based on the time requirements and qualifications specified in this law.

74.4. Police ranks may be awarded earlier than the periods specified in Articles 74.1 and 74.2 based on the officer’s position and performance, and in accordance with classification and ranking standards.

74.5. Police officers serving in higher education institutions tasked with police training who already hold a police rank shall enjoy the same rights and bear the same duties as regular police officers.

74.6. Skipping rank levels when awarding police ranks is prohibited.

From the above legal provisions, it is evident that the awarding of police ranks is primarily based on years of service. Since salary increases are linked to rank, this creates a material incentive for officers to remain in the organization long-term. In this way, the legal provisions align with the interest of individuals in maintaining stable employment and also contribute to institutional stability, which is essential for a

¹ Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 6.1, paras. 1–3.

² Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017; Law on Police Service. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2014.

continuously functioning police force. However, criminal procedural activities must also aim at the prompt detection of criminal offenses. Therefore, it would be appropriate for the mechanism for awarding police ranks to incorporate incentives that are directly tied to efficient crime detection. In this regard, Article 74.4 of the Law on Police Service becomes particularly relevant. The provision states: “Depending on the officer's current position and performance, a police rank may be awarded earlier than the timeframes set out in Articles 74.1 and 74.2 or above their current classification and rank.” This provision differentiates job performance from years of service, thereby allowing for performance-based promotion.¹

To determine whether this can be linked to the objective of expeditiously solving crimes, it is necessary to clarify what “performance” entails in this legal context. Without a clear definition of performance indicators or an independent evaluation mechanism, there is a risk that the awarding of ranks may depend solely on the discretion of senior officials. Given that the police operate within a relatively hierarchical structure, where officers typically carry out tasks assigned by higher-ranking officials, there is a concern: if fulfilling such assignments is treated as a performance metric, then we must have assurance that those assignments are themselves directed toward goals such as prompt crime detection and the protection of human rights.

However, the law does not specify what qualifies as job performance, and this legal gap makes it inappropriate to place blind trust in subjective discretion. Unfortunately, there is currently no legal provision in Mongolia that clearly regulates how performance is to be measured in this context. As a result, certain types of crimes in Mongolia are observed to face unduly prolonged investigation processes, leading to violations of the rights and interests of victims and civil claimants, and ultimately undermining the state's duty to uphold justice in society.

IV. CONCLUSION

This article has examined the participants in Mongolia's criminal procedure system not only through their formal legal status but also through the lens of methodological individualism, which emphasizes the role of individual incentives and motivations in shaping behavior. While the Criminal Procedure Law clearly defines the rights and duties of each actor, it tends to rely heavily on structural definitions and obligations, without adequately accounting for the human factors—particularly the self-interest that often drives legal actors' behavior.

By reinterpreting procedural roles such as those of investigators, prosecutors, and judges as rational agents who act to preserve or enhance their personal or institutional standing, we gain valuable insights into how legal rules are internalized and applied in practice. The example of police investigators illustrates that even within a rigid legal framework, their behavior may be influenced by both negative incentives (e.g., legal liability for failure to perform duties) and positive incentives (e.g., promotion through rank or financial reward). However, the current legal structure insufficiently connects performance-based incentives with the core objective of criminal procedure—namely, the prompt and fair detection of criminal offenses while protecting human rights.

This disconnect is particularly evident in the Law on Police Service, where promotion criteria are primarily based on years of service, with vague references to «job performance» that are neither defined nor independently assessed. Without a clear, objective, and transparent mechanism to evaluate actual contributions—especially in terms of timely case resolution and rights-compliant investigation—there is a risk that institutional incentives may encourage formal compliance over substantive justice.

Therefore, the legal framework must be revised and refined to better align individual motivations with the intended goals of criminal procedure. This includes developing measurable indicators of job performance, establishing independent evaluation mechanisms, and incorporating reward structures that promote efficiency, integrity, and human rights compliance. Recognizing each procedural actor as a human being with distinct interests, rather than as a mere legal construct, opens the way for a more realistic, effective, and principled development of Mongolia's criminal procedure system.

References

1. Constitution of Mongolia. Ulaanbaatar, 2020. Article 19.
2. Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. 156 p.
3. Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 1.4.
4. Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 1.7.
5. Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 4.1, para. 1.
6. Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 6.1.

¹ Law on Police Service. – Ulaanbaatar: State Publishing House, 2014. – Article 74.4.

7. Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 6.1, paras. 1–3.
8. Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Article 31.4.
9. Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Chapters 2–3.
10. Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Chapters 10, 15, 17.
11. Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Chapter 8.
12. Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Chapter 9.
13. Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Chapter 10.
14. Criminal Procedure Law of Mongolia. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2017. Chapters 11–12.
15. Law on Police Service. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2014.
16. Law on Police Service. Ulaanbaatar: State Publishing House, 2014. Article 74.4.
17. Buchanan, J. M., Tullock, G. *The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962. 328 p.
18. Dworkin, R. *Law's Empire*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986. 470 p.
19. Elster, J. *Explaining Social Behavior: More Nuts and Bolts for the Social Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 484 p.
20. Kelsen, H. *Pure Theory of Law*. Berkeley: University of California Press, 1967. 356 p.
21. Sen, A. *Rational Fools: A Critique of the Behavioral Foundations of Economic Theory* // *Philosophy and Public Affairs*. 1977. Vol. 6, No. 4. P. 317–344.
22. Sunstein, C. R. *How Law Works: The Normative Foundations of Regulatory Incentives* // *Yale Law Journal*. 2002. Vol. 113(3). P. 623–691.

Проблема предупреждения мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в Монголии

© Дорж Энхтур

кандидат юридических наук,
майор полиции,

Университет внутренних дел Монголии,
Монголия, г. Улан-Батор
d.enkhtur@yandex.ru

В последние годы преступления против права собственности (глава 17 Уголовного кодекса) стабильно составляют не менее 50 процентов всех преступлений, зарегистрированных в Монголии, что свидетельствует о том, что государственная политика и механизмы борьбы с этим видом преступлений не являются оптимальными и неэффективными. Мошенничество составляет 20–30 процентов этих преступлений против прав собственности, и ежегодная статистика преступлений показывает, что ожидается рост этого вида преступлений в будущем и нанесение дальнейшего социального вреда.

Под преступлением мошенничества понимается противоправное действие, направленное на введение в заблуждение других лиц путем использования ложной информации, документов, предметов или электронных устройств либо путем преднамеренного создания фиктивной ситуации, эксплуатации веры, сокрытия действительности или злоупотребления репутацией или доверием, установленными в предыдущих отношениях, с целью получения имущества или имущественных прав от собственника или владельца. Одной из особенностей данного вида преступлений является то, что расследование является обширным и занимает много времени, а преступники продолжают совершать свои противоправные действия. Из-за плохих условий жизни людей в обществе желание получить большую прибыль за короткий промежуток времени стало условием совершения мошенничества, а причиной является недостаточная финансовая и правовая грамотность людей. В этой связи возникает необходимость инициировать проведение криминологических исследований по установлению причин и условий совершения мошеннических преступлений на основе предложения, внесенного в 2021 г. Следственным управлением Главного управления полиции.

Ключевые слова: мошенничество, профилактика, онлайн-среда.

Dorzh Enkhtur

candidate of legal sciences,
major of police,

University of Internal Affairs of Mongolia,
Mongolia, Ulaanbaatar
d.enkhtur@yandex.ru

In recent years, property crimes (Chapter 17 of the Criminal Code) have consistently accounted for at least 50 percent of all crimes reported in Mongolia, indicating that government policies and mechanisms to combat this type of crime are not optimal and effective. Fraud accounts for 20–30 percent of these property crimes, and annual crime statistics show that this type of crime is expected to increase in the future and cause further social harm.

The crime of fraud is an unlawful act aimed at misleading others by using false information, documents, objects or electronic devices, or by deliberately creating a fictitious situation, exploiting faith, concealing reality or abusing reputation or trust established in previous relationships, in order to obtain property or property rights from the owner or possessor. One of the characteristics of this type of crime is that the investigation is extensive and time-consuming, and the perpetrators continue to commit their unlawful acts. Due to the poor living conditions of people in society, the desire to make a large profit in a short period of time has become a condition for committing fraud, and the reason is the lack of financial and legal literacy of people. In this regard, there is a need to initiate criminological research to establish the causes and conditions for committing fraudulent crimes based on the proposal made in 2021 by the Investigative Department of the Main Police Department.

Keywords: fraud, prevention, online environment.

Одним из преступлений, виды и масштабы совершения которого в последние годы значительно расширились, является мошенничество, которое напрямую зависит от уровня развития общества, экономики, права и морали. Из-за этого преступления не только отдельные лица, но и предприятия, правительства, юридические лица и даже международные организации продолжают нести имущественные потери. Примечательно также, что в настоящее время преступления мошенничества совершаются с использованием современных научных достижений. Тенденция к причинению значитель-

ного ущерба за короткий промежуток времени и рост числа жертв привели к необходимости определения и актуализации уголовной политики государства по борьбе с данным видом преступлений в соответствии с международными стандартами, а также легализации и расширения отдельных методов. Преступление мошенничества относится к группе преступлений против права собственности, особой категории уголовного права, и помимо содержащихся в нем общих признаков преступлений против права собственности, имеет и свои особенности, которые проявляются в уголовно-правовой характеристике преступления. Мошенничество — общественно опасное деяние, заключающееся в прямом и умышленном завладении имуществом или имущественными правами собственника или владельца путем обмана других лиц, использования документов, предметов или электронных устройств либо путем умышленного создания вымышленной ситуации, эксплуатации доверия, сокрытия действительности, злоупотребления репутацией или доверием, сложившимися в ходе прежних отношений. Это определено и уголовно наказуемо законом в ст. 17.3 Особенной части Уголовного кодекса [1]. Преступление мошенничества определено в ст. 17.3 Уголовного кодекса Монголии:

«1. Тот, кто путем обмана или использования документов, предметов или электронных устройств либо путем преднамеренного создания фиктивной ситуации, злоупотребления доверием, сокрытия действительности или злоупотребления репутацией или доверием, установленными в ходе прежних отношений, завладевает имуществом или имущественными правами собственника или владельца, наказывается штрафом в размере от четырехсот пятидесяти до четырнадцати тысяч тугриков, или выполнением общественных работ на срок от двухсот сорока до семисот двадцати часов, или ограничением права передвижения на срок от шести месяцев до трех лет, или тюремным заключением на срок от шести месяцев до трех лет.

2. Это преступление совершено:

2.1. с использованием своего служебного положения;

2.2. Если деяние причиняет серьезный или крупный ущерб другим лицам, то наказанием является штраф в размере от десяти тысяч до сорока тысяч тугриков или тюремное заключение на срок от двух до восьми лет.

3. Это преступление совершено:

3.1. сделал его источником жизни, постоянно действуя;

3.2. совершено посредством мошенничества с использованием многоуровневого маркетинга или финансовой пирамиды;

3.3. Если деяние совершено организованной преступной группой, то оно карается лишением свободы на срок от пяти до двенадцати лет. Оно узаконено с основными,отягчающими и особо отягчающими признаками, а с точки зрения квалификации преступлений основные признаки относятся к малозначительным, а отягчающие и особо отягчающие признаки относятся к тяжким преступлениям.

Элементы состава преступления мошенничества.

Объект: Право владеть имуществом или право владеть имуществом и экономическим богатством других лиц. Ст. 3 Шестнадцатой Конституции Монголии гласит, что «Граждане Монголии имеют право на справедливое приобретение, владение, владение и наследование движимого имущества. Незаконное изъятие, конфискация и присвоение частной собственности запрещаются. Если государство или уполномоченные им органы изымают частную собственность, исходя из основных потребностей общества, они обязаны выплатить компенсацию и цену» [2], а ст. 101.1 Гражданского кодекса гласит, что «Собственник свободно владеет, пользуется и распоряжается своим имуществом по своему усмотрению в пределах и объеме, установленных законом, не нарушая прав, предоставленных другим лицам законом или договором, и имеет право защищать его от всяких посягательств» [3].

Объектом преступления являются материальные блага, которые виновный «незаконно получил в собственность других лиц путем обмана и злоупотребления доверием и перевел в свою собственность».

Объективный аспект: это активное действие по обману или использованию документов, предметов или электронных устройств либо преднамеренное создание фиктивной ситуации, использование доверия, сокрытие реальности или злоупотребление репутацией или доверием, установленными в предыдущих отношениях, с целью завладения имуществом или имущественными правами владельца или собственника. Преступление мошенничества не имеет юридической силы и не имеет юридической силы с точки зрения размера ущерба. Другими словами, преступление мошенничества требует, чтобы передача имущества или имущественных прав другого лица была совершена способом, предусмотренным законом.

Способ совершения преступления мошенничества, предусмотренного ч. 1 ст. 17.3 Уголовного кодекса, отражает основные объективные признаки и влияет на характер преступления. Другими сло-

вами, преступник совершил это преступление путем обмана, или с использованием документов, предметов или электронных устройств, или путем преднамеренного создания вымышленной ситуации, эксплуатации религиозных убеждений, сокрытия реальности с целью введения других в заблуждение или путем злоупотребления репутацией или доверием, установленными в ходе предыдущих отношений.

Подробное описание в диспозиции способа действия, являющегося объективной характеристикой преступления, имеет важное значение для отграничения этого преступления от иных преступлений против права собственности и гражданских правонарушений.

Противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или имущественными правами, совершенное с использованием предусмотренных законом методов и введением в заблуждение потерпевшего с его согласия.

Под лицом, совершившим преступление мошенничества, понимается лицо, которое вводит в заблуждение собственника или владельца путем предоставления ложных сведений, явно не соответствующих действительности, с целью незаконного приобретения имущества или права собственности другого лица.

Под использованием документов, предметов и электронных устройств понимается использование поддельных документов, предметов, электронных устройств, электронных сетей, электронной информации, звуков, изображений, звукозаписей, технических устройств, специальной служебной формы, оборудования, званий или знаков различия, намеренное введение в заблуждение, а также осуществление платежей неполными или неподходящими, поддельными или некачественными предметами в целях незаконного завладения имуществом или правами собственности других лиц.

Под созданием ложной ситуации понимается намеренное создание ложной ситуации с целью введения в заблуждение или обмана собственника или владельца имущества. Например, можно создать ложный имидж, выдавая себя за успешного предпринимателя, богатого человека, наследника большого имущества, владельца крупной недвижимости, руководителя прибыльного бизнеса, прибыльного проекта, стабильного предприятия, уважаемого владельца или обладателя активов, прикрываясь ложными залогами, недействительными контрактами и т. д.

Религиозная эксплуатация определяется как использование религиозных убеждений и верований жертвы для введения ее в заблуждение с целью незаконного присвоения чужой собственности или прав собственности. Например, часто жертв вводят в заблуждение и вымогают у них деньги, имущество и имущественные права, притворяясь шаманом или «предотвращая» неприятные вещи, которые могут произойти с жертвой или ее близкими.

Под этим понимается искажение фактов путем сокрытия банкротства, прекращения деятельности, финансовых потерь, инвестиционных потребностей, выдачи ложных аудиторских отчетов и введения в заблуждение других лиц с целью получения права собственности на имущество или активы.

Осознайте и немедленно примите меры по злоупотреблению репутацией и доверием, созданными в ходе предыдущих отношений. Например, это может быть использование предыдущей работы, положения или репутации, многолетнее совместное ведение бизнеса, работа в качестве поставщика по контракту, многолетнее знакомство или предательство доверия.

Субъективные признаки преступления мошенничества:

Субъективный аспект: Деяние совершено с намерением совершить преступление. Преступление мошенничества отличается от спора по договору тем, что субъективное намерение виновного не возвращать имущество или права собственности другого лица, не платить вообще или заплатить половину суммы существует до того, как виновный начинает совершать преступление. Главной особенностью преступления мошенничества является то, что виновный имеет намерение завладеть имуществом, принадлежащим другому лицу, и никогда его не возвращать с самого начала, но также имеет преступное намерение не передавать все или часть имущества или прав собственности другого лица, используя это как оправдание, когда договорное обязательство не может быть выполнено, и для осуществления этого он или она обманывает собственника или владельца, нарушает доверие или совершает определенные действия, вводя в заблуждение собственника или владельца, и если в ходе уголовного судопроизводства будет установлено, что виновный совершил мошенничество, он или она будет привлечен к уголовной ответственности. В этой связи доктор Д. Адьябазар в своей работе определил преступление мошенничества как отличающееся от аналогичных гражданско-правовых отношений субъективным намерением, а не способом действия.

Субъект: Гражданин Монголии, иностранный гражданин, лицо без гражданства или лицо, имеющее двойное гражданство, достигшие 16 лет, способные нести ответственность за преступление и не

имеющие права владеть, пользоваться или распоряжаться имуществом, предусмотренным Уголовным кодексом для привлечения к уголовной ответственности.

Тяжкий характер преступления мошенничество /ст. 17.3 ч. 2 УК РФ/. Под злоупотреблением должностным положением понимается использование своих служебных полномочий и служебного положения, предоставленных на основании законов, решений уполномоченных органов или договоров, в целях обмана других лиц, а также совершения преступления, заключающегося в противоправном завладении чужим имуществом и имущественными правами.

Под причинением тяжкого или крупного вреда другим лицам понимается вред, причиненный экономически значимым имущественным правам потерпевшего, являющимся источником его существования, либо ущерб в размере пятидесяти тысяч тугриков и более.

Статья 17.3, часть 3 УК.

Подразумевается, что мошенничество, совершенное неоднократно и являющееся источником средств к существованию, совершается три или более раз подряд, а полученные незаконным путем доходы используются для содержания себя, своей семьи и других лиц, а также для зарабатывания на жизнь.

Под многоуровневым маркетингом и мошенничеством с использованием финансовых пирамид понимается осуществление предпринимательской деятельности, запрещенной ст. 8 Закона о лицензиях на предпринимательскую деятельность на территории Монголии. Многоуровневый маркетинг и мошеннические финансовые пирамиды — это незаконные предприятия, требующие определенных инвестиций для привлечения других людей и получения доступа к системе, а затем выплаты денег за привлечение других людей.

Легализация данного способа воздействия в виде отягчающих обстоятельств имеет важное значение в борьбе с «сетевым мошенничеством», которое широко распространено на практике и наносит значительный ущерб гражданам.

Под организованной преступной группой понимается устойчивая группа из трех и более человек, заранее объединившихся для совершения преступлений на регулярной основе и с целью получения прибыли.

Определение и аналогия преступления мошенничества.

В случае мошенничества преступник должен иметь изначальное намерение отнять чужое имущество или имущественные права, а не вернуть или восстановить права собственности. Для этого имущество или имущественные права отбирались путем обмана и введения в заблуждение владельца. Другими словами, жертва добровольно передает свои вещи и имущество преступнику, не подозревая, что в будущем понесет убытки. Способом обмана, применяемым виновным лицом с целью побудить потерпевшего добровольно передать свое имущество, является подделка документов, заключение договоров под видом гражданско-правовых отношений, присвоение вещей и имущества потерпевшего или передача имущества по его вине другому лицу.

Договорные отношения устанавливаются в соответствии с гражданским законодательством, и споры, возникающие при обмене информацией об исполнении договора, предъявлении взаимных претензий и заключении договора, то есть мошенничество в отношении сторон договора, не являются преступлением. Однако если лицо использует оправдание невозможности выполнения договорного обязательства и использует его, чтобы избежать передачи всего или части имущества или прав собственности другого лица, и с этой целью совершает конкретный акт обмана, злоупотребления доверием или мошенничества, вводя в заблуждение собственника или владельца, то это считается преступлением мошенничества.

Не считается преступлением мошенничества неисполнение договорных обязательств вследствие обстоятельств, не зависящих от воли сторон, таких как форс-мажорные обстоятельства, изменения в регулировании социально-экономических отношений, внезапные несчастные случаи, болезни, карантин или внезапное изменение обстоятельств, которые невозможно предсказать.

Договор, прикрывающий мошенничество, — это договор, основанный на обмане и злоупотреблении доверием, заключенный из корыстных побуждений, имеющий исключительно цель получения прибыли и направленный на причинение вреда другой стороне договора. Однако поскольку гражданско-правовые договорные отношения заключаются на основе свободы, равенства и взаимного достижения сторонами определенных результатов, то преступлением мошенничества считается установление того, что договор изначально не был реально исполним, и одна из сторон договора заключила его заведомо заранее, а другая сторона \потерпевшая\ не знала или не могла знать.

Мошенническое использование чужого имущества под видом займа отличается от гражданско-правового договора займа тем, что отсутствует реальная гарантия возврата займа, например, отсут-

ствуется залог, даже если имущество и имеется, то это является нарушением прав, а также намеренно нарушен порядок заключения договора о залоге имущества.

Они также пытаются создать ложное впечатление у жертвы, вводя ее в заблуждение и пытаясь убедить ее в ложности реальной ситуации. Эти действия могут проявляться в одной из следующих форм:

Мошенник пытается убедить или уговорить вас, говоря вам то, что не соответствует действительности.

Мошенник скрывает и искажает истинные обстоятельства.

Мошенник совершил преступление осознанно и умышленно, заранее зная, что жертва будет обманута. Субъективная природа преступления мошенничества отличается от гражданско-правовых договоров тем, что в нем присутствует преступный умысел обмануть потерпевшего, не вернуть похищенное до совершения злоупотребления доверием имуществом, а также умысел на противоправное завладение чужим имуществом с целью получения выгоды.

В некоторых случаях могли иметь место гражданско-правовые договорные отношения, но после того, как договорные обязательства не могли быть выполнены, мог возникнуть преступный умысел на мошенничество и преступление могло быть совершено.

Совершение преступления мошенничества под видом гражданско-правового договора создает сложную и противоречивую ситуацию в ходе уголовного судопроизводства. В судебной практике длительные сроки рассмотрения споров по гражданско-правовым договорам в суде и сроки возмещения убытков представляют интерес для рассмотрения их в рамках уголовного судопроизводства как преступления мошенничества, замаскированного под договор. В последние годы ожидается рост случаев мошенничества, а методы и формы его осуществления станут более изощренными и организованными.

Преступление мошенничества совершается с использованием гражданско-правового договора займа. Однако необходимо отличать обман, являющийся одним из объективных элементов состава преступления мошенничества, от обмана, предусмотренного ст. 59 Гражданского кодекса.

Если мошенник завладеет имуществом в результате мошеннической сделки, он становится недобросовестным владельцем. Законный собственник вправе требовать от недобросовестного собственника возврата своего имущества в соответствии со ст. 106.1 Гражданского кодекса. Однако при рассмотрении и расследовании дел сложилась практика возмещения ущерба на стадии расследования, даже если вина окончательно не установлена, что противоречит принципу презумпции невиновности. Это гражданско-правовой спор, который рассматривается как преступление мошенничества, замаскированное под договор, и решается в рамках уголовного судопроизводства с целью принуждения к возмещению ущерба. При этом основным основанием для приравнивания данного вида преступления к мошенничеству является незаконная практика возбуждения и расследования уголовных дел в ходе гражданского судопроизводства по вновь открывшимся обстоятельствам, предусмотренная Гражданским процессуальным кодексом, а также превращение гражданско-правовых договоров и сделок в желаемые ими правоотношения.

Преступлением мошенничества является намеренное сокрытие того факта, что принципал не в состоянии выполнить или обеспечить выполнение договорного обязательства с самого начала, без того, чтобы другая сторона знала или имела возможность узнать об этом. Гражданско-правовая мошенническая сделка отличается от мошеннического преступления тем, что она искажает действительность договора или сделки, вводя в заблуждение заинтересованное лицо и ограничивая его свободу совершения сделки. Примерами служат мнения, взгляды, позиции, реклама, приукрашенные комплименты или обычная речь и язык. Другими словами: обманутый человек находится в замешательстве относительно сделки. Обязательственное правоотношение возникает при заключении договора займа, договора купли-продажи в кредит или договора ипотеки в порядке, установленном законом. В случае умышленного или неосторожного нарушения должником договорного обязательства стороны могут свободно договориться об увеличении или ограничении размера ответственности, то есть права требования, предусмотренного законом. Это связано с принципом свободы договора. Каждый случай невозможности исполнения обязательств должен быть рассмотрен. При этом типичные для договора риски, то есть существенное изменение обстоятельств с момента заключения договора или явное неверие представлений сторон об этих обстоятельствах, а также истечение срока исполнения обязательства рассматриваются в гражданском праве как условия исполнения обязательства, в результате чего возникает право на возмещение убытков.

Приведем случаи из практики.

Согласно решению № 217 Чингэлтэйского районного суда от 16 июля 2009 г. [4]: ...

Д.Э. был обвинен в мошенничестве и вымогательстве, а 21 декабря 2004 г. и 7 февраля 2005 г. он обманным путем получил 55 миллионов тугриков из отделения банка Х в районе Чингелтэй, где он работал, используя поддельные документы на право собственности на жилье. В соответствии со ст. 148, ч. 148.4 УК РФ ему назначено наказание в виде 5 лет и 1 месяца лишения свободы. Однако на основании апелляционной жалобы подсудимых и их адвокатов апелляционный суд определением № 742 от 25 августа 2009 г. отменил обвинительный приговор суда в части назначения наказания и постановил, что преступление не было совершено в соответствии с п. 24.1.1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса. Согласно 40-му обвинительному приговору от 24 января 2004 г., подсудимые были признаны виновными в подделке свидетельства о праве собственности на жилой дом и свидетельства о государственной регистрации права собственности на это имущество, а также в использовании их в целях мошенничества с банками и получения денежных средств под видом кредита. Апелляционный суд, не объяснив, почему он счел это преступлением, постановил, что заложенное банком недвижимое имущество фактически не существует, свидетельство о праве собственности на недвижимое имущество поддельное, а государственная регистрация права, которая является документом, подтверждающим факт наложения обязательства на недвижимое имущество, поддельная.

Резюмируя вышеизложенное можно отметить, что за последние 10 лет уровень мошенничества вырос на 79 процентов по ряду социальных и экономических причин. Включая:

В связи с плотностью населения и экономическим развитием 85,4 процента преступлений такого рода совершается в столице. Согласно корреляционному анализу, этот показатель останется прежним и в будущем. Рост данного вида преступлений ожидается в густонаселенных районах Баянзурх, Баянгол и Сухэ-Батор столицы, а также в аймаках Дархан-Уул, Орхон, Сэлэнгэ и Хубсугул.

При изучении социального статуса мошенников было установлено, что около 45 процентов имели среднее специальное образование, около 60 процентов были безработными, а 50 процентов находились в возрасте от 30 до 45 лет. Это распространенная модель бытового мошенничества, и она показывает, что безработица влияет на этот вид преступлений.

Мошенничество совершается с использованием электронных средств, сетей и многоуровневого маркетинга. Граждане, которые подвергаются подобным преступлениям, стали жертвами этого вида преступлений из-за своих собственных неправомерных действий и жадности. Поскольку организованные и неоднократные мошенники совершают свои преступления, заранее изучая своих жертв и расставляя для них ловушки, необходимо проводить детальное исследование и анализ жертв мошенничества.

Комплексные меры «Чем больше, тем лучше», которые поэтапно внедряются полицией с января этого года для сокращения случаев мошенничества, дали результаты и оказывают предупреждающее и воздействующее воздействие на общество, о чем свидетельствует снижение преступности на 14,7 процента за первые 10 месяцев этого года. Таким образом, можно сделать вывод, что распространение инновационных, предупреждающих и напominательных профилактических мероприятий и мер, направленных на граждан, в сотрудничестве с соответствующими профессиональными организациями окажет влияние на снижение преступности.

Необходимо также организовать контрольно-ревизионную работу по служебному расследованию данного вида преступлений. Потому что недопустимо создавать среду, в которой подобные преступления остаются нерасследуемыми и наказываются под предлогом того, что решения по контрактам между гражданами будут приниматься судами, а не полицией.

Предполагается, что проведение частичных исследований в отношении лиц, причастных к данному виду преступлений, а также совершенствование совместной работы подразделений даст положительный эффект в раскрытии преступлений путем выявления лиц, в отношении которых проводились следственные действия по фактам мошенничества, уголовные дела по которым прекращены, которые отказались возбуждать уголовные дела, либо по которым истек срок давности привлечения к ответственности, предупреждения рецидивов преступлений, выявления соучастников, раскрытия дел, совершаемых тайно, виновные в которых не установлены, сбора информации у лиц, отбывающих наказание.

Необходимо проводить встречи и обсуждения с представителями судебных органов и прокуратуры для улучшения раскрываемости преступлений, связанных с мошенничеством, а также для обсуждения и решения актуальных вопросов. Например, прокуратура медленно присваивает номера делам, определяет характер дела, принимает меры пресечения и объединяет дела. Часто возникают такие проблемы, как недопонимание и трудности при определении юрисдикции дела. Судебный процесс идет медленно, дела возвращаются из суда, выносятся мягкие приговоры, а по преступлениям, совершенными группой, обвиняется один человек. Это создает условия для роста данного вида пре-

ступлений, уклонение преступника от наказания, побег, истечение срока давности, совершение повторных преступлений.

Важно отметить, что более 50 процентов заявлений и сообщений граждан и юридических лиц о мошенничестве закрываются без возбуждения уголовного дела, а сведения о подозреваемом не вносятся или вносятся не в полном объеме, что является причиной недостатков в установлении личности виновного и контроле за ходом учета.

В то время, когда в мире все большее распространение получают электронные СМИ, 2,7 миллиона человек в нашей стране стали активными пользователями социальных сетей, день 50 тысяч каждый над онлайн - транзакция. В эпоху, когда транзакции в основном осуществляются через банки, многие граждане становятся жертвами интернет-мошенничества.

Важно подготовить и на постоянной основе принять на работу специалистов по борьбе с этим видом преступлений, обеспечить всех сотрудников осведомленностью и информацией об этом виде преступлений, а также организовать оповещения через свои веб-сайты.

Необходимо выступить с заявлением и потребовать, чтобы все каналы прекратили трансляцию программ, пропагандирующих социальное просвещение, уважение традиционных обычаев, упорный труд и активный образ жизни, позитивную мораль, в то время как все каналы транслируют программы, пропагандирующие торговлю, выигрыш в лотерею и получение легкой прибыли.

Литература

1. Уголовный кодекс Монголии / перевод с монг. Батболд Галбадрах, Амарсанаа Вандан-Иш; науч. ред. перевода и предисл. М. В. Бавсуна, А. А. Нечепуренко. Омск: Изд-во Омской академии МВД России, 2020. 144 с.
2. Конституция Монголии (принята 13 января). URL: https://faolex.fao.org/docs/pdf/mon_127760R.pdf (дата обращения: 04.08.2025).
3. Гражданский кодекс Монголии (от 10 января 2002 г.). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=33374532 (дата обращения: 04.08.2025).
4. Дело из архива Чингэлтэйского районного суда.

Сравнительный анализ уголовно-правовых и криминалистических подходов в борьбе с экономическими преступлениями в странах Азии: традиционные и современные вызовы

© Д. А. Иванов

студент 4-го курса,
Всероссийский госуниверситет юстиции
ф-л в г. Санкт-Петербурге
Россия, г. Санкт-Петербург
Danilaiw563@mail.ru

В статье рассматриваются правовые и криминалистические аспекты в рамках борьбы с экономическими преступлениями в странах Азии, рассмотрены конкретные нормативно правовые акты, научные работы и сведения в средствах массовой информации. Установлены юридические факты, предшествующие преступлениям и последствия за совершенные деяния. Рассмотрены государственные органы, уполномоченные предотвращать и расследовать экономические преступления. Целью работы является сравнение правовых и криминалистических подходов в борьбе с экономическими преступлениями в Азиатском регионе.

Ключевые слова: экономические преступления, страны Азии, искусственный интеллект, финансовые операции.

A. Ivanov

4th year student,
All-Russian State University of Justice
branch in St. Petersburg
Russia, St. Petersburg
Danilaiw563@mail.ru

The article examines legal and forensic aspects in the context of combating economic crimes in Asian countries. It reviews specific regulatory legal acts, academic works, and information from mass media sources. Legal facts preceding the crimes and the consequences for committed acts are identified. The study also considers state authorities authorized to prevent and investigate economic crimes. The aim of the work is to compare legal and criminological approaches to combating economic crimes in the Asian region.

Keywords: economic crimes, Asian countries, artificial intelligence, financial transactions.

В современном мире экономические преступления представляю собой угрозу не только для экономической стабильности, но и в целом для глобальной безопасности. Их международный характер, способность адаптироваться к технологическим инновациям и использовать слабые места правовых систем делают их одними из самых изощрённых и опасных форм преступной деятельности.

Особую сложность для правоохранительных органов создаёт стремительное развитие методов преступников. Если раньше злоумышленники опирались на традиционные схемы подкупа, фальсификации документов и мошенничества, то сегодня они активно используют криптовалюты, искусственный интеллект, «даркнет», деер-фейки и трансграничные платёжные системы, что усложняет отслеживание, установление и доказывание их деятельности.

Однако борьба с экономическими преступлениями осложняется уникальным разнообразием азиатского региона. Страны Азии демонстрируют поразительное различие правовых систем: от жёсткого авторитарного контроля в Китайской Народной Республике до либеральных моделей Сингапура, от синтеза светского права и шариата в Малайзии до постколониальных законодательных структур в Индии. Культурные особенности, такие как клановость, патернализм в бизнесе или терпимость к «серым» экономическим зонам, формируют специфические преграды для правоприменения.

Культурные особенности региона добавляют сложностей. В Южной Корее семейные конгломераты (чеболи) десятилетиями влияют на судебные решения, а в Индонезии «подарки» чиновникам остаются негласной нормой бизнеса. В странах Юго-Восточной Азии «серая» экономика, которая может составлять до трети ВВП, создаёт питательную среду для отмывания денег и уклонения от налогов.

Пандемия COVID-19 стала катализатором новых рисков. Мошенничество с субсидиями, продажа контрафактных медицинских товаров, кибератаки на удалённые рабочие системы и коррупционные схемы показали, насколько уязвимы государства перед быстро меняющимися угрозами. Например, в

Таиланде тысячи незаконно везенных производственных мигрантов, с легкой руки коррумпированных чиновников, привели к народному негодованию и удару по престижу политической системы [1, с. 1].

При всем этом, не смотря на перечисленные обстоятельства, многие страны азиатского региона проводят успешную работу в борьбе с экономическими преступлениями, например Южная Корея, ввиду технического развития, применяет технологии AI для мониторинга и выявления различных паттернов финансовых операций в режиме реального времени, напротив, Китай, несмотря на жесткость правового регулирования и критику общественности, демонстрирует, что массовый надзор позволяет эффективно изобличать мошеннические, коррупционные и иные схемы теневой экономики.

Рассматривая подробнее опыт Китайской Народной Республики, обращает на себя внимание строгость в противодействии экономическим преступлениям и жесткость по отношению к коррупционным преступлениям. Таким образом, борьба осуществляется преимущественно через репрессивные механизмы, основанные на положениях Уголовного кодекса КНР (от 1997 г.), из которых можно выделить: главу III «Преступления, нарушающие порядок социалистической экономики», главу V «Преступления против собственности», главу VIII «Хищение и взяточничество».

Особое внимание стоит уделить коррупционным составам, основные статьи по ним: 382 — коррупция и 385 — взяточничество [2, с. 110–111]. После начала борьбы с коррупцией под руководством Си Цзиньпина («Xi Jinping's Anti-Corruption Campaign» 2012 г.), количество возбужденных и раскрытых дел, связанных с экономическими преступлениями, увеличилось в разы. Важную роль в осуществлении правоохранительной деятельности играют Центральная комиссия по проверке дисциплины КПК, осуществляющая борьбу с коррупцией и злоупотреблениями, а также Министерство государственной безопасности КНР.

Борьба с коррупцией в КНР является одним из самых приоритетных направлений, явным примером тому являются суровые наказания за такие преступления. Одним из недавних и показательных примеров является приговоренный к смертной казни экс-глава Bank of China Лю Ляньге за полученную взятку в размере 16,8 миллионов долларов.

Важными инновациями в эффективной борьбе со всеми преступлениями (в т.ч. и экономическими) стало использование системы «социального кредита» для мониторинга поведения граждан, компаний и государственных служащих. Помимо этого, Китай постоянно совершенствует технологии AI для анализа больших массивов финансовой отчетности.

Рассматривая опыт Сингапура, заметен более мягкий подход к назначению наказаний за совершенные экономические преступления, в отличие от Китая. Однако при этом Сингапур демонстрирует один из наиболее эффективных подходов к борьбе с экономическими преступлениями, сочетая правовое регулирование и высокую степень институциональной дисциплины.

Законодательной основой являются: Уголовный кодекс Республики Сингапур, в котором можно выделить: глава IX «Правонарушения, совершенные государственными служащими или в отношении государственных служащих», глава XVII «Преступления, затрагивающие собственность» [3]. Так же, помимо Уголовного кодекса, важно упомянуть следующие нормативно правовые акты: «Prevention of Corruption Act (PCA)», 1960 г. — «Закон о предотвращении коррупции», «Corruption, Drug Trafficking and Other Serious Crimes (Confiscation of Benefits) Act», 1992 г. — «Закон о конфискации доходов от преступной деятельности», «Закон о подоходном налоге» и «Закон о борьбе с отмыванием денег» (MAS Guidelines, 2014 г.). В соответствии с «PCA», лицо, осужденное за преступление, предусмотренное этим законом, подлежит штрафу в размере 100 000 долларов или тюремному заключению на срок до 5 лет, в том числе изымаются все денежные средства, полученные незаконным путем.

Основным органом, осуществляющим непосредственную борьбу с коррупционными преступлениями, является «Corrupt Practices Investigation Bureau (CPIB)» — «Независимое антикоррупционное ведомство». Уникальность данного ведомства в том, что оно может осуществлять деятельность и на территории иностранных государств, в том числе преследовать граждан Сингапура, совершивших коррупционное преступление, на территории иного государства.

Япония традиционно применяет менее репрессивный, но системный подход к контролю за экономической преступностью, особенно в корпоративной среде. Немаловажным аспектом в Японском подходе является тотальная самосознательность большинства граждан, выражающаяся в том числе в доносах и докладах о совершенных, совершаемых или готовящихся к совершению преступлениях (в т.ч. экономических и коррупционных).

Особенность японской модели — влияние корпоративной культуры и социальной репутации, играющей дисциплинирующую и назидательную роли. Нарушения могут повлечь не только уголовную ответственность, но и социальную изоляцию.

Основа правового регулирования борьбы с экономическими преступлениями в Японии закреплена: Уголовным кодексом Японии в котором можно выделить: главу XII «Преступления, связанные со взломом жилища», главу XVI «Преступления, связанные с подделкой денежных знаков», главу XVIII «Преступления, связанные с подделкой ценных бумаг», главу XXV «Коррупционные преступления», главу XXXVI «Преступления, связанные с кражей и грабежом», главу XXXVII. Преступления, связанные с мошенничеством и вымогательством, главу XXXVIII «Хищения», главу XXXIX «Преступления, связанные с хищением имущества», а также «Financial Instruments and Exchange Act» — «Закон о биржах и финансовых инструментах» и немаловажный «Whistleblower Protection Act» (2004) — «Закон о защите информаторов».

Основным органом, осуществляющим расследование экономических преступлений в Японии, является «Special Investigation Units» — Специальное следственное подразделение при Прокуратуре и по большей мере глобальные кейсы представляют собой не коррупционные составы, а финансовые преступления в виде манипуляций рынком, нарушения законодательства о биржах и финансовых инструментах и фальсификации документов, в том числе корпоративной отчетности, что обусловлено культом трудолюбия японцев.

В свою очередь, Индия сталкивается с высоким уровнем экономической преступности, что обусловлено как масштабами теневой экономики, так и исторической слабостью государственных и гражданских институтов, к совокупности чего прибавляется клановая система.

Правовое регулирование борьбы с экономическими преступлениями на территории Индии осуществляется посредством «Prevention of Corruption Act» (1988) — «Закона о предотвращении коррупции», «Money Laundering Act» (2002) — «Закона об отмыывании денег», «Companies Act» (2013) — «Закона о компаниях», а также Уголовным кодексом Индии. Основными органами выступают: «Central Bureau of Investigation» (CBI) — «Центральное бюро расследований», «Enforcement Directorate» (ED) — «Управление по обеспечению исполнений», «Lokpal and Lokayuktas» — орган, рассматривающий жалобы в отношении коррупции.

Несмотря на существование нормативной базы, крупные проблемы вызывают и политическое давление на следственные органы, и чрезмерная бюрократия, и низкий уровень доверия к судебной системе, что выражено в полном отсутствии независимости судей, в частности в рамках экономических и коррупционных преступлений.

Проведенный анализ показал, что успешная борьба с экономической преступностью зависит не столько от жесткости законов, сколько от эффективности институтов, политической воли и культурных факторов. Страны Азии демонстрируют широкий спектр стратегий — от цифрового контроля до морального давления. На фоне угроз международной преступности, будущее антикриминальной политики в регионе требует:

- углубления международного сотрудничества;
- технологической модернизации следственных и оперативных органов;
- адаптации к новым вызовам, включая киберпреступность, криптовалюты и преступления совершенные с помощью нейросетей.

Литература

1. Вангкок Пост. СМИ. URL: <https://www.bangkokpost.com/opinion/2122251/corruption-breeds-covid> (дата обращения: 15.05.2025).
2. Уголовный кодекс КНР. URL: https://sherloc.unodc.org/cld/uploads/res/document/chn/1987/criminal-law-of-the-peoples-republic-of-china_html/China_Criminal_Code_Full_text.pdf. (дата обращения: 15.05.2025).
3. Уголовный кодекс Республики Сингапур. URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/PC1871?ProvIds=al-#al-> (дата обращения: 15.05.2025).

О некоторых вопросах правовой регламентации альтернативных лишению свободы видов наказаний в уголовном законодательстве России, Китая и Монголии: сравнительно-правовой анализ действующих систем

© М. М. Игумнова

магистрант 2-го года обучения,
Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
igumnova2602@icloud.com

В статье рассматриваются некоторые вопросы правовой регламентации альтернативных лишению свободы видов наказаний в уголовном законодательстве России, Китая и Монголии. Для достижения целей исследования проводится сравнительно-правовой анализ действующих систем наказаний, а также целей их назначения, отражённых в уголовных законах названных государств. С целью определения подходов к пониманию сущности альтернативного лишению свободы наказания проводится исследование ключевых особенностей названных правовых порядков, которое показывает, что альтернативность стоит рассматривать либо через установленную законодательную возможность судов при постановлении приговора выбирать между наказанием в виде лишения свободы или иным наказанием, не связанным с изоляцией от общества, так и через существующее на территории Российской Федерации альтернативное лишению свободы наказание в виде принудительных работ, которое по своей сущности заменяет назначенное наказание по приговору суда. По результатам исследования отмечается как общая тенденция разработки и имплементации в уголовных законах названных государств альтернативных лишению свободы наказаний, так и их практическая пригодность, наиболее способствующая исправлению осуждённого лица.

Ключевые слова: принудительные работы; лишение свободы; надзор; осуждённый; наказание; альтернативное наказание.

M. M. Igumnova

master's student 2nd year,
Buryat State University named after D. Banzarov
Russia, Ulan-Ude
igumnova2602@icloud.com

The article discusses some issues of legal regulation of alternative types of punishment to imprisonment in the criminal legislation of Russia, China and Mongolia. To achieve the objectives of the study, a comparative legal analysis of the existing penal systems is carried out, as well as the purposes of their appointment, reflected in the criminal laws of these states. To determine approaches to understanding the essence of alternative punishment to imprisonment, a study of the key features of these legal systems is conducted, which shows that alternatives should be considered either through the established legislative possibility of courts to choose between imprisonment or other punishment not related to isolation from society, or through existing legislation on the territory of the Russian Federation. alternative to imprisonment of punishment in the form of forced labor, which in its essence replaces the prescribed punishment by a court verdict. According to the results of the study, there is a general trend towards the development and implementation of alternatives to imprisonment in the criminal laws of these States, as well as their practical usefulness, which is most conducive to the correction of a convicted person.

Keywords: forced labor; imprisonment; supervision; convicted person; punishment; alternative punishment.

На сегодняшний день большинство государств произвело многочисленные реформы уголовных законов, установив определённые гарантии и стандарты в сфере отправления правосудия и разрешения пенитенциарных вопросов для осуждённых лиц на основах гуманизма, уважения достоинства личности и т.д., тем самым отказавшись от архаики, существовавшей долгие века и предполагавшей, что наказание за совершённое преступление следует оценивать лишь как средство по устрашению населения в целях недопущения новых преступлений.

В связи с установлением нового порядка сущность наказания также претерпела кардинальные изменения, поскольку с учётом принципов, положенных в основу уголовных законов, вектор развития с устрашения изменён на предоставление осуждённому лицу возможности и условий для исправления, через выработанную систему получения возможных правовых предпочтений при подобающем поведении. Например, согласно положениям Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту — УК РФ), отечественный уголовный закон устанавливает, как минимум, две цели наказания.

Первой целью наказания является восстановление социальной справедливости. Как правило, её восстановление достигается посредством восстановления потерпевшего от преступного посягательства в правах, например, путём возмещения осуждённым лицом причинённого ущерба, компенсации причинённого морального вреда и т.д.

Второй не менее значимой целью наказания является исправление осуждённого лица, формирование у него во время отбывания наказания социально значимых ориентиров, при которых он успешно сможет интегрироваться в общество и взаимодействовать с отдельными его членами после отбывания наказания, в том числе с публичными правовыми образованиями, путём установленного законом порядка, а не посредством совершения новых уголовно-наказуемых деяний.

На сегодняшний день УК РФ содержит тринадцать разновидностей наказания, отличающихся как по основаниям назначения, так и по особенностям его отбывания. Однако несмотря на указанное количество разновидностей, исследование показывает, что сущность каждого наказания отвечает установленным целям его назначения.

Как показывает практика назначения и исполнения наказания, исправление осуждённого представляется возможным достичь не только через применение крайних мер уголовных репрессий, например, такого наказания как лишение свободы, но и через применение таких наказаний, которые либо не связаны с лишением свободы и назначение которых зависит от установленной законодательством возможности выбора между конкретными наказаниями, либо через применение альтернативного лишения свободы наказания, когда указанное наказание хоть и назначается, но заменяется на альтернативное, определённое в качестве такового уголовным законом.

Исходя из этого, стоит отметить, что в части понимания правовой сущности наказания, альтернативного лишению свободы, отсутствует единое мнение.

Так, некоторые авторы указывают, что применение наказаний, альтернативных лишению свободы, следует определять через правовую возможность суда назначить такое наказание, которое не связано с лишением свободы, если таковое, во-первых, предусмотрено статьей особенной части УК РФ, во-вторых, содержит в себе условие, обеспечивающее возможность назначения более мягкого наказания, а не лишения свободы [1, с. 47].

Однако назвать указанную правовую возможность в условиях действующего законодательства альтернативным лишению свободы наказанием будет не весьма корректно лишь постольку, поскольку в основу такого понимания, во-первых, заложен буквальный смысл слова «альтернативное», а во-вторых, такой подход основан на положении ч. 1 ст. 60 УК РФ, которой предусмотрено, что суд назначает более строгое наказание предусмотренное соответствующей санкцией лишь в том случае, когда исправление осуждённого при назначении более мягкого вида наказания не представится возможным.

Иными словами, суду предоставлено право при назначении наказания исходить из определённых обстоятельств и выбрать то наказание, которое как соразмерно деянию, так и позволит достичь исправления осуждённого.

Действительная же альтернативность в условиях действующего уголовного законодательства предполагает, что суд, назначив наказание в виде лишения свободы, вправе изменить назначенное наказание на альтернативное, если придёт к выводу о том, что осуждённый сможет исправиться без отбывания этого наказания, и, если альтернативное назначенному наказанию имеется в уголовном законе.

Таким образом, на сегодняшний день в уголовном законе альтернативность предполагает наличие у суда возможности заменить назначенное наказание на альтернативное, а не только право выбора между какими-либо наказаниями как таковое.

Например, к числу альтернативных лишению свободы УК РФ относит наказание в виде принудительных работ. Альтернативный характер по отношению к лишению свободы указанного наказания подтверждается положением ч. 1 ст. 53.1 УК РФ, который раскрывает условия его назначения: 1) принудительные работы должны быть предусмотрены санкцией особенной части за совершение уголовно-наказуемого деяния; 2) категория совершённого преступления должна относиться к небольшой или средней тяжести, однако допускается замена лишения свободы на принудительные работы и при совершении тяжкого преступления, при условии, что таковое совершено впервые; 3) суд, при исследовании всех обстоятельств, должен прийти к выводу, что осуждённый способен исправиться без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, в противном случае наказание не может быть изменено.

Однако первоначальное понимание альтернативности, при котором суду предоставлено право выбора между конкретными наказаниями и лишением свободы нельзя оставить без внимания при ис-

следовании зарубежных правовых систем, поскольку порядок, существующий в Российской Федерации, не может быть присущ всем остальным.

Например, для целей исследования представляется возможным использовать Уголовный кодекс Монголии (далее по тексту — УК Монголии) и Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (далее по тексту — УК КНР).

Итак, УК Монголии определено, что помимо ресоциализации осуждённого лица, целью уголовной ответственности также выступает кара осуждённого лица. Представляется, что указанное слово стоит воспринимать как обязанность осуждённого лица претерпеть определённые ограничения, предусмотренные назначенным наказанием, а не исходить из его буквального значения.

УК КНР, в свою очередь, не содержит специальной статьи, которая закрепляла бы цели наказания. Однако системный анализ положений общей части указанного кодекса показывает, что целями уголовного наказания являются: 1) предотвращение новых преступлений; 2) восстановление потерпевшего в правах; 3) возмездие за совершённое преступление, что также подтверждается некоторыми авторами [2, с. 276].

Стоит отметить, что несмотря на то, что некоторые цели уголовного наказания могут отличаться друг от друга, что представляется возможным объяснить особенностями общественного уклада и построения общества того или иного государства, то, пожалуй, будет являться бесспорным, что все государства придерживаются единого мнения в том вопросе, что именно эффективно разработанное в законе наказание способно достичь тех целей, которые определены уголовными законами.

Иными словами, недостаточно определить цели, необходимо также разработать средства для их достижения, в качестве которых и выступают отдельные виды наказаний.

Как УК РФ, так и УК Монголии и УК КНР подразделяют наказания на основные и дополнительные. Это следует из ч. 2 ст. 5.2. УК Монголии, и ч. 1 ст. 32 УК КНР соответственно.

УК Монголии выделяет следующие разновидности наказания, выступающих в качестве основного: лишение свободы, общественно полезные работы; штраф и т.д.

В УК КНР относительно разновидности наказаний схожая регламентация, однако имеющая свои особенности. Так, согласно УК КНР, к наказаниям относятся: смертная казнь, пожизненное заключение, тюремное заключение, общественный надзор, а к дополнительным: штраф, лишение политических прав и т.д. [3, с. 431].

Во всех уголовных законах исследуемых стран выработан единообразный подход к общим началам назначения наказания, при котором суду, как уже было отмечено ранее, предоставлено право выбора между тем или иным самостоятельным наказанием, которое должно быть соразмерно совершённому деянию, а его отбывание способствовать исправлению осуждённого.

Например, за подкидывание ребёнка или доведение его до бродяжничества, суд, руководствуясь санкцией, предусмотренной ст. 16.3. УК Монголии, вправе назначить осуждённому наказание либо в виде лишения свободы на определённый срок, либо назначить общественно полезные работы, которые, согласно ст. 5.4, не связаны с изоляцией от общества. При этом ч. 4 комментируемой статьи предусматривает, что в том случае, если осуждённый нарушит условия отбывания указанного наказания, общественно полезные работы могут быть заменены судом на лишение свободы.

Отметим, что УК РФ содержит аналогичный подход к осуждённым, нарушившим порядок отбывания наказания, не связанного с лишением свободы, в том числе при отбывании принудительных работ, как это предусмотрено ч. 6 ст. 53.1 УК РФ.

Представляется, что указанное правовое регулирование должно мотивировать осуждённого на исправление, а для суда оставляет возможность применить более строгое наказание в виде лишения свободы в случае нарушения порядка отбывания наказания, не связанного с изоляцией от общества.

В УК КНР всё выглядит похожим образом. Например, ст. 321 УК КНР предусмотрено, что тот, кто перевозит другое лицо без разрешительных документов через границу, приговаривается к лишению свободы или к общественному надзору, который не связан с реальным лишением свободы, а исправление осуждённого происходит в самом обществе, как это предусмотрено ст. 38 УК КНР.

Случаи нарушения порядка отбывания наказания, не связанного с лишением свободы, УК КНР квалифицирует аналогичным образом, поскольку за осуждённым к общественному надзору осуществляется постоянный контроль как со стороны общества, так и со стороны специализированных государственных органов.

Исходя из этого, полученные результаты в ходе исследования представляют возможным сделать вывод, что альтернативные наказания лишению свободы в УК КНР и УК Монголии понимаются через возможность суда выбирать осуждённому наказание между лишением свободы и наказанием, не связанным с изоляцией от общества, которое поспособствовало бы его исправлению и было сораз-

мерно совершённого деянию. Аналогов же принудительных работ, которые являются альтернативными лишению свободы, то есть предусматривающей возможность суда заменить лишение свободы на другое наказание, как в УК КНР, так и в УК Монголии не имеется. Однако стоит отметить, что УК Монголии ранее предусматривал наказание в виде принудительного труда, однако реформой уголовного законодательства данное наказание было исключено из уголовного закона [4, с. 359].

Представляется, что подобное регулирование связано с историческими особенностями формирования уголовных законов, поскольку как показывает системный анализ, лишение свободы уже предполагает то, что осуждённый обязан трудиться. При этом все правовые порядки признают, что труд не должен подменять собой основную цель наказания — исправление осуждённого.

Например, в Китайской Народной Республике обязанность трудиться прямо предусмотрена уголовным законом. Так, ст. 46 УК КНР предусмотрено, что каждый способный работать, должен работать. Труд, согласно УК КНР, необходим для достижения двух целей: 1) получение образования; 2) исправление посредством осуществления труда.

Тем не менее, несмотря на существующие различия, проведённый анализ также позволяет отметить наличие общей тенденции у названных государств по применению к осуждённым наказаний, которые, во-первых, направлены на создание в уголовных законах механизмов, позволяющим суду, с учётом конкретных обстоятельств, выбирать между тем наказанием, которое будет соразмерно совершённого деянию и не будет связано с лишением свободы, а во-вторых, во всех исследованных правовых порядках наблюдается разработка и имплементация таких наказаний, которые связаны с систематическим исполнением трудовой функции. Если в КНР исполнение указанных обязанностей входит в состав общественного надзора, то на территории Монголии в качестве такового выступают общественно-полезные работы.

В свою очередь, в Российской Федерации принудительные работы выступают именно в качестве альтернативы лишению свободы, которое может быть назначено осуждённому лицу в порядке замены только в том случае, если суд придёт к выводу, что осуждённый способен встать на путь исправления без реального отбывания наказания в местах лишения свободы.

Также нельзя оставить без внимания, что как УК РФ, так и УК КНР содержат положения, предоставляющие возможность уже осуждённым к лишению свободы лицам заменить неотбытую часть наказания на более мягкое в том случае, если будут соблюдены ряд законодательных условий [5, с. 135].

Например, если УК РФ в основном указывает на необходимость отбыть определённую часть срока лишения свободы (ст. 80 УК РФ), то УК КНР предписывает исходить из поведения осуждённого, учитывать его действия, направленные как на исправление, так и на содействие государственным органам в привлечении к ответственности преступных элементов (Раздел 6 УК КНР).

Таким образом, анализ показывает, что альтернативное лишению свободы наказание направлено как на гуманизацию уголовного законодательства, так и на предоставление возможности осуждённому через труд прийти к исправлению без реального отбывания лишения свободы, к чему стремятся как на территории Российской Федерации, так в Китайской Народной Республике и Монголии.

Литература

1. Бурьянова Е. С. Перспективы развития альтернативных лишению свободы наказаний // Форум молодых ученых. 2022. № 11(75). С. 46–51. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-alternativnyh-lisheniyu-svobody-nakazaniy> (дата обращения: 17.04.2025).
2. Шумкова К. Н. Содержание, сущность и цели наказания в уголовном праве ряда азиатских стран (на примере Китая, Японии, Кореи). С. 274–269. URL: <https://vestnik.volbi.ru/webarchive/348/yuridicheskie-nauki/soderzhanie-suschnost-i-celi-nakazaniya-.html> (дата обращения: 17.04.2025).
3. Борсученко С. А. Система наказаний по Уголовному кодексу Китайской Народной Республики // Уголовно-исполнительное право. 2018. № 4. С. 429–434. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-nakazaniy-po-ugolovnomu-kodeksu-kitayskoy-narodnoy-respubliki> (дата обращения: 23.04.2025).
4. Эрхитуева Т. И. Некоторые особенности системы видов наказания России и Монголии // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 3. С. 357–362. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-sistemy-vidov-nakazaniya-rossii-i-mongolii> (дата обращения: 17.04.2025).
5. Лун Чанхай, Коробеев А. И., Чучаев А. И. Уголовный кодекс КНР: совершенствование в процессе реализации (к 20-летию со дня принятия) // Lex Russica. 2018. № 3(136). С. 128–141. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnyy-kodeks-knr-sovershenstvovanie-v-protssesse-realizatsii-k-20-letiyu-so-dnya-prinyatiya> (дата обращения: 17.04.2025).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13.06.1996 N 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
7. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 08.01.1997 N 1-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 2. Ст. 198.
8. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 14 марта 1997 г. Доступ предоставлен интернет-сайтом «Исполнительного комитета Конгресса по Китаю». URL: <https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-law-of-the-peoples-republic-of-china#Chapter%20IV> (дата обращения: 17.04.2025).
9. Уголовный кодекс Монголии / перевод с монг. Амарсанаа Вандан-Иш, Батболд Галбадрах; науч. ред. перевода и предисл. М. В. Бавсуна, А. А. Нечепуренко. Омск: Изд-во Омской академии МВД России, 2020. 144 с.

Роль общеобразовательных организаций в профилактике преступности и правонарушений в Монголии

© **Лхагвадорж Мунх-Оргил**

научный сотрудник Научно-исследовательского института,
Университет внутренних дел Монголии, капитан полиции
Монголия, г. Улан-Батор
d.enkhtur@yandex.ru

Во всем мире сотрудничество полиции с государственными и негосударственными организациями, включая общеобразовательные школы, все чаще используется для борьбы с преступностью и конфликтами и их предотвращения. С переходом к рыночной экономике в 1990-х гг. количество преступлений в нашей стране растет значительными темпами, причем наблюдается тенденция к росту преступлений, совершаемых несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних. В частности, вызывает тревогу количество насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними правонарушителями. Дети в возрасте от 0 до 16 лет составляют 40 процентов от общей численности населения нашей страны. Среднегодовой прирост населения составляет 1,47 процента, что выше, чем в некоторых странах. Согласно исследованиям, в нашей стране растет число несовершеннолетних, вовлеченных в ранее незарегистрированные преступления [1].

Целью данной статьи является выведение профилактики правонарушений и преступлений на новый уровень, выявление причин и условий совершения преступлений несовершеннолетними, их взаимоотношений, определение оптимальных способов борьбы с ними, в том числе анализ и выводы по взаимодействию и сотрудничеству полиции, правоохранительных органов и общеобразовательных школ, а также внесение практических предложений, их обсуждение и реализация на практике. Область исследования определяется правами, обязанностями, ответственностью и сотрудничеством полиции и общеобразовательных школ в борьбе с преступлениями и правонарушениями, закрепленными в Конституции Монголии, Уголовном кодексе, Уголовно-процессуальном кодексе, Кодексе о семье, образовании, правонарушениях, профилактике преступлений и правонарушений, защите прав детей и временном содержании под стражей детей, оставшихся без присмотра. Мы также изучили статистику преступлений полиции, отчеты, материалы уголовных и административных дел, а также отчеты и доклады общеобразовательных школ и организаций по защите прав детей.

Ключевые слова: профилактика преступности, средняя школа, общеобразовательная организация.

Lkhagvadorj Munkh-Orgil

researcher at the Research Institute,
University of Internal Affairs of Mongolia, police captain
Mongolia, Ulaanbaatar
d.enkhtur@yandex.ru

Throughout the world, police cooperation with governmental and non-governmental organizations, including comprehensive schools, is increasingly used to combat and prevent crime and conflict. With the transition to a market economy in the 1990s, the number of crimes in our country has increased significantly, with a tendency to increase crimes committed by and against minors. In particular, the number of violent crimes committed by juvenile offenders is alarming. Children aged 0 to 16 years make up 40 percent of the total population of our country. The average annual population growth is 1.47 percent, which is higher than in some countries. According to research, the number of minors involved in previously unreported crimes is growing in our country.

The purpose of this article is to take the prevention of offenses and crimes to a new level, identify the causes and conditions for the commission of crimes by minors, their relationships, determine the best ways to combat them, including analysis and conclusions on the interaction and cooperation of the police, law enforcement agencies and comprehensive schools, as well as making practical proposals, discussing them and implementing them in practice. The scope of the study is determined by the rights, duties, responsibilities and cooperation of the police and comprehensive schools in the fight against crimes and offenses enshrined in the Constitution of Mongolia, the Criminal Code, the Criminal Procedure Code, the Code on Family, Education, Offenses, Prevention of Crimes and Offenses, Protection of Children's Rights and Temporary Detention of Children Left Unattended. We also studied police crime statistics, reports, materials of criminal and administrative cases, as well as reports and reports of comprehensive schools and organizations for the protection of children's rights.

Keywords: crime prevention, secondary school, general education organization.

В Законе Монголии «О профилактике преступлений и правонарушений» указано, что «профилактика преступлений — это комплекс экономических, социальных, правовых и иных организационных мер, направленных на выявление причин, условий и факторов, способствующих совершению преступлений и правонарушений, на основе изучения информации о преступлениях и правонарушениях, и их устранение»¹. Предупреждение преступности и правонарушений является важнейшим компонентом социального обеспечения и требует комплексных мер. Важной частью этого является участие средних школ. Средние школы — это учреждения, которые дают детям образование, жизненный опыт и социальные навыки, а также являются важной сферой профилактики преступности. Поскольку дети и подростки являются наиболее уязвимой и развивающейся группой общества, наиболее эффективным способом предотвращения их вовлечения в преступную деятельность являются образовательные учреждения.

В 1996 г. в Монголии был принят Закон о защите прав детей в рамках реализации Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка. Закон закрепляет основные принципы защиты прав детей следующим образом:

Обеспечить равенство и недискриминацию детей, их родителей, опекунов и сторонников по признаку этнической принадлежности, языка, расы, возраста, пола, социального происхождения, места рождения, имущественного положения, рода занятий, положения, религии, взглядов, образования или состояния здоровья.²

Правительство, граждане, предприятия и организации должны в своей деятельности уделять первостепенное внимание интересам детей.³

Родители, опекуны и попечители несут равную ответственность за обеспечение физического, умственного и нравственного развития и образования ребенка.⁴

Обеспечение выживания, развития, защиты и участия детей в общественной жизни является основополагающей обязанностью государства и семьи.⁵

Это легализует защиту прав детей как обязанность не только семьи, но и государственных органов и должностных лиц.

Согласно Закону о защите прав детей, правительство Монголии обязано организовывать мероприятия по защите прав детей по всей стране, обеспечивать управление и финансирование этих мероприятий, а также осуществлять всю полноту власти, включая разработку политики. Однако правительство в рамках своих полномочий по управлению центральной полицейской организацией, проверке ее деятельности, постановке задач и обеспечению их выполнения возложило на полицейскую организацию ответственность за наблюдение за несопровождаемыми детьми, определение их адресов и доставку их в центры социального обеспечения, что тесно связано с принципом государственного управления, который гласит, что «защита прав и свобод человека является обязанностью государства», поскольку Монголия является демократической страной.

Соответствующие положения Закона о полицейской службе Монголии направлены на предоставление услуг по защите детей, а следующие законы применяются в качестве руководящих принципов при организации этой работы. Включая:

Законодательство:

1. Конституция Монголии;
2. Уголовный кодекс;
3. Конвенция ООН о правах ребенка;
4. Рекомендация МОТ 190;
5. Закон о полиции;
6. Закон об образовании;
7. Закон о социальном обеспечении;
8. Семейный кодекс;
9. Закон о борьбе с домашним насилием;
10. Закон о социальной защите граждан с ограниченными возможностями;
11. Закон о защите прав детей;
12. Закон о временном содержании под стражей детей, оставшихся без присмотра.

¹ Ст. 3 Закона о профилактике преступлений и правонарушений.

² Закон о правах детей.

³ Ст. 4 Закона о защите прав детей.

⁴ Ст. 6 Закона о защите прав детей.

⁵ Ст. 5–8 Закона о защите прав детей.

Постановления и распоряжения:

1. Правила и положения центра временного содержания несовершеннолетних без сопровождения взрослых;

2. Некоторые меры в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

3. О некоторых мерах поддержки развития ребенка;

4. Постановления Правительства Монголии № 13, 15, 346 от 2007 г.;

5. Обязанности и ответственность, возложенные на министра внутренних дел, директора центральной полиции и директора национальной полиции.

6. В своей деятельности полиция руководствовалась Приказом начальника полиции № 107 от 2021 г., включая нормативные акты.

В настоящее время вышеуказанные мероприятия осуществляются 4–6 инспекторами и 1 представителем в каждом отделении полиции и районном отделении полиции в столице, 2–3 инспекторами в каждом отделении полиции аймака и в каждом отделении, а также 1–2 представителями в центрах крупных аймаков, таких как Дорнод, Дархан-Уул, Сэлэнгэ и Тув, которые имеют высокую плотность населения и высокоразвитую промышленность. Более 70 процентов из них — женщины, и более 70 процентов — юристы.

В 23-м докладе о ситуации с правами и свободами человека в Монголии рассматриваются и делаются выводы о дискриминации, преследованиях и издевательствах со стороны сверстников в среде средних школ.

Учащиеся средних школ имеют право не подвергаться дискриминации по признаку этнической принадлежности, языка, расы, возраста, пола, особенностей развития, здоровья, социального происхождения, статуса, благосостояния, рода занятий, положения, религии или идеологии во время обучения. Одним из шагов на пути к реализации этого права является четкое устранение дискриминации во внутренних правилах и процедурах школы.

Исследование показало, что большинство случаев издевательства и дискриминации происходит в государственных школах.

В п. 10.2.6 ст. 10 Закона об общем образовании говорится, что учащиеся обязаны «принимать различия других, уважать права и свободы человека и воздерживаться от участия в актах дискриминации, преследования, унижения или клеветы на их честь и репутацию». Кроме того, в ст. 12, п. 12.1.1 Закона о дошкольном и общем образовании указано, что дети имеют право «учиться в дружелюбной, безопасной и защищенной среде, свободной от любых форм насилия, издевательства, притеснений и дискриминации, в детских садах и общеобразовательных школах».

В ходе нашего исследования среди подростков мы отметили рост подверженности дискриминации, давлению со стороны сверстников и издевательствам. В нем также рассматривается вопрос защиты детей в школах-интернатах, который часто игнорируется в образовательной политике. 35 196 старшеклассников в возрасте от 6 до 18 лет проживают и получают образование в 517 пансионах, вдали от родителей и семей, в течение 224–245 дней в году или 9 месяцев.

Национальная комиссия по правам человека в своем очередном докладе за 2017 год о ситуации с правами и свободами человека в Монголии на основе исследований рассмотрела некоторые вопросы, связанные с реализацией прав детей. Результаты вышеуказанного исследования показывают, что наиболее распространенным нарушением прав детей в Монголии является насилие в отношении детей,¹ одной из его форм — пренебрежение нуждами детей.

В опросе приняли участие 4264 ребенка в возрасте от 12 до 18 лет, проживающих в 7 районах и 8 аймаках города Улан-Батора, 2743 родителя, опекуна и 152 члена объединенной группы по защите детей. Из детей, принявших участие в опросе, 17,2% заявили, что никогда не подвергались насилию, а остальные 82,8% заявили, что подвергались той или иной форме насилия.

62 процента из них подверглись физическому и эмоциональному насилию, включая словесные оскорбления, 50,2 процента были щипаны, а 43,5 процента были избиты. Они также сообщили, что 27,8% из них подвергались насилию, включая пренебрежение, 24,8% — унижению, 22,9% — запугиванию, 17,1% — дискриминации, 14,7% — сексуальным домогательствам, 5,9% — принудительному труду и 4,8% — выселению из дома. В совокупности эти результаты показывают, что 8 из 10 детей подвергались той или иной форме насилия, причем наиболее распространенным является физическое насилие, которое чаще всего происходит в семье и школе.

¹Жестокое обращение с детьми — пренебрежение, сексуальное насилие, физическое наказание и эмоциональное насилие, которые преднамеренно или непреднамеренно наносят вред жизни, здоровью, развитию ребенка, его физическому или психическому здоровью (Ст. 4, раздел 4.1.8 Закона о защите детей).

Каждый второй опрошенный ребенок не считает свою среду обитания безопасной и защищенной, а 38,3 процента заявили, что больше всего их пугает школьная среда (учителя, руководители школ, социальные работники и воспитатели общежитий).¹

Основными виновниками нарушений прав детей и насилия в школьной среде были названы старшеклассники (47,6 процента) и учителя (15 процентов), что свидетельствует о том, что место, ставшее для ребенка вторым «домом», не является безопасным и дружелюбным по отношению к нему. Школьная травля — это акт издевательства, преследования или насилия со стороны учителей и других учащихся. К сожалению, результаты вышеуказанного исследования подтверждаются и исследованиями, проведенными другими организациями.

Дошкольные учреждения серьезно нарушают права детей, заставляя детей бояться и беспокоиться по отношению к своим учителям и сверстникам. В настоящее время правительство уделяет определенное внимание безопасности в школьной среде (включая общежития), и приказом министра образования, науки и технологий² разработаны и утверждены — Политика защиты детей в школьной среде, Учебная среда образовательных учреждений и Порядки предотвращения жестокого обращения с детьми в общежитиях.

Однако эти документы не имеют практического значения для предотвращения травли со стороны сверстников, а отсутствие единого понимания их содержания среди школьной администрации, учителей, семей, опекунов и учащихся делает невозможным реагирование на насилие в школьной среде, изменение культуры насилия, а также изменение отношения и повседневной практики учителей и учащихся. Помимо предоставления образования детям, школы также обязаны защищать их от нарушений их прав.³ Однако исследования в области прав человека и прав детей показывают, что учащиеся подвергаются риску издевательств, дискриминации, а также вовлечения в насилие и преступность в своих школах и общежитиях, что не снижает уровень нарушений прав детей.

Насилие — это не врожденная характеристика личности, а скорее отношение и поведение, которые создаются и формируются под влиянием индивидуальных, семейных, экологических и социальных факторов. Привычное поведение можно изменить, а негативное поведение можно предотвратить до того, как оно станет привычкой. Внедряя защитные меры против факторов, способствующих насилию, можно изменить поведение и предотвратить насилие до его совершения.

Отсутствие реакции на насилие со стороны сверстников в школах является основной причиной того, что насилие процветает везде и всюду. В школьной среде, особенно среди учащихся мужского пола, распространено преследование младших школьников, когда они требуют деньги, а затем избивают их, если они их не отдают.

Для девочек кибербуллинг и эмоциональное насилие, основанное на дискриминации, являются обычным явлением. В некоторых случаях классный руководитель знает об этом, но не предпринимает никаких действий или не знает, что делать, поэтому давление со стороны сверстников и насилие не снижаются.

Причины, по которым дети совершают преступления.

Существует множество различных факторов, которые побуждают детей совершать преступления. Существуют следующие причины и условия, которые зависят от общества, экономики, образования, семейной обстановки и ребенка. Включая:

а. Социально-экономические:

Бедность.

Безработица.

В связи с ростом алкоголизма в обществе в магазинах и заведениях сферы услуг незаконно продают и подают алкогольные напитки детям.

Ломбарды и пункты обмена сотовых телефонов скупают мобильные телефоны и другие ценные вещи у детей по низким ценам.

Сверхурочные игры на ПК.

Чрезмерная открытость СМИ и отсутствие контроля над интернетом.

У девочек-подростков повысилась самооценка, что увеличивает риск стать жертвами сексуального насилия и изнасилования.

Проблема социализации детей, освободившихся из мест лишения свободы и отбывающих наказание, не связанное с лишением свободы, осталась без внимания.

¹ 16-й доклад о ситуации с правами человека в Монголии, HRC 2017. С. 13

² Утверждено приказом Министра образования и науки Республики Казахстан от 31 июля 2018 г. № А/476.

³ Закон об образовании 44.2.4, Закон о начальном и среднем образовании 20.2.15, Закон о защите детей 1.1.

б. Школа и образование:

Учителя и воспитатели не смогут охватить каждого ребенка.

Недостаточно работы проводится в сфере образования детей.

В школе наблюдаются случаи формирования банд, издевательств и притеснений.

Нет условий для полноценного проведения свободного времени студентами (отсутствуют кружки, секции, факультативы, даже если они есть, то платные).

Недостает работы по воспитанию детей, изменению их психологии и мышления, обеспечению их нравственной зрелости.

в. Семья:

Домашнее насилие.

Ссоры и плохие отношения между родителями.

Развод.

Родительский надзор слаб, и детям не уделяется достаточного внимания.

Родительский алкоголизм в семейной среде.

Незнание или непринятие во внимание возраста, физического состояния и особенностей развития ребенка.

Отсутствие надлежащих методов обращения с детьми и их воспитания.

г. В зависимости от ребенка:

Когнитивные и поведенческие расстройства у детей.

Я настроен на легкое зарабатывание денег.

Появилась идея, что ценность жизни связана с деньгами.

Психологическая стойкость, смелость и независимость не развиваются.

Собственная уязвимость и одиночество ребенка.

Отрицательное влияние друзей, влияние окружающих (курение, употребление алкоголя).

Детское любопытство, наивность и стремление к самостоятельности.

Стать соучастником взрослых, участвовать и содействовать им в совершении преступлений.

Причины, по которым дети совершают преступления, также являются фактором риска жестокого обращения с детьми.

Дети подвергаются преступным нападениям, гибнут, страдают от вреда здоровью, эмоциям и имуществу.

Самое главное, что случаи преступлений не прекращаются из-за слабого родительского надзора, давления и насилия, отсутствия правовых знаний у граждан, отсутствия профилактического обучения и рекомендаций со стороны школ и образовательных учреждений, а также отсутствия сотрудничества с родителями и семьями в этом вопросе. Кроме того, работа по защите прав детей и предупреждению преступлений и правонарушений со стороны полиции не ведется инновационным и эффективным образом.

Одной из причин, по которой жизнь и здоровье детей подвергаются риску, являются дорожно-транспортные происшествия и инциденты. Это зависит от дорожных условий, мастерства водителя, культуры дорожного движения и невнимательности. Дети подвергаются высокому риску дорожно-транспортных происшествий из-за того, что водители не пристегивают детские ремни безопасности, сажают детей на колени пассажиров, превышают скорость, не соблюдают правила дорожного движения и невнимательны.

Сотрудничество полиции и средних школ, пути решения насущных проблем.

Некоторые вопросы, которые следует рассмотреть полиции:

Изучить и решить вопрос о создании в полиции «Подразделения по профилактике детской преступности», повысить роль различных профессиональных подразделений в профилактике детской преступности, обеспечить их квалифицированными кадрами и наделить их полномочиями;

Уточнить график работы и дежурств детских инспекторов и улучшить показатели оценки их деятельности;

Обучение и подготовка специализированных следователей и сотрудников по расследованию преступлений, совершенных детьми;

Сбалансировать нагрузку на детских инспекторов и решить вопрос увеличения численности детских инспекторов в некоторых районах и районных отделениях полиции и департаментах с высокой нагрузкой;

Установить и обеспечить соблюдение стандартной нормы относительно того, сколько школ и детей должен нанимать каждый детский инспектор;

Проводить регулярные тренинги и предупреждения по профилактике преступности для студентов университетов, колледжей и общеобразовательных школ;

Усилить и предотвратить полицейский надзор за детскими коллективами в школах и в зоне ответственности;

Любое действие, наносящее вред жизни, здоровью, психическому здоровью или имуществу ребенка, должно быть полностью выявлено, незамедлительно расследовано и разрешено, а причины и обстоятельства должны быть точно установлены;

Проводить исследования взаимоотношений между детьми, вовлеченными в преступность и пострадавшими от нее, а также активизировать усилия по выявлению и пресечению лиц, склоняющих детей к совершению преступлений;

Улучшить контроль за бездомными, бродягами, гражданами и детьми, живущими в окопах;

Улучшить надзор за детьми, освободившимися из мест лишения свободы или приговоренными к другим видам наказания, нежели тюремное заключение, и ранее причастными к преступлениям и правонарушениям, а также сотрудничать с государственными и неправительственными организациями в целях содействия их социализации;

Напоминать предприятиям и поставщикам услуг о недопустимости продажи или подачи алкогольных напитков детям и привлекать их к ответственности за нарушения;

Повысить роль представителей местного сообщества, особенно в сомонах, в профилактике детской преступности;

Привлекать квалифицированных социальных работников и психологов для работы с детьми, которые совершают или могут совершить преступления из-за своего психологического состояния. (психологи должны оказывать услуги студентам и участникам дел, а не сотрудникам или должностным лицам);

Эффективно организовать работу по предупреждению детского травматизма в дорожно-транспортных происшествиях и инцидентах;

Поскольку в сельской местности дети школьного возраста (без прав) часто ездят на мотоциклах, этот вопрос следует решить на законодательном уровне;

Обеспечивать работу зон обслуживания, таких как игровые центры, интернет-кафе, бильярдные и пункты проката фильмов на компакт-дисках, в соответствии с графиком и контролировать соблюдение правил.

Некоторые вопросы, которые следует рассмотреть образовательным учреждениям:

Сосредоточить работу социальных работников в средних школах на развитии детей и профилактике организованной преступности в школьной среде;

Активизировать деятельность «Советов по профилактике правонарушений», созданных в средних школах, и расширить участие детей;

Активизировать и расширить деятельность «Ассоциации студентов-полицейских» и «Молодежной полицейской группы», а также расширить участие администрации школ;

Организовывать различные конкурсы и мероприятия, помогающие детям проводить свободное время с пользой для здоровья и улучшать свою физическую форму;

Обеспечивать обучение жизненным навыкам и курсы, которые влияют на поведение детей, и охватывать не только активных детей, но и детей из неактивной группы;

Повысить ответственность родителей, опекунов, школьной администрации и учителей за детей, которые уязвимы к влиянию окружающих и могут быть вовлечены в преступления и конфликты;

Регулярно транслировать юридические программы, советы и предупреждения для детей через средства массовой информации;

Учителя, воспитатели и сотрудники полиции должны работать сообща для поддержания общественного порядка, организовывать регулярные патрули и вознаграждать учителей, которые активно участвуют, определенным процентом от их заработной платы;

Помимо включения юридических тем в курс «Гражданское образование», в целях профилактики совершения детьми преступлений и правонарушений в учебную программу также включены следующие темы:

Инспекторам по охране детства следует изменить методы профилактической работы, организованной среди детей, особенно школьников, проявлять инициативу, разрабатывать и предлагать темы для разговоров, специально адаптированные к возрасту и складу ума ребенка, инновационным способом;

Классные руководители должны принимать широкое участие в предупреждении совершения преступлений учащимися, а администрации школ следует предоставлять информацию и инструктажи по этому вопросу;

Регулярно участвовать в совместных встречах родителей и учителей школ с целью предоставления правового образования и повышения осведомленности о предотвращении изнасилования девочек и девочек-подростков и улучшения надзора родителей и опекунов за их детьми;

Провести опрос родителей и опекунов, которые имеют ограниченный надзор за своими детьми из каждого школьного класса, и встретиться с этими родителями лично, чтобы объяснить им и познакомить их с ними;

Оказание психологической помощи детям, пострадавшим от изнасилования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Правовая основа взаимодействия полиции и средних школ по предупреждению, пресечению и борьбе с преступностью и правонарушениями в определенной степени создана, но не отвечает современным требованиям. Это связано с тем, что данная работа реализуется на основе предложений, инициатив и активных усилий инспекторов полиции по делам детей, социальных работников и учителей средних школ, а не на высоком уровне закона, политики или планирования.

Работа по формированию у учащихся общеобразовательных учреждений установки на борьбу с преступностью и конфликтами, их предотвращение и прекращение также не осуществляется на основе единой политики и организации.

Исследования показали, что значительная часть преступлений и правонарушений, совершенных несовершеннолетними, в том числе учащимися средних школ, носит скрытый характер. Другими словами, значительное количество преступлений и правонарушений не попадает под регистрацию и обработку полиции.

При рассмотрении преступлений, нарушений и недостатков, совершаемых учащимися средних школ, из года в год наблюдается тенденция к увеличению следующих случаев: отравления, самоубийства, компьютерная игровая зависимость, прогулы, насилие друг над другом (угрозы, травмы, побои, грабежи), списывание и проституция.

Учитывая отсутствие конкретной работы и мер по пресечению и предотвращению всех конфликтов, возникающих в среде средних школ, необходимо регулярно организовывать работу, финансируемую из фондов профилактики правонарушений аймака, столицы и районов, и оценивать результаты.

Литература

1. Болдбаатар Б. К вопросам этиологии преступности несовершеннолетних. Улан-Батор, 2004. С. 58.
2. Уголовный кодекс Монголии / перевод с монг. Батболд Галбадрах, Амарсанаа Вандан-Иш; науч. ред. перевода и предисл. М. В. Бавсуна, А. А. Нечепуренко. Омск: Изд-во Омской академии МВД России, 2020. 144 с.
3. Конституция Монголии (принята 13 января). URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/mon127760R.pdf> (дата обращения: 04.08.2025).

Механизм уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от преступлений: сравнительно-правовой анализ норм РФ и стран Азии

© Э. Д Маншеева
студент 2-го курса,
Восточно-Сибирский государственный
университет технологий и управления,
Россия, г. Улан-Удэ
Erzhena_98@mail.ru

В современном мире остро стоит вопрос безопасности. Одним из критериев, отвечающих за развитость страны является безопасность детей — именно они составляют большую категорию социально не защищенного населения. В данной статье рассмотрены основные аспекты механизма уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от преступлений: сравнительно-правовой анализ норм России и некоторых стран Азии.

Ключевые слова: безопасность, защита, несовершеннолетние, преступность, профилактические меры.

D. Mansheeva
2nd year student,
East Siberian State
University of Technology and Management,
Russia, Ulan-Ude
Erzhena_98@mail.ru

In the modern world, the issue of security is acute. One of the criteria responsible for the development of the country is the safety of children - they make up a large category of socially unprotected population. This article examines the main aspects of the mechanism of criminal-legal protection of minors from crimes: a comparative legal analysis of the norms of Russia and some Asian countries.

Keywords: security, protection, minors, crime, preventive measures.

Механизм уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от преступлений в современном мире — это фундаментальная основа системы защиты прав и свобод человека и гражданина в целом. Учитывая рост населения в мире, можно сказать, что растет количество детей. Дети — это мало защищенный слой населения, который не может постоять за себя. Часто именно против них совершаются преступления различного характера. Поэтому дети нуждаются в особой заботе государства.

Защита прав ребенка является долгосрочным вкладом в экономическое и политическое развитие страны, потому что именно дети в скором времени будут основными производителями и потребителями благ, а также станут у управления государством. От подрастающего поколения зависит будущее государства. Обратимся к статистике безопасности и преступности в некоторых странах Азии и России. За основу возьмем индекс безопасности и индекс преступности [2].

Таблица 1

Индексы безопасности и преступности России и некоторых стран Азии

Страна	Индекс безопасности	Индекс преступности
Россия	61,3	38,7
Китай	76,0	24,0
Япония	77,1	22,9
Палестина	57,2	42,8
Йемен	36,3	63,7

Исходя из Таблицы 1 мы можем сказать, что безопасность граждан страны обратно пропорциональна преступности.

На Международном форуме по преступности и уголовному праву в 2021 г. отмечено, что в мире проходит беспрецедентное снижение насилия, в частности уменьшается количество убийств.

Понятие уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от преступлений в РФ и странах Азии включает в себя специфические признаки, такие как возрастные рамки привлечения к уголовной ответственности, особый порядок рассмотрения уголовных дел в суде и особенности назначения и от-

бывания наказаний. В каждой стране нормы, регулирующие эту сферу, могут отличаться. С каждым годом увеличивается население планеты, значит растет и доля детей. Можно сделать вывод, исходя из данных Таблицы 1 и данного факта, что доля преступлений с несовершеннолетними увеличивается. Решение проблемы преступлений с детьми требует значительных мер от каждого государства. Механизм уголовно-правовой защиты несовершеннолетних имеют схожие и различные черты в России и странах Азии. Рассмотрим конкретные примеры.

Во-первых, обратим внимание на основной документ, регламентирующий данную деятельность.

В России основным документом, регулирующим уголовно-правовые процессы является Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее — УК РФ) [1].

В Японии главным документом, регулирующим правопорядок, является Уголовный кодекс Японии. Он состоит из двух частей: Общие положения и преступления, в нем всего 174 статьи.

Уголовный Кодекс Индии 1860 г. также носит основную значимость. Примечательно, что более чем за 150 лет он практически не изменился.

Во-вторых, отличительным является возраст несовершеннолетнего.

Несовершеннолетним в Российской Федерации является человек, не достигший 18 лет.

В странах Азии это понятие имеет другие значения. Например, Йемен и Индонезия признают совершеннолетними с 15 лет, Киргизия, Вьетнам — с 16 лет. В свою очередь в Палестине несовершеннолетними девочки становятся в возрасте 16 лет, а молодые люди в 17 лет [4].

Китай и Япония по аналогии с Россией несовершеннолетним лицом считают человека от рождения и до 18 лет. По общему правилу уголовная ответственность по всем нормам наступает в 16 лет. Если же мы говорим об особо тяжких преступлениях, то нормами права ответственность предусмотрена с 14 лет [6].

Отметим, что в России несовершеннолетние до 14 лет не несут ответственность по уголовному кодексу, потому что ребенок не может осознавать всю тяжесть своего деяния, соответственно и не может нести полную ответственность за его совершение. Но ребенок подвергается другим мерам воздействия. В Китае несовершеннолетние, попадающие под уголовную ответственность — с 14 до 18 лет, а вот за преступления с особой жестокостью могут осудить с 12 лет. В Японии уголовное преследование несовершеннолетних градируется от 16 до 18 лет. Но стоит обратить внимание на законодательство таких стран, как Куба и Малайзия, в которых в целом отсутствует понятие нижней возрастной границы для уголовного преследования [9]. А вот в Индии возраст уголовной ответственности наступает в 18 лет. Стоит отметить, что такой широкий возрастной разброс наступления уголовной ответственности для несовершеннолетних, порождает под собой и разные меры отбывания наказания для стран.

В-третьих, обратимся к местам исполнения наказания и другим исправительным учреждениям.

Согласно ст. 74 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации существуют несколько видов исправительных учреждений для несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, а также осужденных, оставленных в воспитательных колониях до достижения ими возраста 19 лет.

Виды исправительных учреждений:

Несовершеннолетние осужденные к лишению свободы в Японии отбывают наказание в следующих учреждениях:

- специальные арестные дома;
- тюрьмы, специально предназначенные для несовершеннолетних;
- исправительные школы;
- классификационные дома.

Здесь мы видим большую классификацию учреждений.

Обратимся к законодательству Китая. Здесь несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы, отбывают наказание в исправительных колониях для несовершеннолетних. В таких учреждениях содержатся лица, не достигшие 18 лет, приговоренные народным судом к лишению свободы на определенный срок, пожизненному лишению свободы или к смертной казни с отсрочкой исполнения на 2 года. Отметим, что в Китае одной из мер наказания является смертная казнь, к которой не могут приговорить несовершеннолетних.

В Китайской Народной Республике применяется особо строгий и неповторимый подход к соблюдению законности, где одним из наиболее суровых наказаний за тяжкие преступления является смертная казнь [7]:

- за коррупцию
- мошенничество
- должностные правонарушения.

Такая практика имеет глубокие исторические корни: с давних времен в Китае чиновники, злоупотребляя властью и растрачивая государственные средства, подрывали обороноспособность страны перед внешними угрозами [5].

Таким образом, каждая страна определяет меры содержания несовершеннолетних преступников.

Четвертый пункт анализа посвящен профилактическим нормам.

Основой механизма уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от преступлений во всех странах остается профилактическая деятельность [7]. Для предотвращения правонарушений среди подростков Российской Федерации применяются следующие профилактические мероприятия:

- общие профилактические меры: предотвращение преступности против несовершеннолетних в целом;

- особые меры: применяются к группе лиц, подверженных асоциальному поведению;

- индивидуальная профилактика — работа с конкретным несовершеннолетним, совершившим преступление или подверженным особому вниманию [8].

Некоторые меры профилактики и предупреждения преступности в Японии:

- принятие «Плана по созданию самой безопасной в мире Японии»;

- организация «Дня развития безопасного и защищённого сообщества». волонтерская инициатива «Дом номер 110 для детей»;

- пропагандистская работа.

Обратимся к профилактическим мерам, применяющимся в Китае:

- особые меры воспитания в школе;

- высокая роль домовых комитетов, парткомов и профкомов.

- работа разветвлённой сети видеонаблюдения и др. [3].

Исходя из выше приведенных примеров механизмов уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от преступлений в России и странах Азии, можно сделать следующие выводы. Во-первых, возраст наступления уголовной ответственности имеет широкий диапазон. Во-вторых, несовершеннолетних осуждают только за преступления средней тяжести или особо тяжкие. В-третьих, в странах Азии и России развита система специализированных учреждений для отбывания наказаний несовершеннолетними. Дети не отбывают наказание вместе со взрослыми. В-четвертых, основой механизма является профилактическая работа с несовершеннолетними. Предупреждение преступлений, совершенных детьми. На основании анализа мы можем выделить следующие проблемы и недостатки существующих механизмов уголовно-правовой защиты несовершеннолетних в РФ и странах Азии:

- различия в возрастных рамках привлечения к уголовной ответственности;

- отсутствие единой системы наказаний для несовершеннолетних;

- отсутствие единого подхода к дифференциации ответственности несовершеннолетних;

- различия в правовых системах и культурных особенностях стран.

Хотя в России и странах Азии присутствуют схожие принципы защиты несовершеннолетних, различия в подходах, возрасте наступления ответственности и методах воспитания отражают культурные и исторические особенности каждого региона.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13.06.1996 N 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Иванов А. А. Организованная преступность и борьба с ней в Японии. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2000. 169 с.
3. Коробеев А. И., Морозов Н. А. Особенности современной организованной преступности в Японии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2023. № 3. С. 159–165
4. Маслов Г. Ф. Особенности организованной преступности и противодействие ей в условиях Дальневосточного региона: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Хабаровск, 1997. 166 с.
5. Номоконов В. А., Маслов Г. Ф. Организованная преступность в дальневосточном регионе: острая ситуация // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 4. С. 75–86.
6. Организованная преступность на Корейском полуострове: [сайт]. URL: <https://maxpark.com/commuiw/1456/content/1660356> (дата обращения: 21.08.2022).
7. Стокер С. Японская организованная преступность: содействие торговле людьми в крупных масштабах // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2008. № 2. С. 34–41.

8. Сухаренко А.Н. Организованная преступность дальнего востока: состояние и меры борьбы // Региональные проблемы. 2016. Т. 19, № 1. С. 54–58.
9. Хэ Бинсун. Организованная преступность. Исследование преступности мафиозного характера в континентальном Китае. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005. С. 24–35.
10. Шалагин А. Е. Транснациональная преступность: понятие, признаки, меры противодействия // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 3. С. 138–142.

**Наркопреступность в России и Азиатско-Тихоокеанском регионе:
глобальные угрозы и стратегии борьбы**

© А. Р. Мусина

аспирант 2-го года обучения,
Уфимский университет науки и технологий
Россия, г. Уфа
ARMusina@fa.ru

В представленной статье рассматриваются актуальные аспекты наркопреступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), с фокусом на стратегических подходах к противодействию данной угрозе. В качестве методологической основы используется Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, поскольку именно этот документ задает системные ориентиры для борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Особый акцент сделан на современных вызовах, обусловленных транснациональной наркоэкспансией, в том числе на возникновении новых центров производства и распространения психоактивных веществ. Ключевым риском для России и соседних государств АТР остается активный наркотрафик, исходящий из зон традиционного наркопроизводства — так называемых «Золотого треугольника» (Юго-Восточная Азия) и «Золотого полумесяца» (Центральная Азия).

Ключевые слова: наркотрафик, наркопреступления, Золотой полумесяц, Золотой треугольник, психоделический ренессанс, квазитерапевтический, Азиатско-Тихоокеанский регион.

A. R. Musina

2nd year postgraduate student,
Ufa University of Science and Technology
Russia, Ufa
ARMusina@fa.ru

This article examines current aspects of drug crime in the Asia-Pacific region (APR), with a focus on strategic approaches to countering this threat. The National Security Strategy of the Russian Federation is used as a methodological basis, since it is this document that sets system guidelines for combating drug trafficking. Special emphasis is placed on modern challenges caused by transnational drug expansion, including the emergence of new centers for the production and distribution of psychoactive substances. The key risk for Russia and the neighboring countries of the Asia—Pacific region remains active drug trafficking originating from the areas of traditional drug production - the so-called «Golden Triangle» (Southeast Asia) and the «Golden Crescent» (Central Asia).

Keywords: drug trafficking, drug crimes, Golden Crescent, Golden Triangle, psychedelic renaissance, quasi-therapeutic, Asia-Pacific region.

Вот и едут гонцы из далеких портовых городов,
из одного края света в другой,
едут как замороженные в поисках
одурманивающей анаши...
Чингиз Торекулович Айтматов «Плаха»

В современную эпоху масштабы транснациональной наркопреступности и распространения наркозависимости приобрели беспрецедентный характер. Злоупотребление психоактивными веществами превратилось в глобальную угрозу, подрывающую социально-экономическую стабильность и безопасность мирового сообщества.

В соответствии с положениями «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», подписанной главой государства 2 июля 2021 г., одним из ключевых направлений внешнеполитической деятельности России выступает укрепление взаимодействия на международной арене в сфере противодействия незаконному изготовлению и распространению наркотических веществ. Подобные меры играют решающую роль в нейтрализации транснациональных угроз и отстаивании стратегических интересов страны, направленных на охрану здоровья населения и поддержание общественной безопасности. Совместная работа на многосторонней основе превращается в важнейший механизм противодействия наркоторговле. Лишь консолидировав ресурсы и потенциал разных стран, человечество сможет эффективно противостоять этой опасности и обеспечить устойчивое развитие общества, свободного от наркотиков [1].

В результате глобальной трансформации экономических и социальных структур феномен наркомании и связанной с ней преступности кардинально изменился. Современные реалии характеризуются появлением синтетических психоактивных соединений, чье воздействие на организм и психику человека остаётся мало исследованным [2, ст. 50]. В современном мире глобальная наркотизация приобретает всё более угрожающие масштабы, и главными катализаторами этого процесса выступают крупнейшие наркопроизводящие регионы. Особую роль в этом играют Южная Америка и Афганистан, которые по праву считаются эпицентрами мирового наркобизнеса.

Эти территории не просто поставляют запрещённые вещества — они формируют целые сети транснационального наркотрафика, влияя на его геополитическую динамику. Их производственные мощности и логистические схемы определяют основные потоки наркотиков, проникающих как в развитые, так и в развивающиеся страны. Таким образом, данные регионы остаются ключевыми звеньями в глобальной цепи распространения психоактивных веществ, создавая серьёзные вызовы для международной безопасности. Такой уровень наркопроизводства и распределения превращает Южную Америку и Афганистан не просто в поставщиков, а в стратегические узлы мировой наркоиндустрии, от действий которых зависит ситуация на чёрном рынке в различных уголках планеты.

Транснациональная наркопреступность — одна из ключевых угроз современности, оказывающая влияние на безопасность всех государств. Как подчёркивает Я.И. Гишинский, «наркобизнес... игнорирует любые территориальные ограничения». Анализ данного вида преступной деятельности затруднён ввиду отсутствия универсального толкования термина. Как в академических кругах, так и в правовом поле наблюдаются существенные расхождения в трактовке и систематизации этого феномена [3, ст. 68]. В эпоху глобализации преступности, которая опирается на устойчивое функционирование двух ключевых центров наркопроизводства, становится крайне важным сформировать и внедрить концепцию антинаркотической безопасности в международном и транснациональном масштабе. Данная концепция призвана стать действенным механизмом противодействия масштабной угрозе, выраженной в виде разветвлённой сети международного наркотрафика. В настоящее время данная сеть стремительно расширяется и эволюционирует, формируя значительные угрозы для современного общества. Распространение наркозависимости, незаконный оборот психоактивных веществ, а также преступная деятельность, связанная с наркоторговлей, создают реальную опасность для глобальной безопасности. Эти факторы не только калечат судьбы людей, но и размывают нравственные устои, что в перспективе может спровоцировать дестабилизацию целых государств. Таким образом, проблема приобретает масштабный характер, требуя незамедлительных мер на международном уровне.

Незаконный оборот наркотиков является одним из ключевых источников финансирования террористических и радикальных группировок. Получаемые от продажи запрещённых веществ колоссальные прибыли направляются на организацию терактов, распространение экстремистской идеологии и расширение рядов боевиков.

Психоактивные вещества способны причинить значительный ущерб психике: они снижают самоконтроль, искажают реальность и увеличивают уязвимость человека перед воздействием криминальных структур. В результате зависимые лица могут быть втянуты в противоправные действия, в том числе в терроризм.

Отдельные радикальные организации напрямую задействованы в изготовлении и сбыте наркотиков, направляя прибыль на финансирование своих боевых групп и подготовку атак. Кроме того, наркотические средства применяются как средство манипуляции при идеологической обработке потенциальных сторонников и планировании террористических операций.

Таким образом, противодействие наркоторговле играет важнейшую роль в поддержании глобальной безопасности. Эффективная борьба с распространением запрещённых препаратов способствует снижению уровня преступности, минимизации угроз терроризма и защите граждан от деструктивного влияния экстремизма [4, ст. 23].

Регион, известный как Золотой треугольник, представляет собой уникальный геополитический и криминальный феномен, где сходятся границы трех государств Юго-Восточной Азии: Мьянмы, Таиланда и Лаоса. По данным УНП ООН, эта территория площадью свыше 200 000 км² (с некоторыми источниками, указывающими до 367 000 км²) исторически являлась эпицентром незаконного оборота наркотиков [5]. Золотой треугольник — это регион, получивший своё звучное название из-за характерного географического очертания: на карте он образует треугольник, в углах которого расположены три страны Юго-Восточной Азии. Существует версия, что топоним возник благодаря опиумной торговле — в прошлом наркоторговцы обменивали опиум на золото, что и закрепило за местностью такое «драгоценное» название. Регион, известный как Золотой треугольник, на протяжении десятиле-

тий оставался ключевым центром производства и распространения опиума и героина. Его уникальный ландшафт, состоящий из густых лесов, холмов и горных массивов, обеспечивает идеальные условия для культивирования опийного мака. Особенно благоприятными считаются территории, расположенные на высоте свыше 1000 метров, где умеренный климат и относительная изолированность поселений позволяют вести незаконное выращивание с минимальным риском обнаружения.

История массового возделывания опийного мака в этом регионе уходит корнями в период Второй мировой войны, когда растение стали активно использовать не только в традиционной медицине, но и как прибыльную товарную культуру. Геополитическое положение Золотого треугольника способствовало развитию наркоторговли: опиум переправляли по речным путям из Таиланда и Лаоса в Мьянму, а оттуда — в Индию, Бангладеш и другие страны, формируя обширные криминальные сети. Сложный рельеф и слабая инфраструктура региона существенно затрудняют действия правоохранительных органов, делая горные районы практически недосягаемыми для контроля. Именно поэтому к середине XX века Золотой треугольник превратился в крупнейший мировой поставщик опиатов, удерживая лидерство в этой сфере долгие годы.

В современном глобализованном обществе транснациональная организованная преступность демонстрирует качественную трансформацию своей структуры и методов деятельности. На смену традиционному наркобизнесу, основанному на торговле опиумом, приходят высокотехнологичные производства синтетических психоактивных веществ, среди которых метамфетамин занимает лидирующие позиции.

Современные преступные сети активно действуют не только в сфере наркоторговли, но и в киберпреступлениях, незаконном обороте редких видов флоры и фауны, экологических преступлениях, торговле людьми и отмывании денег.

Организованные группировки быстро адаптируют методы производства и распространения запрещенных веществ, а для легализации доходов используют легальный бизнес, включая игорную индустрию и офшорные зоны.

Социальные детерминанты преступности также претерпели изменения. Уязвимые категории населения — вынужденные переселенцы, социально незащищенные слои, трудовые мигранты — часто оказываются втянутыми в противоправную деятельность (такую как выращивание наркосодержащих растений или нелегальная добыча полезных ископаемых) под давлением крайней нужды. В результате формируется система финансовой зависимости, при которой люди попадают под полный контроль преступных группировок.

Таким образом, рост транснациональной преступности свидетельствует не только о технологическом развитии, но и о серьезных социально-экономических проблемах в современном обществе.

Хотя проблема наркоторговли остается глобальной, в отдельных регионах наметились позитивные сдвиги. Например, в «Золотом треугольнике» традиционное производство наркотиков постепенно замещается легальными и социально одобряемыми видами деятельности. Так, местные жители, которые раньше выращивали опийный мак, теперь активно переключаются на чайное производство, особенно на популярный сорт улун.

Кроме того, бывшие наркопроизводители осваивают туристическую отрасль. Они проводят экскурсии по местам, связанным с криминальной историей региона, включая посещение Музея опиума, где раскрывают историю наркотика и его разрушительное влияние.

Подобные инициативы демонстрируют, что даже в условиях нелегального бизнеса возможны переоценка ценностей и переход к альтернативным формам экономики. Тем не менее, проблема транснациональной преступности по-прежнему требует активного противодействия со стороны мирового сообщества.

Для России и других стран АТР одной из ключевых угроз безопасности остается наркотрафик, исходящий из зоны «Золотого полумесяца». Этот регион, охватывающий территории Афганистана, Пакистана и Ирана, получил свое название из-за характерной формы на карте, напоминающей полумесяц. В исламской традиции этот символ ассоциируется с лунным календарем, играющим важную роль в определении дат религиозных событий, таких как Рамадан.

Афганистан продолжает удерживать печальное лидерство в мировом производстве наркотиков. Согласно данным МВД России, эта страна ежегодно поставляет на черный рынок свыше 98% всех опиатов. Масштабы производства поражают: около 150 миллиардов разовых доз героина и 30 миллиардов доз гашиша — таковы ежегодные объемы афганского наркотрафика.

С 2020 г. количество нарколабораторий в Афганистане, ориентированных на поставку героина в Россию, увеличилось более чем в 2,5 раза — с 200 до 550. На складах в Афганистане хранится свыше 15 тысяч тонн собранного наркотика [6].

Основные зоны выращивания опийного мака сосредоточены в южных регионах Афганистана, особенно в провинциях Гильменд и Кандагар, где благоприятные климатические условия способствуют его культивации. В то же время переработка сырья в наркотические вещества происходит преимущественно на севере страны, включая труднодоступные горные районы Бадахшана. Именно из этих северных областей героин начинает свой транзит в направлении России и других стран, создавая значительные вызовы для безопасности и стабильности не только Центральной Азии, но и всего мирового сообщества. Данный маршрут остается одним из ключевых каналов нелегального оборота наркотиков, требующим усиленного международного контроля и сотрудничества.

Долгое время Афганистан оставался ключевым игроком на мировом рынке нелегальных наркотиков, поставляя свыше 90% опиума и значительные объемы гашиша. Эти доходы десятилетиями питали вооруженные группировки, включая движение «Талибан», что делало проблему наркопроизводства не только экономической, но и политической. Вопреки распространенному мнению, основными производителями опиума являются не криминальные синдикаты, а рядовые крестьяне, для которых выращивание мака зачастую становится единственным способом выжить. В условиях постоянной засухи, экономической нестабильности и низкого уровня жизни граждан, традиционное сельское хозяйство оказывается малоприбыльным. В то время как выращивание опийного мака требует меньше ресурсов и обеспечивает быстрый и эффективный доход. Для того чтобы бороться с незаконным культивированием наркотических растений, в регионе были реализованы масштабные меры, афганские власти при поддержке международных организаций внедрили программы по уничтожению маковых посевов, а также предложили фермерам экономические альтернативы по выращиванию наиболее благоприятных культур. В рамках этих региональных инициатив сельхозпроизводители получили помощь для перехода на легальные культуры, включая пшеницу, фрукты и технические растения.

Тем не менее, регион Золотого полумесяца остаётся одним из главных мировых центров производства наркотиков. Сохранение нелегального сектора обусловлено экономическими трудностями, неэффективностью контроля и высокой прибыльностью наркоторговли.

Это ставит перед властями и международным сообществом новые вызовы в поиске более эффективных стратегий сокращения объёмов запрещённого производства.

Проблема наркотиков в глобальном масштабе продолжает обостряться: распространение новых синтетических опиоидов и беспрецедентное расширение рынка запрещенных веществ провоцируют рост наркопотребления. Это влечет за собой увеличение случаев расстройств, вызванных употреблением психоактивных веществ, а также трансформацию структуры самого наркорынка. Такие данные содержатся во Всемирном докладе о наркотиках за 2024 год, подготовленном Управлением ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН). «Наркотики остаются разрушительной силой, подрывающей основы общества, — подчеркнула Гада Вали, Исполнительный директор УНП ООН. — Их производство и незаконный оборот усугубляют социальное неравенство, создают угрозу безопасности и наносят колоссальный ущерб физическому и психическому здоровью людей. Сегодня как никогда важно не только бороться с криминальным наркорынком, но и уделять первостепенное внимание профилактике, а также обеспечивать доступ к эффективному лечению и реабилитации для всех, кто столкнулся с этой проблемой» [7].

В современном мире отмечается увеличение случаев рекреационного употребления психоделических веществ. Этот феномен во многом обусловлен ростом психических расстройств, устойчивых к традиционным методам терапии. Научные работы последних лет демонстрируют, что применение микродоз психоактивных соединений способно смягчать проявления отдельных психических заболеваний. По мнению ряда экспертов, потенциальные преимущества такого подхода могут перевешивать возможные риски. В частности, зафиксированы случаи улучшения эмоционального фона, уменьшения тревожности и стимуляции креативного мышления при строго дозированном приёме. Однако эти выводы базируются преимущественно на субъективных отчетах пользователей и ограниченных клинических испытаниях.

Несмотря на противоречивость данных, интерес к медицинскому применению психоделиков продолжает расти, привлекая инвестиции в исследования. Тем не менее, ни одно государство до сих пор не одобрило их официальное использование в фармакологии, и в ближайшей перспективе подобных решений не предвидится. Активность коммерческих структур в этой сфере связана с феноменом, получившим название «психоделический ренессанс». Это движение способствует популяризации психоактивных веществ, что создает почву для их бесконтрольного распространения.

Тема психоделиков регулярно поднимается на международных форумах, где обсуждаются не только медицинские, но и философско-духовные аспекты их применения. Согласно отчетам ООН, в 2023 г. прошло свыше 35 масштабных мероприятий, посвященных роли этих веществ в медицине и

культуре. Ключевыми темами стали: изменённые состояния сознания и их социальное значение; практики осознанности и самопознания; гендерные аспекты употребления; альтернативные методы терапии психических расстройств.

Особую популярность приобрели психоделические ретриты и фестивали, где участники сочетают приём веществ с медитативными и шаманскими практиками. Организаторы позиционируют такие мероприятия как инструмент личностного роста, хотя медицинского сопровождения они не предусматривают.

Незаконный оборот наркотиков остается одной из ключевых проблем международной безопасности. Для противодействия распространению психоделиков требуется консолидация усилий на законодательном уровне, включая: ужесточение контроля за пропагандой их «терапевтических» свойств; мониторинг новых форм наркотоуризма; пресечение нелегального оборота веществ под видом духовных практик. Только комплексный подход позволит минимизировать риски, связанные с немедицинским использованием психоактивных соединений.

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 №400. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения 12.02.2025).
2. Ергабылов М. Б. Новые виды психоактивных веществ. Синтетические наркотики // Вестник Казахского Национального медицинского университета. 2018. № 3. Ст. 50–54.
3. Тепляшин П. В., Федорова Е. А. Транснациональная наркопреступность: понятие, признаки, детерминанты и отдельные направления противодействия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 3. Ст. 68–71.
4. Готчина Л. В. О взаимосвязи и взаимовлиянии экстремизма и наркотизма // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2. С. 23–27.
5. Большая российская энциклопедия 2004–2017 гг. URL: <https://old.bigenc.ru/sociology/text/1995262> (дата обращения: 01.07.2025).
6. Ролик А. И. Наркопреступность в России и Азиатско-Тихоокеанском регионе: глобальные угрозы и стратегия борьбы // Всероссийский криминологический журнал. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narkoprestupnost-v-rossii-i-aziatsko-tihookeanskom-regione-globalnye-ugrozy-i-strategiya-borby> (дата обращения: 01.07.2025).
7. Наркотики: современные проблемы. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2024/languages/2412493R.pdf (дата обращения: 01.07.2025).

**Принудительные меры воспитательного воздействия по отношению к несовершеннолетним:
сравнительный анализ применения в законодательстве Монголии и России**

© А. В. Осорьев

магистрант 2-го года обучения,
Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
ayurosoruev@gmail.com

В статье рассматривается опыт применения принудительных мер воспитательного воздействия по отношению к несовершеннолетним применяемые в законодательстве Монгольской Народной Республики и России. Особое внимание уделяется рассмотрению такой меры, как направление несовершеннолетнего на принудительное обучение по коррекции поведения и получению трудовых навыков, которое используется в законодательстве Монголии.

Ключевые слова: несовершеннолетние, ювенальная преступность, принудительные меры воспитательного воздействия.

V. Osoruev

2nd year master's student,
Buryat State University named after D. Banzarov
Russia, Ulan-Ude
ayurosoruev@gmail.com

The article examines the experience of using compulsory educational measures in relation to minors applied in the legislation of the Mongolian People's Republic and Russia. Particular attention is paid to the consideration of such a measure as sending a minor to compulsory training to correct behavior and acquire work skills.

Keywords: minors, juvenile delinquency, compulsory educational measures.

В последние десятилетия проблема правонарушений среди несовершеннолетних стала одной из наиболее актуальных в области уголовного права и социальной политики. Увеличение числа преступлений, совершаемых молодежью, требует от общества и государства поиска эффективных методов воздействия на правонарушителей, направленных не только на наказание, но и на их исправление и социализацию. В этом контексте принудительные меры воспитательного воздействия представляют собой важный инструмент, который может помочь несовершеннолетним правонарушителям достичь исправления и обойтись без несения уголовной ответственности, уменьшить шанс дальнейшего рецидива и вернуться на путь законопослушного поведения.

Согласно ст. 90 УК РФ принудительные меры воспитательного воздействия, применяются к несовершеннолетним, совершившим правонарушения небольшой и средней степени тяжести [1].

Принудительные меры воспитательного воздействия, предусмотренные законодательством, направлены на коррекцию поведения несовершеннолетних правонарушителей. Эффективность данных мер варьируется в зависимости от индивидуальных способностей, особенностей несовершеннолетнего и характера совершенного преступления. Данные меры, призваны сформировать у подростка осознание ответственности за свои действия. Так в случае, если исправление несовершеннолетнего возможно достичь без уголовного осуждения, к несовершеннолетнему лицу могут применяться такие воспитательные меры как:

- предупреждение;
- передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа;
- возложение на несовершеннолетнего обязанности загладить причиненный вред;
- ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Согласно статистике за 2022 и 2023 год было осуждено 27714 несовершеннолетних. К принудительным мерам воспитательного воздействия было привлечено 769 несовершеннолетних, что составляет всего 2,7% от общего числа осужденных.

Одним из ключевых критериев эффективности указанных мер является уменьшение числа повторных преступлений, совершенных несовершеннолетними, к которым применялись принудительные меры. Хотя законодатель считает, что данные меры, ориентированные на индивидуальную рабо-

ту с подростком (психологическая помощь, социальная поддержка), более эффективны, чем изоляция от общества, статистика показывает противоположное. Согласно статистике 62% процента несовершеннолетних к которым применялись данные меры повторно совершили преступления [2].

В Монголии, как и во многих других странах, законодательство предусматривает специальные подходы к воспитанию и наказанию несовершеннолетних, учитывая их возраст и возможность исправления. Уголовный кодекс Монголии также содержит в себе принудительные меры воспитательного характера, которые включают в себя возложение определенных обязанностей и ограничения прав. Как и в России, данная мера применима только к преступлениям небольшой и средней тяжести. Согласно статистике, за 2022 год в Монголии, через Управление развития семьи, детей и молодежи прошло порядка 491 несовершеннолетнего, к которым было применены принудительные меры воспитательного воздействия. При применении принудительных мер учитывается возраст ребенка, характер совершенного деяния, условия жизни и воспитания. Законодательство стремится минимизировать применение изоляционных мер и отдавать предпочтение мерам социальной поддержки.

Так согласно ст. 8.7 УК Монголии, суд принимая во внимание ущерб, размер причиненного вреда, а также личность несовершеннолетнего преступника, может применить условное осуждение с последующими мерами воспитательного воздействия на срок от одного года до трех лет. В ч. 2 ст. 7.3 УК Монголии к указанным мерам относятся:

- обязанности в виде возмещения вреда, который был причинен преступлением. В случае, если лицо, в отношении которого применена принудительная мера воспитательного воздействия в виде возложения обязанностей или ограничения прав, полностью выплатило причиненный преступлением ущерб, исполнило возложенные судом обязанности, а также, если будет установлено, что в дальнейшем нет необходимости применять принудительную меру наказания, суд может на основании заключения прокурора освободить лицо от наказания до истечения срока.

- запрет на посещение определенных мест и общения с определёнными людьми.

- уведомление в уполномоченные органы, которые осуществляют контрольно-надзорную деятельность, об изменении места жительства, работы и учебы.

- выполнять определенные общественно полезные работы [3].

Одной из эффективных мер воспитательного воздействия направленных на исправление несовершеннолетних в Монголии, которая в свою очередь, отсутствует в законодательстве России, является привлечение несовершеннолетнего осужденного к обучению по исправлению поведения и получению трудовых навыков. Цель обязательного обучения направлена на воздействие на поведение осужденного, предупреждение повторных преступлений и правонарушений, а также на осознание им их вредных последствий.

Обязательное участия в программах социальной реабилитации включает в себя:

- психологическую поддержку и консультирование несовершеннолетних. Данная программа включает в себя индивидуальные и групповые занятия с психологом, тренинги по профилактике агрессивного поведения, а также развитие навыков управления эмоциями.

- образовательные программы. В ней проводятся обучение основам правовой грамотности, разъяснение для несовершеннолетних последствий совершенных правонарушений, а также занятия по профориентации и помощи в выборе дальнейшего образования или профессии.

В случае, если несовершеннолетнему предписано пройти обучение поведенческой коррекции, сотрудник службы исполнения наказаний, получив решение суда и исполнительный лист, направляет ему уведомление включающее дату и график обучения, а также ознакомляет его с содержанием и программой обучения. Обучение по оказанию влияния на поведение лица, подвергнутого мерам принуждения, может осуществляться лицензированной негосударственной организацией на договорной основе.

Сотрудники центров по реабилитации и коррекции поведения регистрируют посещаемость лиц, а также отмечают и подтверждают время и тему занятия в учебном журнале. Сотрудники центров документируют участие лиц в обучении, лично проверяют статус несовершеннолетнего в обучении. Уполномоченное лицо ответственное за исполнение наказания, обязано информировать несовершеннолетнего, подлежащего обязательному поведенческому обучению в период реализации, указанных мер, о последствиях и ответственности, которые возникнут в случае неявки лица на обучение в установленном порядке или нарушения порядка обучения, о чем подписывается соответствующий акт. В том случае, если несовершеннолетний не посещает предписанное ему поведенческое обучение в установленное время и по указанному графику без уважительной причины, лицо, принимающее решение, может передать дело в суд.

Суд, также в праве на основании заключения прокурора применить досрочное освобождение к лицу, в отношении которого применены принудительные меры воспитательного характера в случае, если лицо полностью возместило вред, причиненный преступлением, и выполнило возложенные судом обязанности и не нарушало ограничения прав, а также если судом будет признано, что несовершеннолетний не нуждается в дальнейшем отбывании назначенных принудительных мер.

По истечении срока применения принудительных мер в виде наложения обязанностей и ограничения прав суд на основании заключения прокурора решает вопрос об отмене или назначении лицу наказания. Порядок осуществления контроля за лицом, в отношении которого применены принудительные меры возложения обязанностей или ограничения прав, устанавливается законом.

В случае, если лицо, к которому применены меры воспитательного воздействия, систематический нарушает возложенные на него обязанности и ограничения, суд по представлению прокурора вправе отменить данные меры и назначить наказание. Суд обязан отменить применяемые принудительные меры в случае если лицо совершило умышленное преступления, а в случае совершения преступления по неосторожности, суд основывается на обстоятельствах совершения преступления, учитывает размер причиненного вреда, личность преступника, а также выполнение возложенных обязанностей и соблюдение ограничений, решает вопрос об отмене принудительных мер [4].

В заключение следует отметить, что при реализации принудительных мер очень важно участие не только сотрудников исполнительной системы, но и профессиональных организаций, (психологов, социальных работников, учителей). Также эффективность воспитательных мер во многом зависит от индивидуальных особенностей несовершеннолетнего, его социального окружения, уровня образования и психоэмоционального состояния. Наличие индивидуализированных программ может значительно повысить шансы на успешную реабилитацию

Перспективы совершенствования системы принудительных мер видятся в индивидуализации подходов, развитии альтернативных форм наказания, акценте на восстановительном правосудии и активном взаимодействии всех заинтересованных сторон: школы, семьи органов опеки и попечительства, а также общественных организаций. Только комплексный подход способен обеспечивать устойчивый положительный эффект и снизить уровень ювенальной преступности.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13.06.1996 № 63 – ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Севостьянова В.В. Проблемы принудительных мер воспитательного воздействия в Уголовном кодексе России // Молодой ученый. 2023. № 35(482). С. 110–113.
3. Уголовный кодекс Монголии / перевод с монг. Батболд Галбадрах, Амарсанаа Вандан-Иш; научный редактор перевода и предисл. М. В. Бавсуна, А.А. Нечепуренко. Омск: Изд-во Омской академии МВД России, 2020. 35 с.
4. Алтангерел Б. Влияние принудительного образования на поведение. Анализ воздействия. URL: <https://sudalga.gov.mn/zan-yld-noloolokh-albadan-surgaltyn-r-noloond-khiysen-shinzhilgee-bor> (дата обращения: 03.04.2025).

Киберпреступность в Азиатско-Тихоокеанском регионе

© А. А. Раднаев

студент 2-го курса,
Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова
Россия, г. Улан-Удэ
radnaev.01@mail.ru

Целью написания статьи является попытка обратить внимание на проблему кибербезопасности в странах Азии и выработать рекомендации для предотвращения киберпреступлений в Российской Федерации. Для достижения данной цели анализируется статистика преступности с использованием информационных технологий, а также рассматриваются международные источники в сфере кибербезопасности.

Ключевые слова: киберпреступность, Азия, кибербезопасность, АТР, киберпреступление, информационные технологии, приватность.

A. A. Radnaev

2nd year student,
Buryat State University named after D. Banzarov
Russia, Ulan-Ude
radnaev.01@mail.ru

The purpose of this article is to draw attention to the problem of cybercrime in Asian countries and to develop recommendations for preventing cybercrime in the Russian Federation. To achieve this goal, statistics on crime using information technology are analyzed, and international sources in the field of cyber security are reviewed.

Keywords: cybercrime, Asia, cybersecurity, APAC, cybercrime, information technology, privacy.

За последнее десятилетие Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) пережил масштабную цифровую трансформацию. Среди ключевых факторов, способствовавших этому процессу, можно выделить технологические прорывы, расширение доступа к интернету, изменения в потребительском поведении, а также усилия государственных и частных структур по интеграции цифровых решений. Однако данные инновации также сыграли значительную роль в росте киберпреступности в регионе.

По данным CybersecurityVentures, глобальный ущерб от киберпреступлений может достичь 9,5 трлн долларов США в 2024 г., а при отсутствии эффективных мер — вырасти до 10,5 трлн долларов в 2025 г. [1] Если представить киберпреступность в виде государства, то по объему экономики оно заняло бы третье место в мире после США и Китая (там же). Поскольку киберпреступники, по понятным причинам, не афишируют свою деятельность, эти оценки основаны на анализе текущих тенденций и уровня уязвимости корпораций, правительств, частных лиц и предприятий к различным видам кибератак.

АТР не стал исключением в этом контексте. Экономический потенциал региона, стремительно растущее присутствие в цифровом пространстве и сравнительно низкий уровень киберустойчивости делают его привлекательной мишенью для киберпреступности. В 2022 г. на долю АТР пришлось около 31 % всех глобальных кибератак, что превысило показатели других регионов. Кроме того, в первом квартале 2023 г. глобальный уровень киберпреступной активности увеличился на ошеломляющие 1835 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, при этом АТР испытал на себе наибольшее давление. В среднем в регионе происходило 1835 атак в неделю на одну организацию, что значительно выше глобального среднего показателя в 1248 атак. Исходя из этих данных, потенциальный ущерб от киберпреступлений в АТР может достичь 3,3 трлн долларов к 2025 г., если учесть текущую долю региона в общемировых атаках. В результате АТР уже называют новой «нулевой точкой» киберугроз [3].

Связь между организованной преступностью и киберпреступностью в АТР представляет собой сложное и многогранное явление. Преступные группировки активно осваивают цифровую среду, расширяя свои возможности и сферы влияния с использованием кибертехнологий.

В этой связи актуальными становятся вопросы о причинах столь интенсивного роста киберпреступности в регионе и мерах, необходимых для минимизации потенциальных рисков. В рамках данной статьи анализируются конкретные случаи кибератак на страны Содружества в АТР, с целью выявления эффективных подходов к снижению уязвимости, повышению уровня киберустойчивости и

способности к восстановлению после атак. Пренебрежение текущими тенденциями может привести к серьёзным последствиям, особенно с учётом роста числа пользователей цифровых технологий.

Таким образом, в статье анализируется уязвимость стран Содружества в АТР к кибератакам и то, как такие явления, как пандемия COVID-19 и распространение ИИ, усугубляют данную проблему. Переход к удалённой работе во время пандемии привёл к росту онлайн-активности и, как следствие, к увеличению киберпреступной деятельности. Также в статье предлагаются пути повышения киберустойчивости в регионе.

Выбор в пользу фокуса на странах Содружества в АТР обусловлен нарастающей взаимосвязью между распространением интернета и ростом киберпреступности в регионе. Эта тенденция создаёт серьёзные вызовы для кибербезопасности, работы правоохранительных органов и обеспечения региональной стабильности. Решение данной проблемы требует комплексного подхода, включающего укрепление протоколов кибербезопасности, повышение потенциала правоохранительных структур, развитие международного сотрудничества и повышение осведомлённости населения об угрозах киберпреступности и их взаимосвязи с иными формами преступной деятельности.

В дальнейшем статья рассматривает:

- контекст киберпреступности в АТР,
- ситуацию после пандемии в свете роста угроз,
- плюсы и минусы использования ИИ в целях кибербезопасности,
- стратегии и инициативы по обеспечению кибербезопасности в странах Содружества в АТР,
- и возможные варианты политики и регулирования.

Ситуация после COVID-19 и киберпреступная активность в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на киберпреступный ландшафт в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Она вызвала рост зависимости от технологий, основанных на искусственном интеллекте (ИИ), в таких сферах, как работа, образование и развлечения. Усиленная цифровизация в условиях пандемии открыла новые возможности для киберпреступников, одновременно усугубив уже существующие уязвимости. В результате в АТР наблюдался заметный рост кибератак, затронувших как государственные, так и частные структуры, а также отдельных пользователей.

Среди ключевых постпандемических тенденций в странах Содружества в АТР можно выделить следующие.

Фишинговые атаки и распространение вредоносного программного обеспечения являются одними из наиболее распространённых форм кибератак, частота которых значительно возросла после начала пандемии. Киберпреступники активно используют фишинговые письма и веб-сайты для обмана пользователей с целью получения их личных данных или перехода по вредоносным ссылкам. Вредоносные программы, в частности программы-вымогатели, применяются для шифрования данных с последующим требованием выкупа.

В странах Содружества в АТР зафиксирован существенный рост фишинговых атак и утечек данных. Например, Министерство образования Тасмании (Австралия) стало жертвой кибератаки, в результате которой около 30 000 документов с конфиденциальной информацией школьников оказались в даркнете. Атака на компанию LatitudeFinancial в Австралии затронула более 14 миллионов клиентов в Австралии и Новой Зеландии. В Бангладеш через Офис генерального регистратора была совершена утечка данных более 14 миллионов граждан. Цели этих атак включали не только получение финансовой выгоды, но и намеренное нарушение работы жизненно важных сервисов и компрометацию конфиденциальной информации [7].

Геополитические факторы также играют роль катализатора кибератак. Использование киберинструментов для дестабилизации или шпионажа стало более заметным в ходе войны России против Украины. Всё чаще применяются продвинутое стратегии, включая «двойное вымогательство», при котором, помимо требования выкупа, жертвам угрожают публикацией конфиденциальных данных в случае отказа от оплаты. Такая тактика существенно усиливает давление на пострадавшие организации.

В последние годы наблюдается устойчивый и масштабный рост внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в различные цифровые сервисы. Во всём мире правительства рассматривают возможность использования ИИ-систем для решения множества задач, включая выявление и прогнозирование преступной деятельности. Органы национальной безопасности и разведки признают значительный потенциал ИИ в достижении киберустойчивости и обеспечения общественной цифровой безопасности. Однако при отсутствии должного регулирования и надзора за развитием ИИ-технологий (таких как распознавание лиц, дроны и автономное оружие) возникает риск нарушения прав и свобод личности [2].

ИИ и машинное обучение обладают значительным потенциалом в выявлении и предотвращении кибератак, направленных на ключевые секторы критически важной инфраструктуры в регионе АТР. Тем не менее сохраняются правовые пробелы, особенно в отношении малых и средних предприятий, которые ограничены в ресурсах для обеспечения кибербезопасности. В то же время киберпреступники всё активнее используют ИИ для создания и проведения целенаправленных атак на государственные органы, бизнес и частных лиц. Хотя пока нет убедительных доказательств того, что киберпреступники в широких масштабах обладают глубокими техническими знаниями по работе с ИИ, они осознают его потенциал для незаконной и разрушительной деятельности.

Современные тенденции в киберпреступности свидетельствуют о возрастающей зависимости от Интернета вещей для распространения вредоносного ПО, а также о применении ИИ для усиления атак программ-вымогателей. Предполагается, что распространение таких практик будет нарастать параллельно с ростом числа взаимосвязанных устройств, что повысит уязвимость как бизнеса, так и частных пользователей.

Кроме того, появление технологии дипфейков вызвало серьёзную обеспокоенность в сферах политики и правопорядка, поскольку она может использоваться для мошенничества путём подмены личности. Согласно отчёту The Asset, в регионе АТР за период с 2022 по 2023 г. количество случаев применения дипфейков увеличилось на 1530 % на фоне роста числа сложных схем мошенничества и отмывания денег. Среди стран Содружества лидерами по доле дипфейков стали Бангладеш (5,44 %) и Пакистан (4,59 %). В то же время Сингапур, другая страна Содружества в регионе, показал один из самых низких уровней — всего 0,89 %, а Австралия удерживает относительно низкий показатель — 2 %, несмотря на общий рост инцидентов. Использование дипфейков осложнило работу правоохранительных органов, особенно в условиях трансграничных расследований и связанных с этим юридических тонкостей [5].

ИИ стал ключевым инструментом в борьбе с киберугрозами. Системы кибербезопасности, основанные на ИИ, играют важную роль в разграничении «хорошего» и «плохого» поведения, а более продвинутые версии способны анализировать огромные массивы данных, выявляя взаимосвязанные действия, которые могут указывать на подозрительную активность анонимных пользователей.

Широкое распространение сетевых компьютеров, интернета и мобильных приложений привело к росту числа разнообразных кибератак, особенно с участием подключённых устройств с недостаточным уровнем безопасности. Это стало вызовом для традиционных методов кибербезопасности, основанных на сигнатурах, поскольку такие подходы требуют значительных трудозатрат на выявление угроз, разработку характеристик риска и их интеграцию в защитное ПО. Эти методы часто не справляются с современными, более сложными атаками — именно здесь ИИ может сыграть решающую роль в укреплении киберустойчивости.

Примером взаимодействия ИИ и кибербезопасности может служить технология CAPTCHA, которая требует от пользователей распознать и ввести искажённые символы или изображения, чтобы отличить человека от машины. В ситуациях, когда традиционные меры оказываются неэффективными против новых угроз, ИИ-подходы усиливают архитектуру безопасности, обеспечивая надёжную защиту от сложных кибератак.

Компании, интегрирующие ИИ в свои бизнес-процессы, демонстрируют улучшенные финансовые показатели благодаря ИИ-решениям в области кибербезопасности, которые оперативно формируют модели защиты на основе анализа данных в различных средах. Такие системы ведут постоянный мониторинг поведения пользователей и мгновенно реагируют на аномалии, что предоставляет значительное преимущество в условиях динамично меняющейся среды угроз. По сути, технологии ИИ служат эффективной защитой от вредоносных программ и программ-вымогателей, даже если они замаскированы под безвредные или случайные данные. Эти системы могут сопоставлять новое вредоносное ПО с существующими базами, анализировать код и предотвращать атаки ещё до их начала.

В данной статье был проведён углублённый анализ киберпреступности в регионе Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества (АТР), который показал, что устойчивость региона к киберпреступной деятельности оказалась ниже ожидаемой.

Исследование также выделило контекст киберпреступности в регионе, включая роль пандемии COVID-19, которая привела к массовому переходу на удалённую работу, тем самым усилив уязвимость многих организаций к киберугрозам. Также был рассмотрен как положительный, так и отрицательный вклад технологий ИИ в борьбу с киберпреступностью. Российской Федерации также необходимо укреплять свою устойчивость к кибератакам, снижать риски и защищать цифровую инфраструктуру в условиях постоянно меняющейся обстановки. В связи с этим далее представлены реко-

мендации по повышению киберустойчивости и предотвращению распространения киберпреступной деятельности в регионе. На основе приведенной информации предлагаю следующие рекомендации.

Улучшение сотрудничества между государственным и частным секторами: Взаимодействие между органами кибербезопасности, организациями и правительствами способствует профилактике атак и оперативному реагированию на возникающие угрозы. Совместные усилия повышают эффективность защиты от киберугроз.

Создание специализированных рабочих групп: Основываясь на примерах таких стран, как Сингапур, следует создавать национальные целевые группы, отвечающие за разработку, координацию и реализацию комплексных стратегий борьбы с киберпреступностью.

Совершенствование государственного регулирования: Странам региона следует принять строгие и унифицированные законы в области кибербезопасности для защиты своих граждан. Эти законы могут устанавливать базовые требования безопасности, обеспечивать регулярную проверку соблюдения и вводить санкции за несоблюдение. Примеры таких практик можно найти в Австралии и Сингапуре.

Укрепление управления и лидерства в сфере кибербезопасности: Организациям в АТР необходимо нанимать квалифицированных специалистов по кибербезопасности на руководящие должности и в советы директоров. Приоритетное внимание вопросам безопасности на высоком уровне управления способствует формированию культуры ответственности и устойчивости. Каждая организация, государственная или частная, должна иметь руководителя по информационной безопасности с четкими полномочиями и мандатом на реализацию проактивной, основанной на разведанных стратегии киберзащиты[4].

Сотрудничество с международными партнерами: Поскольку киберпреступность носит глобальный характер, России необходимо активно взаимодействовать с международным сообществом. Это усилит оборону региона и поможет противодействовать преступникам, действующим из других государств.

Постоянные инвестиции в безопасность: Государственные и частные организации должны вкладывать значительные ресурсы в развитие киберустойчивости. Это включает внедрение надежных протоколов безопасности, регулярное обновление и «заплатки» систем, а также проведение комплексных аудитов кибербезопасности.

В целом важно признать необходимость многоплановой стратегии, включающей просвещение, сотрудничество, нормативное регулирование и постоянное совершенствование со стороны всех заинтересованных сторон. Только так можно превратить Российскую Федерацию в наименее подверженный кибератакам регион. Принятие перечисленных политик и развитие культуры осведомленности в области кибербезопасности поможет защитить цифровую инфраструктуру, бизнес и граждан региона от новых угроз. Учитывая постоянную изменчивость киберугроз, требуется акцент на непрерывную коммуникацию и меры превентивного характера для укрепления киберустойчивости и противодействия киберпреступности.

Литература

1. 2024 Cybersecurity Almanac: 100 Facts, Figures, Predictions And Statistics. URL: <https://cybersecurityventures.com/cybersecurity-almanac-2024> (дата обращения: 29.04.2025).
2. Ala-Pietilä, P. and N. A. Smuha (2021) 'A Framework for Global Cooperation on Artificial Intelligence and Its Governance'. *Reflections on Artificial Intelligence for Humanity* 237–265.
3. Cyber Security Report 2024. URL: <https://www.checkpoint.com/resources/report-3854/report--cyber-security-report-2024> (дата обращения: 29.04.2025).
4. Gullapalli V. (2023) 'Why Is the Asia Pacific Region a Target for Cyber Crime & What Can Be Done'. Check Point Research, 4 August. www.cybertalk.org/2023/08/04/why-is-the-asia-pacific-region-a-target-for-cyber-crime-what-can-be-done/
5. INTERNET CRIME REPORT. URL: https://www.ic3.gov/AnnualReport/Reports/2023_IC3_Report.pdf (дата обращения: 01.05.2025)
6. Smail, J. (2023) 'The Top 10 Data Breaches'. Cybers Security Hub, 15 September www.cshub.com/attacks/articles/the-top-10-apac-data-breaches
7. Актуальные киберугрозы для стран Азии: 2022–2023 гг. URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/asia-cybersecurity-threatscape-2022-2023> (дата обращения: 29.04.2025).

К вопросу об исключении преступного деяния сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации при применении специальных средств в процессе исполнения им обязанности по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности

© А. В. Тишина

адъюнкт 1-го курса,
Академия управления МВД России,
Россия, г. Москва,
nastya.tishina.99@bk.ru

Обсуждения законодательной регламентации касательно исключения преступного деяния сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, при применении специальных средств в процессе исполнения им обязанности по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности выступают гарантом снижения противоправных поступков сотрудников правоохранительных органов. Законодатель четко осознает опасность и масштаб общественно-опасного вреда от неправильного и злонамеренного применения сотрудниками ОВД специальных средств. Применение специальных средств сотрудниками ОВД зачастую вызывает ряд проблем, расширение используемых методов и средств не всегда отвечает реальным задачам правоприменительной практики и может обеспечить комплексность в контроле за реально существующей ситуацией в данной сфере. Так, необходимо проанализировать действующее законодательство и предложить пути его совершенствования. В выводах проведенного исследования обосновывается предложение о регламентации рассматриваемых вопросов в отдельном самостоятельном правовом акте. Такая систематизация позволит исключить многие проблемы, с которыми на практике сталкиваются правоприменители при оценке, как обстоятельств, исключающих преступность деяния лица, так и детального разъяснения применения исследуемых средств сотрудниками ОВД.

Ключевые слова: сотрудник ОВД, применение специальных средств, преступность деяния, охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности.

A. V. Tishina

1st year postgraduate student,
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Russia, Moscow,
nastya.tishina.99@bk.ru

Discussions of legislative regulations regarding the exclusion of a criminal act of an employee of the internal affairs bodies of the Russian Federation, when using special means in the process of fulfilling their duties to protect public order and ensure public safety, act as a guarantor of reducing illegal acts of law enforcement officers. The legislator is clearly aware of the danger and scale of socially dangerous harm caused by the improper and malicious use of special means by police officers. The use of special tools by police officers often causes a number of problems, and the expansion of the methods and tools used does not always meet the real challenges of law enforcement practice and can provide a comprehensive approach to monitoring the actual situation in this area. Thus, it is necessary to analyze the current legislation and propose ways to improve it. The conclusions of the study substantiate the proposal to regulate the issues under consideration in a separate independent legal act. Such systematization will eliminate many of the problems that law enforcement officers face in practice when assessing both the circumstances precluding criminality of a person's act and a detailed explanation of the use of the investigated means by police officers.

Keywords: police officer, use of special means, criminality of the act, protection of public order, ensuring public safety.

Органы внутренних дел Российской Федерации (далее — ОВД) играют ключевую роль в обеспечении соблюдения прав и свобод человека. Для чего они наделены полномочиями, позволяющими им эффективно реагировать на правонарушения и преступления, обеспечивая тем самым защиту законности и правопорядка. Можно с полным чувством уверенности заявить, что для выполнения своих задач правоохранительные органы используют разнообразные методы и средства. К ним относятся различные правовые механизмы, позволяющие оперативно реагировать на изменения, происходящие в социуме.

В современном мире активно развиваются такие угрозы, как мошенничество, терроризм, экстремизм, кибератаки. Эффективность работы ОВД России в значительной степени определяет не только уровень правопорядка, но и общее состояние правосознания в обществе.

Отсюда, следует вывод, что ОВД должны быть не только мощным инструментом для пресечения преступлений, но и центром, который способствует правовому просвещению и формирует позитивное восприятие закона среди граждан, что требует от них постоянного совершенствования, внедрения новых технологий и методов работы, а также взаимодействия с обществом для достижения общей цели — безопасной и правовой среды для всех граждан.

В заданном контексте целесообразно исследовать особенности применения специальных средств в процессе исполнения сотрудниками ОВД обязанностей по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, а также определить значение исключения преступного деяния сотрудника при указанных обстоятельствах.

Как выше уже было отмечено, ключевым моментом остается соблюдение прав человека при использовании специальных средств. Если сотрудники не будут соблюдать правила применения данных средств, то это может привести к серьезным последствиям.

Хочется сделать одну ремарку по данному аспекту. Думается, что первоосновой для грамотного применения специальных средств, да и огнестрельного оружия в целом, важно обучение и закрепление основ в процессе обучения в вузах МВД РФ. Основной профиль которого направлен на выпуск специалистов и сотрудников полиции. Так, полагаю целесообразно рекомендовать профильным ведомственным вузам разнообразить или другими словами расширить и подойти творчески к решению такого направления работы, как попытка объединения межпредметных связей в процессе обучения и применение более широкого круга применения «комплексности» при проведении комплексных практических занятий, опираясь на фундамент таких преподаваемых дисциплин, как: «Физическая подготовка», «Огневая подготовка», «Административная деятельность полиции», а также создать условия для развития, формирования и проверки уравновешенности и психоустойчивости организма, применения приобретенных навыков и умений в так называемом «стрессовом режиме» при обучении и решении разнообразных задач в ходе этого процесса.

Первоначально изучим правовую основу использования специальных средств сотрудниками ОВД в РФ, которая представляет собой важный аспект, который включает в себя множество законодательных норм и установок. Понимание этих основ способствует как защите прав граждан, так и обеспечению общественной безопасности.

Основные документы и нормы, которые регулируют использование специальных средств, составляют:

- 1) Конституция Российской Федерации, которая гарантирует права и свободы человека и гражданина;
- 2) Международные нормы и соглашения, которые устанавливают обязательства по защите прав человека и предоставляют рекомендации по применению специальных средств ОВД;
- 3) федеральное законодательство, включающее в себя нормы уголовного и административного законодательства, которые пересекаются, создавая рамки для правомерности применения специальных средств;
- 4) Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», который представляет собой наиболее полный перечень вопросов применения специальных средств, а именно: указание специальных средств, которые могут быть использованы сотрудниками, условия и основания для их применения, а также запреты и ограничения на их использование;
- 5) Приказ МВД РФ «Об утверждении Инструкции о порядке выдачи табельного боевого ручного стрелкового оружия, боеприпасов и специальных средств сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации на постоянное хранение и ношение» от 17.11.1999 г. № 938, который позволяет обеспечить контроль за использованием специальных средств, определяет условия, при которых сотрудники имеют право хранить и носить эти средства, а также процедуру их возврата. Данный документ подчеркивает важность соблюдения строгих норм, которые защищают, как сотрудников полиции, так и граждан.

Первоочередное правило для уяснения, это то, что применение специальных средств должно соответствовать уровню угрозы. Для предотвращения возможных действий, создающих опасность для жизни или здоровья граждан, можно использовать только те средства, которые наиболее эффективно решают поставленную задачу без излишнего применения других средств, т.е. должно быть оправдано необходимостью. Если имеется возможность предотвращения угрозы иными способами, применение специальных средств недопустимо. О каждом применении специальных средств должен составляться рапорт.

Рапорт о применении специальных средств — это требование, которое гарантирует, что все случаи применения не останутся без внимания. Ст. 22 Федерального закона «О полиции» [2] четко ре-

гламентирует порядок и ограничения применения специальных средств сотрудниками полиции в различных ситуациях, демонстрируя важность в обеспечении правопорядка и защиты прав граждан.

По определению, специальные средства — это комплекс различных устройств, используемых в работе правоохранительных органов и спецслужб. В качестве таких средств могут использоваться, например, наручники, резиновая дубинка, газовые баллончики с перцовым газом и аналогичными веществами, электрошоковые устройства, предназначенные для временной нейтрализации агрессивного поведения правонарушителя и др.

При применении специальных средств сотрудник ОВД должен действовать с учетом создавшейся обстановки, характером и степенью общественной опасности. Согласно ч. 5 ст. 18 Федерального закона «О полиции», сотрудники не несут ответственности за причиненный вред гражданам и организациям при использовании специальных средств, если они применялись в рамках, установленных законом. Данное положение служит гарантией для сотрудников, позволяя им действовать в интересах безопасности, как самих себя, так и граждан.

Однако, важно отметить, что данное положение действует только в тех случаях, когда все действия соответствуют установленным правовым нормам. Комплекс прав и обязанностей сотрудников ОВД в контексте использования специальных средств крайне важен для поддержания правопорядка и защиты граждан. Отсюда следует, что сотрудникам ОВД необходимо действовать в рамках закона, чтобы эффективно выполнять свои обязательства без нарушения прав человека. Главное отличие специальных средств, используемых органами внутренних дел, от традиционных средств вооружения заключается в их не летальном характере воздействия на человека, т.е. имеет ключевое значение для сохранения жизни и здоровья, как правонарушителей, так и окружающих людей.

При возникновении открытого сопротивления сотрудникам ОВД и наличии опасности для их жизни и здоровья, а также и окружающих граждан, можно применить огнестрельное оружие. Тем не менее, применение оружия должно рассматриваться как крайняя мера, поскольку его использование может привести к непредсказуемым последствиям, включая летальный исход, что особенно подчеркивает важность поиска альтернативных методов воздействия, таких как специальные средства, которые обладают целым рядом преимуществ.

Одним из ключевых достоинств специальных средств является их мгновенное воздействие, ведь после применения специальных средств правонарушитель начинает испытывать болевые ощущения или дискомфорт в течение 5–10 секунд.

Существуют определенные критерии, применения специальных средств, которые четко прописаны в нашем законодательстве. Все сотрудники органов внутренних дел, имеющие право на их применение, должны пройти обучение с последующей проверкой на профессиональную пригодность, что гарантирует не только физическую готовность, но и психологическую стабильность сотрудников в стрессовых ситуациях. Также они проходят периодическую переподготовку, что позволяет поддерживать высокий уровень навыков и знаний, а также адаптироваться к изменяющимся условиям работы. Будущие сотрудники обучаются применению специальных средств в образовательных учреждениях МВД России. Данное обучение включает как теоретические знания, так и практические навыки. Так, вузы системы МВД РФ постоянно совершенствуют методы обучения, профессорско-преподавательский состав использует инновационные подходы к разработке профессиональных программ, акцентируя их, на совершенствовании тех или иных навыков курсантов, необходимых для дальнейшей службы в ОВД. Проходящие в настоящее время постепенное реформирование и изменения в образовательных организациях системы МВД России предъявляет новые требования к уровню профессиональной компетентности и подготовленности сотрудников всех служб и подразделений.

Понимание границ применения специальных средств важно для предотвращения злоупотреблений сотрудниками ОВД при исполнении своих должностных полномочий. А практическое моделирование различных сцен позволяет сотрудникам развивать определенные навыки в условиях, максимально приближенных к реальным. Таким образом, право на применение специальных средств является важной частью системы обеспечения правопорядка и безопасности в России. Профессиональная подготовка сотрудников ОВД, включая специальные курсы по обучению правильного применения специальных средств, обеспечивает готовность сотрудников эффективно реагировать на различные ситуации, минимизируя при этом риски, как для самих сотрудников, так и для граждан.

В процессе реальной работы сотрудники продолжают проходить обучение, где совершенствуют конкретные навыки и знания, которые необходимы для эффективного выполнения служебных обязанностей. Сотрудники также обучаются приёмам, с помощью которых они могут и должны защищать себя и других лиц в случае угрозы.

Согласно изложенным в нормах правил, для получения специальных средств на постоянное хранение и ношение сотруднику необходимо подать рапорт с ходатайством непосредственному начальнику. В случае если сотрудник не проходит проверку на профессиональную пригодность, он не допускается к ношению и применению таких средств.

В целом, правовое регулирование применения специальных средств в ОВД РФ представляет собой сбалансированную систему, которая стремится учитывать, как интересы общественной безопасности, так и защиту прав граждан. Знание этих норм и предписаний жизненно важно для эффективной работы ОВД, что, в свою очередь, способствует поддержанию правопорядка и предотвращению конфликтов в обществе. Содействие открытости в действиях ОВД обеспечивает доверие граждан к правоохранительным органам, что особенно актуально в условиях современного общества.

Знания о специальных средствах, а именно о механизмах их действия необходимы для их правильного применения в условиях, требующих оперативного реагирования. Также сотрудники обязаны соблюдать меры безопасности, которые защищают как самих сотрудников, так и граждан, предотвращая риск случайного или неправомерного их применения.

В период ожидания решения о допуске к ношению специальных средств, сотрудник временно отстраняется от выполнения функций, связанных с применением специальных средств. Такая процедура трудна, но крайне важна, так как она обеспечивает определенный контроль за уполномоченными лицами, что уменьшает вероятность неправомерного использования. Каждый сотрудник несет личную ответственность за сохранность и исправное состояние выданных ему специальных средств. Превышение полномочий, неправомерное использование или неосторожность при использовании специальных средств могут иметь серьезные последствия. Сотрудники, несущие ответственность за утрату либо порчу, могут быть подвергнуты дисциплинарным взысканиям. Серьезные нарушения могут привести к возбуждению уголовных дел.

Если обратиться к новостным источникам информации, то можно обнаружить неоднократное упоминание в них о применении сотрудниками ОВД, тех или иных средств, препятствующих правонарушениям или преступлениям граждан преступивших закон. Зачастую, в пабликах информация преподносится как нарушение непосредственно сотрудниками правоохранительных органов своих полномочий. В связи с чем, полагаю необходимо более четко определить, где те рамки, которые оправдывают применение сотрудником рассматриваемых средств. Ведь обращение со специальными средствами для сотрудников ОВД в России построено с акцентом на обеспечение безопасности, как граждан, так и общественного порядка. Однако, не стоит забывать и о том, что все эти меры предназначены и для защиты самих сотрудников обеспечивающих правопорядок.

Относительная особенность российского законодательства заключается в обеспечении комплексного и полноценного правообеспечения отдельных видов и факторов правонарушений. Деятельность законодателя как правозащитника должна учитывать множественные аспекты смягчения и отягчения предусмотренного наказания, а также характеристику принципиально важных особенностей совершенного деяния. Соблюдение бесспорно важных принципов и порядка производства по административному или уголовному делу, в данном случае — залог законности и справедливости за назначенное наказание. В данном случае, гуманность по отношению к определенным видам преступлений, является недопустимым и неприемлемым, а также категорически неравнозначным понесенных общественно опасных последствий. Так, в рамках актуализации действующего законодательства и обеспечения законности уголовного наказания, на регулярной основе вносятся поправки и корректировки в отдельные положения уголовного закона и характеристику преступлений по конкретным видам преступлений.

В свою очередь, в УК РФ [1] закреплено шесть обстоятельств исключаящих преступность деяния лица, совершившего преступление: необходимая оборона; причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление; крайняя необходимость; физическое или психическое принуждение; обоснованный риск и исполнение приказа или распоряжения.

Учитывая изложенное, получается, что исключается преступность деяния, совершенного сотрудником ОВД при правомерном применении физической силы, специальных средств или оружия только в случаях, если они подпадают под действие норм главы 8 УК РФ, где закреплены обстоятельства, исключаящие преступность деяния. Уместно в заданном контексте отметить, что сотрудники должны не только знать правила, но и осознавать всю степень своей ответственности в использовании таких специальных средств.

Наиболее распространенным случаем причинения вреда при осуществлении своих профессиональных обязанностей сотрудниками органов внутренних дел выступает задержание лица, совершившего преступление. Разъясняя судам особенности применения ст. 38 УК РФ, Верховный Суд РФ

[3] указал, что сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие и иные лица, которым законодательством разрешено применение оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы для исполнения возложенных на них федеральными законами обязанностей, не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы. Анализируя указанные положения, следует констатировать, что такое толкование носит крайне расширительный характер, поскольку предполагает применение не только к случаям задержания лица, совершившего преступление, но и в любых иных случаях правомерного применения физической силы, специальных средств или оружия (в том числе для пресечения административных правонарушений и т.п.).

При использовании специальных средств необходимо стремиться к причинению наименьшего возможного вреда лицам, в отношении которых они применяются. Это положение подчеркивает, что действия полиции должны быть пропорциональны угрозе и отвечать принципам целесообразности и необходимости. Учитывая различную обстановку, сотрудники ОВД должны всегда оставаться внимательными к обстоятельствам и возможным последствиям. После применения специальных средств важно не только минимизировать ущерб на этапе их применения, но и правильно реагировать на возникшие последствия.

Проходящие в настоящее время постепенное реформирование и изменения системы МВД России предъявляет новые требования к уровню профессиональной компетентности и подготовленности сотрудников всех служб и подразделений. Так, стоит отметить позитивный опыт законодателя ближнего зарубежья. Так, для разрешения рассматриваемых проблем в УК Монголии 2017 г., в ст. 4.2 отмечается: «Не является преступлением посягательство на человека путём совершения действий, предусмотренных настоящим Кодексом, в целях задержания лица, совершившего преступление, доставления его в орган власти и пресечения преступных действий, если не было допущено превышения необходимых для этого мер». Это не только стало важной уголовно-правовой гарантией выполнения сотрудниками правоохранительных органов своих функций по борьбе с преступностью, но и позволило гражданам широко участвовать в деятельности по борьбе с преступностью [4, с. 102].

Тем не менее, несмотря на длительную сложившуюся правоприменительную практику, в ходе раскрытия и расследования преступлений о причинении вреда сотрудниками, а также назначения уголовного наказания в ходе судебного разбирательства, до настоящего времени возникают спорные научно-правовые аспекты относительно трактовки, содержания, требований, принципов, порядка и допустимости использования специальных средств и определения преступного деяния сотрудника ОВД в качестве дополнительногоотягчающего признака уголовного наказания. При этом, имеющиеся научно-правовые выводы на данную тематику, не всегда детально указывают на конкретику отягчающего обстоятельства в виде преступного применения специальных средств. В свою очередь, кандидат юридических наук И. Н. Мосечкин высказывает третью точку зрения, согласно которой «совершение преступления сотрудником ОВД обладает столь же высокой общественной опасностью, как совершение преступления сотрудником иного правоохранительного органа. В связи с изложенным, он считает целесообразным закрепить в УК РФ следующее обстоятельство, отягчающее наказание: совершение умышленного преступления сотрудником правоохранительного органа» [5, с. 40].

При этом, квалификация и определение ущерба в ходе противоправной деятельности сотрудников ОВД должны устанавливаться исключительно посредством уголовно-правовых методов с использованием специальных медико-химических исследований, являющихся гарантом определения точности и уровня последствий от совершения преступления. Формальность, в данном аспекте, следует рассматривать как халатность по отношению к уголовному преследованию и уголовному судопроизводству со стороны правоприменителей.

По моему мнению, применение сотрудником специальных средств, как таковое, в ходе юридического процесса и уголовного производства не может являться оценочным, а тем самым, должно объективно и комплексно использоваться в ходе характеристики преступного деяния. В практической же деятельности все научно-теоретические недоработки сказываются отсутствием мотивировки при определении преступного деяния сотрудника при применении специальных средств в момент исполнения им обязанности по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в качестве непосредственно отягчающего наказания обстоятельства.

Также осмелюсь предположить, что данная тема нуждается в регламентации рассматриваемых вопросов в отдельном самостоятельном правовом акте. Такая систематизация позволит исключить многие проблемы, с которыми на практике сталкиваются правоприменители при оценке, как обстоя-

тельств исключаяющих преступность деяния лица, так и детального разъяснения применения исследуемых средств сотрудниками ОВД. Следует также дать четкое разъяснение самих средств, которыми сотрудниками ОВД могут пользоваться, основания и причины их применения, необходимо при разработке указанных правил прибегать к проблемным аспектам, с которыми сталкивались суды при разрешении данных вопросов и т.д. Понятно, что отразить все нюансы не возможно, но с течением времени и возникновением практических ситуаций закон, возможно будет редактировать. Однако, плюсы такого правового акта очевидны, ведь постоянный поиск той или иной ситуации в различных законах приводит к негативным последствиям, как для сотрудника ОВД, так и возможно для гражданина, к которому не законно были применены специальные средства.

Таким образом, требуется детальная конкретизация уголовно-правовых мер, принципов и порядка рассмотрения обстоятельства, исключаяющего преступность деяния при применении сотрудником специальных средств в качестве отягчающего обстоятельства по уголовному делу. Следует осознавать, что общественная опасность преступного деяния от сотрудников ОВД значительно выше, нежели общего субъекта преступления, тем самым наличие квалифицирующих признаков при квалификации и назначении уголовного наказания должно являться обязательным на протяжении всего периода уголовного судопроизводства.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 9. Ст. 860.
2. О полиции: федер. закон [от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900; Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 9. Ст. 852.
3. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда РФ [от 27.09.2012 г. № 19 (с посл. изм. и доп.)] // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 129.
4. Лувсан Б. О., Вандан-Иш А. Некоторые проблемы реализации обстоятельств, исключаяющих преступность деяния // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 4(100). С. 98–104.
5. Мосечкин И. Н. Совершение преступления сотрудником правоохранительного органа как обстоятельство, отягчающее наказание // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков: материалы XX Международной научно-практической конференции (Москва, 5 июля 2023 г.). Москва: АЛЕФ, 2023. С. 37–41.

Проблемы и перспективы международного сотрудничества России и стран Азии в борьбе с транснациональной преступностью

© Ш. И. Шарифходжаев

аспирант кафедры криминалистики,
Саратовская государственная юридическая академия,
Россия, г. Саратов.
sharif.sharif.sharif12@mail.ru.

В данной работе автор анализирует проблемы и перспективы сотрудничества России со странами Азии в борьбе с транснациональной преступностью. Выявлены факторы, влияющие на международное сотрудничество: различия в правовых системах, геополитическая обстановка, уровень технологического развития и коррупция. Особое внимание уделяется действующим платформам ШОС и БРИКС, которые рассматриваются как ключевые организации для преодоления указанных проблем и укрепления сотрудничества между странами АТР.

Ключевые слова: транснациональная преступность, международное сотрудничество, ШОС, киберпреступность, транснациональная организованная преступность.

Sh. I. Sharifkhodzhaev

Postgraduate student of the Department of Criminalistics,
Saratov State Law Academy
Russia, Saratov
sharif.sharif.sharif12@mail.ru.

In this article, the author analyzes the problems and prospects of cooperation between Russia and Asian countries in the fight against transnational crime. The factors influencing international cooperation are revealed: differences in legal systems, the geopolitical situation, the level of technological development and corruption. Special attention is paid to the current platforms of the SCO and BRICS, which are considered as key organizations for overcoming these problems and strengthening cooperation between the countries of the Asia-Pacific region.

Keywords: transnational crime, international cooperation, SCO, cybercrime, transnational organized crime.

Транснациональная преступность продолжает оставаться одной из главных угроз безопасности для всего мира. С развитием цифровых технологий она претерпела значительные изменения, появились новые формы преступлений, такие как киберпреступления. Теперь она не ограничена географическими границами и может осуществляться из любой точки мира по отношению к любому государству. Для России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — АТР), связанных обширными приграничными территориями, экономическими интересами и миграционными потоками, эта проблема приобретает особую актуальность. Около 75% территории России относится к приграничным субъектам, а ее соседями являются 18 государств, включая страны АТР.

Стоит отметить, что в России и регионах АТР транснациональная преступность чаще всего проявляется в виде контрабанды наркотиков, природных ресурсов, торговли людьми, незаконной миграции и др. Так, исторически Афганистан был крупнейшим производителем опиатов, однако в 2023 г. его доля сократилась до 17%, уступив лидерство Мьянме с 54% [1]. Центральная Азия, особенно Таджикистан, остаётся важным транзитным коридором для поставок наркотических и других запрещённых веществ в Россию и Европу. В 2023 г., по словам президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, на таджикско-афганской границе за два года было изъято более 10 тонн наркотиков, что значительно превышает показатели предыдущих лет [2]. Усиление позиций движения «Талибан» в Афганистане также негативно влияет на ситуацию, увеличивая объёмы героина, поступающего в Центральную Азию и Россию. Ещё одной серьёзной проблемой является контрабанда природных ресурсов. В частности, незаконный вывоз леса, редкоземельных металлов и биоресурсов. Например, в Приморье в 2016–2017 гг. была раскрыта схема вывоза леса в Китай на 441 млн. руб. через фирмы-однодневки с использованием поддельных документов [3].

В связи с этим, Д.С. Хижняк справедливо отмечает, что Россия является регионом, где завершается процесс транснациональной криминальной деятельности. Наркотические вещества попадают в Россию из Афганистана, проходя транзитом через страны Центральной Азии. Кроме того, Россия также может служить отправной точкой для начала транснациональной преступной активности. [4, с. 400]. Кроме того, основываясь на анализе данных международной деятельности Генеральной про-

кураторы РФ, автор делает вывод, что Казахстан, Киргизия, Китай, Таджикистан и Узбекистан представляют собой наиболее проблемные регионы с точки зрения транснациональной активности [4, с. 401]. Это подчёркивает важность международного сотрудничества между этими странами Азии в целях борьбы с транснациональными преступлениями.

В последнее время транснациональная преступность всё чаще проявляется в сфере киберпреступлений. Так, российские государственные структуры оказались под ударом китайских хакеров. Специалисты по информационной безопасности из «Лаборатории Касперского» обнаружили активную серию целенаправленных кибератак на десятки компьютеров российских государственных организаций и ИТ-компаний. В ходе этих атак хакеры использовали фишинговые письма с вложениями, содержащими вредоносные файлы ярлыков, для заражения устройств. Хакерская группировка APT27, известная также как Emissary Panda и Threat Group-3390, специализируется на ИТ-атаках на правительственные учреждения, крупные корпорации и международные организации. APT27 имеет китайские корни и с начала 2010 г. находится в центре внимания специалистов по кибербезопасности. Её деятельность включает шпионаж, кражу конфиденциальной информации и проведение кибератак на крупные организации по всему миру [5].

Несмотря на регулярные встречи, переговоры и совместные инициативы, такие как встречи в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), БРИКС и двусторонние соглашения, сотрудничество между странами АТР сталкивается с определенными трудностями. Эти трудности связаны с различиями в правовых системах между государствами, различными геополитическими условиями и динамикой технологического развития [6, с. 341–343].

Санкции, введённые западноевропейскими странами и США против России, создают сложности в сотрудничестве с азиатскими государствами, которые нередко испытывают давление со стороны тех же стран. Например, им могут угрожать санкциями за сотрудничество с Россией и реализацию совместных проектов. Кроме того, внутрирегиональные конфликты, такие как конфликт между Китаем и Тайванем, также могут негативно сказываться на борьбе с преступностью. Несмотря на серьёзную опасность, которую представляют собой транснациональные преступления, некоторые государства по политическим причинам отказываются сотрудничать с Россией в сфере экстрадиции и взаимной правовой помощи по уголовным делам [7].

Ещё одним серьёзным препятствием на пути сотрудничества является различие в правовых системах. Это касается, например, условий экстрадиции и ответственности за преступления в киберпространстве. Многие азиатские страны сталкиваются с недостаточным технологическим развитием, что не позволяет им в полной мере противостоять транснациональным преступлениям, особенно киберпреступлениям. Коррупция и социально-экономические дисбалансы также являются значительными факторами, влияющими на сотрудничество. Например, бедность в приграничных регионах Центральной Азии способствует вовлечению населения, в том числе сотрудников правоохранительных органов в преступную деятельность.

Несмотря на существующие трудности, Россия и страны АТР активно применяют различные инструменты для координации действий в борьбе с преступностью. Такие организации, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и БРИКС, наглядно демонстрируют свою эффективность. В период с 2011 по 2015 г. страны ШОС предотвратили 20 терактов, изъяли 52 тонны взрывчатых веществ и ликвидировали 440 террористических баз и др. [8]. БРИКС, в свою очередь, разрабатывает проекты, направленные на обеспечение кибербезопасности государств от компьютерных атак и других инцидентов [9]. В настоящее время Россия заключила множество соглашений о сотрудничестве с правоохранительными органами стран Азии и двусторонних международных договоров, которые затрагивают сферу деятельности МВД России. Среди них можно выделить: Соглашение о сотрудничестве между МВД РФ и МОБ КНР (1992 г.); Соглашение между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Агентством по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан о сотрудничестве и оказании содействия Агентству по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (2019 г.); Соглашение между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Киргизской Республики об оказании финансовой, материально-технической и организационной помощи в борьбе с незаконным оборотом наркотиков (2020 г.) и др.

Кроме того, активно проходят встречи между Россией и странами АТР, направленные на решение общих задач. Например, в 2024 г. состоялось заседание рабочей группы между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством общественной безопасности Китая. В ходе этой встречи стороны обменялись оперативной информацией, способствующей борьбе с транснациональ-

ной организованной преступностью [10]. 8 апреля 2025 г. состоялась встреча первого заместителя министра внутренних дел Республики Таджикистан с рабочей группой Министерства внутренних дел Российской Федерации. В ходе этой встречи стороны обсудили пути укрепления взаимодействия в сфере борьбы с транснациональной организованной преступностью, обеспечения безопасности и эффективного обмена информацией [11]. Чтобы преодолеть существующие препятствия в отношениях между Россией и странами АТР, необходим комплексный подход. Обмен опытом между учёными из разных стран, создание совместных специальных проектов, направленных на противодействие киберпреступлений и выявление стран, являющихся источниками подобных преступлений, могут значительно усилить борьбу с этими угрозами. Например, опыт российских компаний в области информационных технологий может быть полезен для обучения специалистов из азиатских стран, и наоборот. Чтобы эффективно бороться с преступностью, необходимо устранить её причины, в частности, социально-экономические. Для этого нужно создавать совместные проекты по развитию регионов с высоким уровнем преступности. Такие проекты должны включать инвестиции в инфраструктуру, образование и социальные институты, а также создание рабочих мест. Это позволит снизить уровень коррупции в данных регионах, что, в свою очередь, может улучшить отношения и уровень доверия между странами.

Геополитические разногласия, правовые различия, технологическое отставание и коррупция остаются серьёзными препятствиями на пути сотрудничества между Россией и странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Однако потенциал такого взаимодействия поистине огромен. Сегодня такие платформы, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и БРИКС, становятся ключевыми инструментами для преодоления геополитических разногласий. Эти платформы способствуют инвестированию в социально-экономическое развитие приграничных регионов, разработке проектов по борьбе с киберпреступностью, а также обмену опытом и технологиями в сфере борьбы с транснациональной преступностью. Как справедливо заметил бывший секретарь Совета безопасности России Николай Патрушев: «Угрозы транснациональной преступности становятся наиболее актуальными для всей цивилизации, и для их коллективного преодоления необходимы согласованные действия всего международного сообщества» [12].

Литература

1. Всемирный доклад о наркотиках за 2024 г. URL: <https://clck.ru/3LVf7L> (дата обращения: 16.04.2024).
2. Более 10 тонн наркотиков изъято на таджикско-афганской границе. URL: <https://khabarikhush.tj/2023/09/21/za-dva-goda-na-tadzhiksko-afganskoj-granice-izyali-bolee-10-t-narkotikov/> (дата обращения: 16.04.2024).
3. В Приморье раскрыли схему незаконного вывоза леса в Китай на 441 млн руб. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6108b2319a794735cb361f55> (дата обращения: 16.04.2024).
4. Хижняк Д. С. Методологические основы расследования транснациональных преступлений: модельный подход: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2018. 488 с.
5. Российские госструктуры под атакой китайских хакеров. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2024-08-12_kitajskie_hakery_natselilis (дата обращения: 16.04.2024).
6. Решняк М. Г. § 3. Международное сотрудничество в борьбе с организованной преступностью как элемент национальной безопасности России // Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в спорте: коллективная монография по результатам работы международной научно-практической конференции «Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в спорте». Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2021. С. 339–344.
7. Резолюция CM/Res (2022)2 о прекращении членства Российской Федерации в Совете Европы. URL: <https://rm.coe.int/0900001680a661ae> (дата обращения: 16.04.2024).
8. Роль Шанхайской организации сотрудничества в противодействии угрозам мира и безопасности. URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/21818> (дата обращения: 16.04.2024).
9. БРИКС объединились во благо кибербезопасности. URL: <https://clck.ru/3LVvpp> (дата обращения: 16.04.2024).
10. Заседание рабочей группы МВД России и МОБ КНР по борьбе с транснациональной организованной преступностью. URL: <https://clck.ru/3LVr8v> (дата обращения: 16.04.2024).
11. МВД Республики Таджикистан. URL: <https://www.vkd.tj/3809-vstrecha-s-delegaciej-rabochej-gruppy-mvd-rossijskoj-federacii.html> (дата обращения: 16.04.2024).
12. Патрушев. Угрозы транснациональной преступности самые актуальные для мира. URL: <https://vz.ru/news/2010/11/9/445783.html> (дата обращения: 16.04.2024).

V ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО, ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ АЗИАТСКИХ СТРАН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

V TRANSFORMATION OF MODELS OF SOCIAL-ECONOMIC, ECOLOGICAL AND INNOVATIVE DEVELOPMENT OF ASIAN COUNTRIES IN MODERN CONDITIONS

УДК 346.9

China model of judicial adjudication of unfair competition in data*

© Longjun
associate professor,
at Fujian Normal University
China, Fuzhou
longjun@fjnu.edu.cn

The article is devoted to unfair competitive behavior in the field of data.

Keywords: digital economy, data, consumer, unfair competitive behavior, court, competitive relations.

Китайская модель судебного рассмотрения дел о недобросовестной конкуренции в сфере данных

Лун Цзюнь
доцент,
Фуцзяньский педагогический университет
Китай, Фучжоу
longjun@fjnu.edu.cn

Статья посвящена недобросовестному конкурентному поведению в области данных.

Ключевые слова: цифровая экономика, данные, потребитель, недобросовестное конкурентное поведение, суд, конкурентные отношения.

I am honored to have this opportunity to present my recent research findings. I would like to express my gratitude to the organizers of this conference for their hard work in the preparation. The title of my presentation today is «China Model of Judicial Adjudication of Unfair Competition In Data».

In the era of the digital economy, data has become a new factor of production. Operators have engaged in fierce competition for data resources, which has led to unfair competition disputes. In China's judicial practice, the courts have handled a large number of judicial cases related to unfair competition disputes over data and have accumulated rich judicial experience. Therefore, how to summarize and improve these judicial experiences is of great significance for us to deal with unfair competition disputes over data in the future.

Due to the limited time, my presentation today is mainly divided into three brief parts. Firstly, I will summarize the specific judgment ideas of Chinese courts when dealing with unfair competition disputes over data. Secondly, I will analyze the main difficulties faced by Chinese courts when handling related disputes. Finally, I will put forward specific suggestions for improving China's judicial judgment rules.

I. Judgment Ideas of Chinese Courts

Let's look at the first issue. Since the conclusion of China's first unfair competition case over data in 2010, the number of similar cases in China has increased rapidly. Through the analysis of 47 typical unfair competition cases over data that emerged in China from 2010 to 2024, we found that when Chinese courts determine whether a data capture behavior constitutes unfair competition, they generally follow the following ideas:

Firstly, whether there is a competitive relationship between the plaintiff and the defendant. When most courts determine whether a data capture behavior constitutes unfair competition, first, it is necessary to

* Диплом 1-й степени в пленарном заседании, 18 апреля 2025 г.

determine whether there is a «competitive relationship» between the plaintiff and the defendant. In particular, whether the plaintiff and the defendant have the same field of activity, business model and user group.

Secondly, whether the plaintiff has a legitimate interest in the data. In this step, the courts often determine whether the data involved in the case has commercial value and whether the plaintiff has made a large amount of upfront investment in the data, so as to prove whether the plaintiff has a legitimate right and interest in the data.

Finally, whether the defendant's behavior has damaged the plaintiff's legitimate data interests. In this link, the courts usually analyze whether the defendant's data capture behavior violates the generally recognized business ethics and has caused actual damage to the plaintiff, and then demonstrates whether the data capture behavior is legitimate.

II. The Main Difficulties Faced By Chinese Courts

After understanding China's judicial judgment ideas, let's look at the second issue, that is, the main difficulties faced by Chinese courts when dealing with unfair competition disputes over data. I think these difficulties can be summarized into four aspects:

First, the courts ignore the balance of the interests of all parties. From the empirical analysis of judicial cases, it is found that when the courts determine unfair competition behaviors, they often focus on the interests of the data holders, and rarely mention the interests of the data grabber, the social value of data sharing, and the negative consequences of the data holders' restrictions on data capture. Under this judgment idea, overly strict requirements for data capture may limit the circulation and development of data, inhibit the innovation of enterprises and the development of the digital economy, and lead to an increase in the operating costs of enterprises and social costs.

Second, the courts' use of judgment bases is not unified. In judicial practice, the courts' judgment bases mainly focus on the "general clause" in Article 2 and the «Internet clause» in Article 12 of the China's Anti-Unfair Competition Law. However, these provisions do not clearly define whether data capture behavior is legal. Therefore, judges lack clear guidance when using these provisions, which also leads to the non-unified use of judgment bases by the courts.

Third, the courts rely on the use of the element of competitive relationship. Taking whether there is a competitive relationship between the plaintiff and the defendant as the basic element for determining unfair competition behaviors will narrow the scope of application of the Anti-Unfair Competition Law, Thus violating the basic spirit of the law.

Fourth, the courts do not set up handling rules according to the specific data types. Although the typological method is helpful for us to establish a clear cognitive model, from the statistical situation of cases, most courts only discuss the attributes of data, without making a detailed analysis of the types of data, and even less determining whether the data capture is legal according to different data types.

III. Suggestions For Improving China's Judicial Judgment Rules

The last part of my report is about the suggestions for improving the judicial adjudication of unfair competition over data. I think it mainly includes the following points:

First, the courts should comprehensively consider the interests of all parties. When the courts determine whether data capture is legitimate, in addition to considering the labor input of the data holders, they should also focus on analyzing the interests of the data grabbers, the overall interests of consumers, and the "competitive order and market efficiency". For example, whether data capture will bring consumers lower prices, better products and more choices. Which is more conducive to promoting technological innovation and improving market efficiency, "restricted capture" or "data capture" ?

Second, the courts should refine the judicial interpretations of Article 2 and Article 12 of the China's Anti-Unfair Competition Law. Since these two provisions do not clearly define the nature of data capture, the courts should actively create judicial interpretation rules that conform to the spirit of law to provide guidance for the judgment of similar cases.

Thirdly, courts should abandon the use of the element of competitive relations. The China's Anti-Unfair Competition Law aims to maintain a fair competitive order, and the element of "competitive relationship" should not hinder the realization of this goal. In fact, unfair competition behaviors implemented by non-horizontal operators can also have a negative impact on damaging the market competition order. Therefore, in the judicial adjudication of unfair competition over data, the courts should completely abandon the use of the element of competitive relationship and replace the "competitive relationship standard" with the "competitive order standard".

Fourth, the courts should determine whether data capture constitutes unfair competition according to different data types. For example, whether the data involved in the case is public data or non-public data,

general data or sensitive data, primary data or derived data, and so on. The courts should carefully consider these situations and re-classify the data to form rules for judging the legality of different data capture behaviors.

Conclusion

The determination of unfair competition behaviors in the field data is not only related to the protection of the interests of business operators and consumers, but also has an impact on the realization of the value of data. How to ensure the legal and efficient circulation of data is an unavoidable proposition in the era of digital economy, which requires our joint efforts.

Given the limited time, it's a pity that many contents in this report cannot be fully elaborated. That's all for my presentation. Thank you for your attention.

References

1. On October 15, changes to the Law on Unfair Competition will come into force in China. URL: <https://russian.cgtn.com/news/2025-06-27/1938547894939492354/index.html> (date of request: 28.06.2025).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бадмаева Туяна Доржиевна, магистрант 2-го года обучения, Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, Россия, г. Улан-Удэ, badmaeva.t@mail.ru

Бадмажапова Баярма Даши-Дондокова, магистрант 2-го года обучения, Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, bbayarma47@gmail.com

Болормаа Хайдав, магистр юриспруденции, старший преподаватель, институт юридический, факультет публичного права, Монгольский государственный университет, г. Улан-Батор, Монголия, Bolormaa_kh@num.edu.mn

Бауэр Екатерина Александровна, студент 2-го курса, Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, k4terinabauer@yandex.ru

Боровинских Лана Васильевна, студент 2-го курса, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, lborovinskikh@yandex.ru

Бураев Николай Владимирович, магистрант 2-го года обучения, Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, buraevnv@gmail.com

Бянкина Анна Михайловна, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Забайкальский государственный университет, г. Чита, eleon-84@mail.ru

Галиев Михаил Сергеевич, доцент кафедры юриспруденции, Дальневосточный филиал, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, доцент кафедры права, Камчатский филиал АНОО ВО ЦС РФ Российского университета кооперации, кандидат юридических наук, galiev87@inbox.ru

Гао Тяньцзы, магистрант юридического факультета, Китайский университет политических наук и права, г. Пекин, Китай, 2843343668@qq.com

Дермичев Даниил Дмитриевич, студент 2-го курса, Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Mутka121003@yandex.ru

Дорж Энхтур, кандидат юридических наук, майор полиции, Университет внутренних дел Монголии, г. Улан-Батор, Монголия, d.enkhtur@yandex.ru

Иванов Данила Алексеевич, студент 4-го курса, Санкт-Петербургский институт (ф-л), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, Danilaiw563@mail.ru

Игумнова Мария Михайловна, магистрант 2-го года обучения, Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, igumnova2602@icloud.com

Копылова Екатерина Владимировна, студент 2-го курса, Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, korylovae216@gmail.com

Котельников Алексей Дмитриевич, аспирант 2-го года обучения, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, ADK8897@yandex.ru

Ли Ваньли, магистрант 2-го курса, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия/г. Харбин, КНР, liwanli6000@163.com

Long Jun, доцент и научный руководитель юридического факультета, Фуцзяньский педагогический университет, член экспертной группы Ассоциации исследований Фуцзянь по праву, член совета Ассоциации исследований экономического права Юридического общества Фуцзянь, доктор права Китайского университета Жэньминь, автор Информационной сети по правовым вопросам Пекинского университета и научный сотрудник Центра исследований рынка и нормативного права Китая и Кореи, Китай, Фучжоу, longjun@fjnu.edu.cn

Лхагвадорж Мунх-Оргил, научный сотрудник, Университет внутренних дел Монголии, капитан полиции, Монголия, г. Улан-Батор, d.enkhtur@yandex.ru

Маншеева Эржена Дамбаевна, магистрант 2-го года обучения, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ, Erzhen_98@mail.ru

Meng Gaozheng, PhD students, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, gaozheng.meng@mail.ru

Мосунова Полина Александровна, магистрант 1-го года обучения, Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, polya.mosunova.02@mail.ru

Мусина Альфия Руслановна, аспирант 2-го года обучения, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, ARMusina@fa.ru

Олонболд Дарханболд, master of law, lecturer, National University of Mongolia, School of Law, Public Law Department Ulaanbaatar, Mongolia, darkhanbold@num.edu.mn

Орлова Мирослава Евгеньевна, студентка 4-го курса, Дальневосточный филиал, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, galiev87@inbox.ru

Осоруев Аюр Владиславович, магистрант 2-го года обучения, Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, ayugosoruev@gmail.com

Побежимов Дмитрий Михайлович, старший преподаватель кафедры теории государства и права, Забайкальский государственный университет, г. Чита, robjimovd@mail.ru

Раднаев А.А., студент 2-го курса, Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, radnaev.01@mail.ru

Сунь Юйпэн, аспирант 2-го года обучения, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, г. Новосибирск, 16601236420@163.com

Тарасенко Данил Андреевич, студент 3-го курса, Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, gek4@mail.ru

Тишина Анастасия Валерьевна, адъюнкт 1-го года обучения, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Москва, nastya.tishina.99@bk.ru

Трофимова Инесса Борисовна, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, iness.kostilia@mail.ru

Трошинский Павел Владимирович, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН), кандидат юридических наук, исследователь традиционного и современного права Китая, г. Москва, troshc@mail.ru

Хулханова Дина Константиновна, студент 4-го курса, Санкт-Петербургский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Санкт-Петербург, dinahul@icloud.com

Шарифходжаев Шарифходжа Исломходжаевич, аспирант 2-го года обучения, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, sharif.sharif.sharif12@mail.ru

Янжинов Батор Буянович, магистрант 1-го года обучения, Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, г. Улан-Удэ, byanzhinov@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Badmaeva Tuyana Dorzhievna, 2nd year Master's student, Buryat State University named after D. Banzarov, Russia, Ulan-Ude, badmaevaaa.t@mail.ru

Badmazhapova Bayarma Dashi-Dondokova, 2nd year Master's student, Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, bbayarma47@gmail.com

Bolormaa Khaidav, Master of Laws, Senior Lecturer, Law Institute, Faculty of Public Law, National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia, Bolormaa_kh@num.edu.mn

Bauer Ekaterina Aleksandrovna, 2nd year student, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, k4terinabauer@yandex.ru

Borovinskikh Lana Vasilievna, 2nd year student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, lborovinskikh@yandex.ru

Buraev Nikolay Vladimirovich, 2nd year master's student, Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, buraevnv@gmail.com

Byankina Anna Mikhailovna, senior lecturer, Department of Civil Law Disciplines, Transbaikal State University, Chita, leon-84@mail.ru

Galiev Mikhail Sergeevich, Associate Professor of the Department of Jurisprudence, Far Eastern Branch of the All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Law, Kamchatka Branch of the Russian University of Cooperation, Candidate of Law, galiev87@inbox.ru

Gao Tianzi, Master's Student, Faculty of Law, China University of Political Science and Law, Beijing, China, 2843343668@qq.com

Dermichev Daniil Dmitrievich, 2nd-year student, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Myrka121003@yandex.ru

Dorzh Enkhtur, Candidate of Law, Police Major, University of Internal Affairs of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia, d.enkhtur@yandex.ru

Ivanov Danila Alekseevich, 4th-year student, Saint Petersburg Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «All-Russian State University of Justice» (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Danilaiw563@mail.ru

Igumnova Maria Mikhailovna, 2nd year master's student of the Institute of Law and Economics of the Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, igumnova2602@icloud.com

Kopylova Ekaterina Vladimirovna, 2nd year student, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, kopylovae216@gmail.com

Aleksey Dmitrievich Kotelnikov, 2nd year postgraduate student, Baikal State University, Irkutsk, ADK8897@yandex.ru

Li Wanli, 2nd year master's student, Transbaikal State University, Chita, Russia/ Harbin, China, liwanli6000@163.com

Long Jun, Associate Professor and Academic Supervisor of the Faculty of Law, Fujian Normal University, Member of the Expert Group of the Fujian Law Research Association, Member of the Council of the Economic Law Research Association of the Fujian Law Society, Doctor of Law, Renmin University of China, Author of the Legal Information Network, Peking University, and Researcher, Center for Market and Regulatory Research of China and Korea, Fuzhou, China, longjun@fjnu.edu.cn

Lkhagvadorzh Munkh-Orgil, Researcher, Research Institute, Institute, University of Home Affairs of Mongolia, Police Captain, Mongolia, Ulaanbaatar, d.enkhtur@yandex.ru

Mansheeva Erzhena Dambaevna, 2nd year Master's student, VSGUTU, Ulan-Ude, Erzhena_98@mail.ru

Meng Gaozheng, PhD students, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, gaozheng.meng@mail.ru

Mosunova Polina Aleksandrovna, 1st year Master's student, Law Institute, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, polya.mosunova.02@mail.ru

Musina Alfiya Ruslanovna, 2nd year Postgraduate student, Ufa University of Science and Technology, Ufa, ARMusina@fa.ru

Olonbold Darkhanbold, Master of law, lecturer, National University of Mongolia, School of Law, Public Law Department Ulaanbaatar, Mongolia, darkhanbold@num.edu.mn

Orlova Miroslava Evgenievna, 4th year student, Far Eastern Branch of the All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, galiev87@inbox.ru

Osoruev Ayur Vladislavovich, 2nd year Master's student, Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, ayurosoruev@gmail.com

Pobezhimov Dmitry Mikhailovich, Senior Lecturer, Department of Theory of State and Law, Trans-Baikal State University, Chita, pobjimovd@mail.ru

Radnaev A.A., 2nd year student, Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, radnaev.01@mail.ru

Sun Yupeng, 2nd year postgraduate student, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, 16601236420@163.com

Tarasenko Danil Andreevich, 3rd year student, Buryat State University named after D. Banzarova, Ulan-Ude, gek4@mail.ru

Tishina Anastasia Valerievna, 1st year postgraduate student, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, nastya.tishina.99@bk.ru

Trofimova Inessa Borisovna, Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, iness.kostilia@mail.ru

Troshchinsky Pavel Vladimirovich, Leading Researcher, Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences (ICSA RAS), PhD in Law, researcher of traditional and modern law of China, Moscow, troshc@mail.ru

Khulkhanova Dina Konstantinovna, 4th year student, St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), St. Petersburg, Saint Petersburg, dinahul@icloud.com

Sharifkhodjaev Sharifkhodja Islomkhodjaevich, 2nd year postgraduate student, Saratov State Law Academy, Saratov, sharif.sharif.sharif12@mail.ru

Yanzhinov Bator Buyanovich, 1st year master's student, Buryat State University named after D. Banzarov, Ulan-Ude, byanzhinov@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ /CONTENT

Предисловие.....	5
Preface.....	5

I СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ: НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ СТРАН АЗИИ

I COMPARATIVE LAW: NATIONAL LEGAL SYSTEMS OF ASIAN COUNTRIES

Бауэр Е. А. Сравнительный анализ ветеринарно-санитарных норм в Российской Федерации и Китайской Народной Республике.....	8
Орлова М. Е., Галиев М. С. Теоретико-правовой и сравнительно-правовой взгляды на исполнительное производство в странах Азии.....	12
Побежимов Д. М. Сравнительно-правовой анализ недропользования в России и Китае...	15
Сунь Юйпэн. Законодательный режим Китая для методов идентификации контента, созданного с помощью генеративного искусственного интеллекта.....	18
Трошинский П. В. Эволюция китайской адвокатуры.....	23

II КОНСТИТУЦИОННОЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

II CONSTITUTIONAL AND INTERNATIONAL LEGAL REGULATION IN THE ASIAN REGION

Дермичев Д. Д., Трофимова И. Б. КоАП РФ: статья 8.13 – нарушение правил охраны водных объектов.....	28
Копылова Е. В., Трофимова И. Б. Сравнительный анализ административного регулирования мелиоративных систем с зарубежным опытом (Китай).....	32
Котельников А. Д. Независимость избирательных комиссий в России и государствах Центральной Азии: вопросы конституционно-правового регулирования.....	35
Meng Gaozheng. The international legal obligation of chian regarding the right to health.....	38
Хулханова Д. К. Сравнительный анализ правового регулирования иностранных инвестиций в странах Азии.....	43

III ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ АЗИИ

III CIVIL LAW PROBLEMS OF COMPARATIVE LAW IN ASIAN COUNTRIES

Гао Тяньзцы. Сравнительное исследование прав личности в Гражданском кодексе Китая и нематериальных интересов в Гражданском кодексе России.....	47
Ли Ваньли. Различия и особенности сделок по законодательству Китая и России.....	52
Мосунова П. А. Сравнительно-правовой анализ авторского права: Российская Федерация и Китай.....	55
Тарасенко Д. А. Сравнительно-правовое исследование договора дарения по российскому и китайскому гражданскому праву.....	58
Янжинов Б. Б. Система прав на землю в России и Китайской Народной Республике.....	65

IV УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ В АЗИИ

IV CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND FORENSIC PROBLEMS OF COMPARATIVE LAW IN ASIA

Бадмаева Т. Д. О некоторых вопросах применения условного осуждения к несовершеннолетним в Российской Федерации и Китайской Народной Республике: сравнительно-правовой анализ действующих систем.....	72
Бадмажапова Б. Д.-Д. Сравнительно-правовой анализ производства в суде с участием присяжных заседателей в Российской Федерации и Японии.....	78

Болормаа Хайдав. Осмотр в уголовном судопроизводстве, его основания, порядок и сравнительное исследование.....	82
Боровинских Л. В. Участие прокурора при поддержании гражданского иска в уголовном процессе России и Китайской Народной Республики.....	86
Бураев Н. В. Уголовно-правовая оценка ятрогенных преступлений: опыт стран Азии.....	91
Darkhanbold Olonbold. Examining participants in criminal justice from the perspective of methodological individualism.....	94
Дорж Энхтур. Проблема предупреждения мошенничеств, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в Монголии.....	103
Иванов Д. А. Сравнительный анализ уголовно-правовых и криминалистических подходов в борьбе с экономическими преступлениями в странах Азии: традиционные и современные вызовы.....	110
Игумнова М. М. О некоторых вопросах правовой регламентации альтернативных лишению свободы видов наказаний в уголовном законодательстве России, Китая и Монголии: сравнительно-правовой анализ действующих систем.....	113
Лхагвадорж Мунх-Оргил. Роль общеобразовательных организаций в профилактике преступности и правонарушений в Монголии.....	118
Маншеева Э. Д. Механизм уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от преступлений: сравнительно-правовой анализ норм РФ и стран Азии.....	125
Мусина А. Р. Наркопреступность в России и Азиатско-Тихоокеанском регионе: глобальные угрозы и стратегии борьбы.....	129
Осоруев А. В. Принудительные меры воспитательного воздействия по отношению к несовершеннолетним: сравнительный анализ применения в законодательстве Монголии и России...	134
Раднаев А. А. Киберпреступность в Азиатско-Тихоокеанском регионе.....	137
Тишина А. В. К вопросу об исключении преступного деяния сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации при применении специальных средств в процессе исполнения им обязанности по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.....	141
Шарифходжаев Ш. И. Проблемы и перспективы международного сотрудничества России и стран Азии в борьбе с транснациональной преступностью.....	147

V ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО, ЭКОЛОГИЧЕСКОГО И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ АЗИАТСКИХ СТРАН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

V TRANSFORMATION OF MODELS OF SOCIAL-ECONOMIC, ECOLOGICAL AND INNOVATIVE DEVELOPMENT OF ASIAN COUNTRIES IN MODERN CONDITIONS

Longjun. China model of judicial adjudication of unfair competition in data.....	150
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	153
INFORMATION ABOUT AUTHORS.....	155

Научное издание

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ В СТРАНАХ
АЗИИ — XVI

Материалы ежегодной международной молодежной
научно-практической конференции
(смешанный формат)

(Улан-Удэ, 18 апреля 2025 г.)

Редактор
А. М. Бянкина

Компьютерная верстка Ж. В. Галсановой

Св-во о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 01.10.25. Формат 60 x 84 1/8.
Усл. печ. л. 18,6. Уч.-изд. л. 15,26. Тираж 300. Заказ 109.
Цена свободная

Издательство Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
gio@bsu.ru

Отпечатано в типографии Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а

Улан-Удэ
2025 г.